

Маруся Климова

БЕЗУМНА МГЛА

© Copyright Маруся Климова 2013

Издание: «Опустошитель»: Москва, 2013

СОДЕРЖАНИЕ:

БЕЗУМНАЯ МГЛА. Мысли и опыты.

ПОРТРЕТ ХУДОЖНИЦЫ В ЮНОСТИ. Повесть.

Безумная мгла

мысли и опыты

Давно хотела назвать одну из своих книг «Безумная мгла», но абсолютно не представляю, как втиснуть это словосочетание в текст. Чтобы было хоть какое-то объяснение. Лучше всего, наверное, прямо так и начать: «*Безумная мгла сгущалась*».

Ничто так не угнетает, как чтение литературных рассылок. Писатели и поэты напоминают саранчу: их так много, с каждым разом все больше, и когда-нибудь они тебя сожрут.

Первую половину своей жизни ты посвящаешь чтению книг, изучению классики и вообще стараешься стать как можно умнее, чтобы потом на протяжении многих лет постоянно сталкиваться с самыми разнообразными проявлениями слабоумия и маразма. И так до тех пор, пока ты, наконец, не осознаешь, что и в начале жизни у тебя перед глазами тоже были исключительно примеры человеческого идиотизма, ну разве что чуть менее разнообразные, однако по молодости и глупости ты их просто неправильно понимала, считая образцом для подражания.

В юности меня больше всего пугала перспектива встретить каких-нибудь хороших и добрых людей. А если я вдруг наталкивалась на тех, кто казался мне на них похожим, и на время все-таки погружалась в идиллию, то потом меня при одном воспоминании об этом периоде своей жизни начинало тошнить. Сначала это происходило на бессознательном

уровне, но постепенно становилось все более и более осознанным. Пока, наконец, я не поняла, что ничего положительного в этом мире не существует, и мои страхи носят надуманный и почерпнутый из книг характер. Сейчас, по крайней мере, я совершенно спокойна на этот счет. В некоторых отношениях люди оказались даже хуже, чем я их себе представляла в самых радужных мечтах.

Иногда мне кажется, что, если какое-либо явление окружающего мира невозможно хотя бы мысленно свести к шутке, то оно представляет собой иллюзию и обман. Смерть, например, бесконечно комична, а вот любви, увы, не существует.

Никто так хорошо не понимает друг друга, как шизофреник и параноик.

Людям маленького роста не рекомендуется фотографироваться рядом с крупными предметами, но порой у них просто нет выбора. Как и у философов, вынужденных по долгу службы задаваться глобальными вопросами.

Книги - это что-то вроде ненужных декораций, которые только мешают видеть их авторов такими, как они есть на самом деле. Именно так и следует к ним относиться. Как к злу.

С тех пор, как я приобрела себе жесткий диск с функциями проигрывателя, телевизор, кажется, полностью исчез из моей жизни, причем без каких-либо дополнительных усилий с моей стороны. Все произошло совершенно естественно: просто одно техническое средство вытеснило другое. Теперь я методично закачиваю себе фильмы и просматриваю где-то примерно по два триллера в день. И, если подумать, то этим в настоящий момент исчерпываются все мои контакты с реальностью. Есть, правда, еще интернет. Но, когда фактически все, с кем ты, так или иначе, пересекаешься в сети, выступают, к примеру, на очередных выборах за кандидатов, не набирающих в итоге и одного процента голосов, то и тут тоже вряд ли стоит говорить о каком-либо серьезном соприкосновении с окружающим миром. Скорее всего, личности, которых я наблюдаю на экране монитора, тоже уже давно ничего не видят, кроме более-менее свежих DVD. Допускаю, что они отдают предпочтение не триллерам, а какому-нибудь другому жанру – например, авторскому кино. Однако вряд ли эта деталь является такой уж существенной и способна как-то повлиять на цельность образовавшегося вокруг меня замкнутого пространства.

И это, скорее, хорошо. Меня, во всяком случае, такая ситуация вполне устраивает. Будь у меня достаточно средств, то я бы, пожалуй, еще и в окна вместо стеклопакетов вставила плазменные панели. Тогда я могла бы и вовсе в зависимости от настроения перемещаться в разные эпохи, просто меняя видео в окнах. Возможно, именно так я когда-нибудь поступлю. С технической точки зрения, тут нет абсолютно ничего невыполнимого.

Другое дело, что все прошедшие эпохи тоже достаточно скучны и уже успели мне порядком надоесть. Особенно, когда их изображают в кино. Герои прошлых веков всегда бывают выряжены в одинаковые костюмы и платья – почти как в униформу – на головах у них однотипные прически, шляпы и парики, а вокруг по бескрайним полям и зеленым лужайкам с коротко подстриженной травкой снуют столь же примелькавшиеся кареты и упряжки лошадей. Ничего не поделаешь, гардероб и прочий антураж даже у таких богатых студий, как в Голливуде, имеет свои пределы. С этим фактом, в конце концов, еще можно было бы как-то смириться. Однако все это самым пагубным образом сказывается и на характерах персонажей, обычно столь же мало отличающихся друг от друга, как и

костюмы в которые они облачены. Поэтому я очень хорошо понимаю тех, кто предпочитает набившим оскомину картинам прошлого образы будущего. Хотя бы потому, что последние теперь в основном создаются при помощи компьютерной графики и в меньшей степени зависят от количества платьев и париков, имеющих в распоряжении той или иной съемочной группы. Но тут все уже упирается в фантазию режиссеров, а те, увы, как правило, оказываются абсолютно тупы и бездарны. Поскольку вместо того, чтобы ходить в библиотеку и совершенствовать свой интеллект, большую часть своей жизни провели в поиске «бабок» на все ту же достаточно дорогостоящую компьютерную графику, без которой, как я уже сказала, ни одну картину будущего теперь толком не нарисуешь. Так что будущее, как это ни странно, тоже успело мне поднадоесть. А ведь оно, если подумать, даже еще не наступило.

Короче, с видеозаставкой в окна в случае, если я все-таки решу осуществить свой проект, у меня могут возникнуть определенные проблемы. Не ставить же туда, в самом деле, куски фильмов каких-нибудь гениев. Тогда, и без того находясь в замкнутом пространстве, ты рискуешь почувствовать себя окончательно отрезанной от внешнего мира затворницей. За окнами все-таки должно быть что-нибудь более-менее обыденное и привычное, такое, чтобы, и оставаясь полностью изолированной от людей, я продолжала чувствовать себя частью социума. Пусть это будет иллюзия, но иллюзия настоящая, а не мнимая. И самое главное, эта иллюзия должна быть мне приятна, никак меня не раздражать и не нарушать мой покой. Так что и в оконные «плазменные пакеты» мне, видимо, тоже придется поставить все те же фрагменты триллеров. Ничего другого мне почему-то в голову не приходит.

А так, лежишь себе на диване, смотришь новый – или пересматриваешь старый – фильм про то, как какой-нибудь псих затащил в подвал очередную жертву, разложил на столике инструменты и готовится ее расчленивать, а во все окна к тебе самой, тем временем, уже лезут маньяки с топорами – стоит только чуть-чуть приподнять занавеску. Такое благоустройство квартиры, а точнее, своего жизненного пространства, кажется мне наиболее предпочтительным из всех возможных.

Не представляю, как можно сегодня сидеть и специально слушать музыку. По-моему, это так же дико и противоестественно, как напряженные аккорды, начинающие непонятно откуда звучать в наиболее волнующие моменты фильма про любовь. В кино такое было возможно лет сорок назад. Сейчас подобное воспринимается как запрещенный прием и практикуется исключительно в сериалах для домохозяек. Лично я музыку слушаю только в маршрутках, такси, кафе и еще, когда сосед упражняется на рояле. Так что и классике, как ни странно, в моей жизни все еще есть место.

В современном мире поп-звезды – это боги, а гении – всего лишь маги. Но можно ли назвать магом того, кто никогда не общался с Богом? Мне, например, лет пятнадцать назад довелось разговаривать по телефону с самим Бари Алибасовым. Я позвонила ему по заданию газеты, с которой тогда сотрудничала. Бари Каримович находился в туалете и сразу же сообщил мне об этом. Подобная степень доверительности со стороны небожителя меня настолько потрясла, что этот момент я считаю ключевым в моей писательской судьбе. С тех пор я ни разу не усомнилась в своей гениальности.

Ничего удивительного, в сущности. Жизнь не так длинна, а людям чаще всего вообще некогда думать – приходится работать, стирать, готовить, ездить в командировки, на научные конференции, защищать диссертации, писать статьи, книги, свободного времени едва хватает на какой-нибудь сериал. Про шахтеров и сантехников я вообще молчу. Думать ни о чем серьезном большинство просто не в состоянии. Ну а тот, кто все-таки достаточно много времени проводит, погрузившись в размышления, обычно почти не живет, поэтому крайне плохо осведомлен о происходящем вокруг. Что толку от таких мыслей? Вот и получается, что за множество тысячелетий человечество так и не смогло оставить ныне живущим ничего более утешительного, кроме нескольких наспех состряпанных религий, относиться к которым всерьез практически невозможно. Тысячелетия тут никого не должны вводить в заблуждение – реально ведь речь идет где-то в среднем о пятидесяти-шестидесяти годах, из которых на осмысление фактов типа хождения по воде и вознесения на небеса было потрачено от силы минут пять, ну, может быть, несколько часов, максимум - пара дней. С остальной культурой дела обстоят приблизительно так же. Ничего удивительного. Лично я, зная людей, скорее, была бы поражена, если бы кто-то из наших предшественников оставил грядущим поколениям нечто глубоко выстраданное, серьезное и по-настоящему осмысленное, пожертвовав ради этого своим личным временем. Такого просто не может быть, потому что не может быть никогда. Впрочем, для тех, кто не особенно задумывается – а таких большинство – сойдет и так.

уродство красоты

Писатели в жизни крайне редко соответствуют своей репутации и созданным ими в книгах собственным образам. Постоянно приходится об этом слышать. Но ведь и названия цветов часто бывают красивее их самих. Нарциссы, например: такое выразительное слово, отягощенное множеством смыслов и романтической легендой, и такие, в общем-то, обычные на вид растения. Их тонкие стебельки явно не выдерживают груза ответственности. Конечно, трудно представить себе в наши дни человека, который воспринимал бы миф о Нарциссе всерьез. Однако к цветам и животным люди все равно почему-то относятся гораздо снисходительней, чем к поэтам. По-моему, это неправильно и непоследовательно. По этой причине бабы, громко восторгающиеся цветами, всегда казались мне почти такими же вульгарными, как депутаты Думы, декламирующие Пушкина.

Обидно, но только с годами начинаешь понимать глубокую мудрость многих евангельских изречений. Про «возлюби ближнего», например. Как это все-таки важно - совершенно искренне и непосредственно любить тех, с кем тебе приходится сталкиваться в жизни, особенно, конечно, начальство и прочих нужных людей. В принципе, можно и всех, потому что никогда ведь не знаешь точно, кто тебе может пригодиться. Любить и, не стеснясь, высказывать свои восторги вслух. И людям приятно, и для тебя – залог успеха во всех начинаниях. Можно, конечно, и прикидываться. Но циничному субъекту всегда будет хоть чуть-чуть, но не хватать спонтанности, поэтому рано или поздно он начнет отставать от личностей, способных на неподдельные чувства. Всего ведь не предусмотреть, а непосредственному человеку и предвидеть ничего не надо, так как он всегда ко всему готов, и никакой самый совершенный детектор лжи его не расколет. Поэтому тому, кто всерьез рассчитывает на успех в этом мире, необходимо с юных лет воспитывать в себе способность любить окружающих. Ибо со временем, когда в твоей

душе накопится злоба и раздражение на людей, никакие сознательные усилия и ухищрения тебе уже не помогут.

Есть только три явления в современном искусстве, о симпатии к которым я могу в любой момент без колебаний заявить вслух: *Петрисян, Церетели и Ласковый май*. Только у них можно чему-то научиться, и только им мне хочется иногда подражать. Все остальное слишком неопределенно, зыбко и расплывчато.

Поймала себя на мысли, что не могу вспомнить ни одного современного отечественного режиссера, который не был бы продолжателем кинематографической династии: В.Тодоровский, Алексей Учитель, Бодров-младший, Филипп Янковский, Д. Смирнова, Илья Хржановский, Дм. Месхиев, Алексей Герман... Нет, наверное, такие есть, но мне как-то в голову никто не пришел. В принципе, далеко не все из перечисленных выше безнадежны, однако подобную картину трудно сейчас представить в какой-либо другой стране. Ибо тут определенно присутствует удивительная простота, которой всегда так славились русские люди. Правда, в советские времена детям крупных партийных лидеров еще ненавязчиво предлагалось поступать куда-нибудь в МГИМО, чтобы отойти немного в тень и не слишком отсвечивать на переднем плане. А сыновья членов СП, соответственно, становились актерами и режиссерами. То есть какая-то сложность в те времена в обществе присутствовала, чисто животная хитрость, по крайней мере. А вот современные люди уже вплотную приблизились к растительному миру. Животные все-таки в состоянии перемещаться в пространстве на четырех конечностях, тогда как семя растения не способно далеко оторваться от породившего его ствола и подчиняется исключительно порывам случайного ветра.

Нет, я, конечно, не мистик и вообще никогда ни к чему такому не стремилась. Но если подумать, то вдова Селина сама готовила мне кофе, водила в Оперу и рестораны. Императора Бокасса полностью оправдали по обвинению в людоедстве, а его адвокат два, нет, даже целых три раза правил мои французские тексты. И, наконец, я прикасалась к черепу маркиза де Сада.

Даже если совсем не читать книг, писатели, как надоедливые мухи, преследуют тебя в виде изреченных ими мудрых мыслей.

Люди девятнадцатого века – все на одно лицо, совсем как негры. Кроме того, у них не было мобильных телефонов, электричества, ездили на лошадях, стрелялись из пистолетов. Короче, дикари.

Удивительно, что когда-то они казались мне такими прекрасными и романтичными.

праздник, который всегда со мной

В Петербурге я за событиями культурной жизни уже давно не слежу. Но здесь в Париже постоянно приходится с кем-то встречаться и что-то обсуждать, а осень тут - пора подведения литературных итогов. В шорт-листе премии Медичи откуда-то из небытия всплыл писатель Маканин. Не могу вспомнить, сколько лет назад я в последний раз слышала эту фамилию. Неужели в России его еще кто-то читает? Интересно тогда, почему именно он, а не Белов или Распутин или еще кто-нибудь из тех, про кого сейчас даже нельзя с уверенностью сказать, что он жив, хотя известий о смерти тоже вроде не поступало? Маканин, впрочем, на сей раз мимо премии благополучно пролетел, но это ведь чистая случайность, и тот, кто ее удостоился, скорее всего, мало от него отличается.

Вообще, чтобы начать воспринимать всерьез то, что запускается сейчас в общественное потребление печатным станком и литпремиями, которые во Франции по степени идиотизма абсолютно идентичны российским, мне, вероятно, следовало бы обратиться в какую-нибудь религию. Другого выхода для себя я не вижу. Ибо только вера в высшие силы способна придать хоть какой-то смысл этому недоступному для понимания слабым человеческим разумом феномену. Раз уж вся власть от Бога, то и весь абсурд тоже от него. От кого же еще? По этой же причине, думаю, наиболее успешные авторы детективов, женских романов, фэнтези, триллеров, а также пособий по стратегии достижения жизненного успеха и соблазнению мужчин у глубоко верующих индивидуумов должны вызывать настоящий священный трепет. Будь я православной, я бы непременно повесила у себя над кроватью в качестве иконы портрет Дэна Брауна и молилась бы на него по утрам и перед сном, поскольку его присутствие в этом мире в таком количестве можно объяснить только сошествием на него какой-то особой благодати. Но я, к сожалению, таковой не являюсь. И что мне теперь делать?

Себя я могла бы назвать мистиком разве что в отношении природы. И то с большой натяжкой. В частности, еще в Петербурге, по дороге в аэропорт, я обратила внимание, что листья на большинстве деревьев, несмотря на давно наступившие холода, так и не пожелтели, и поэтому опадают прямо зелеными. Не уверена, что это так уж полезно и безопасно для растений. А все дело в том, что в этом году весна наступила с большой задержкой, в результате деревья расцвели позднее обычного, и теперь они просто подчиняются заложенному в них жизненному циклу. То есть, как их запрограммировали на шесть месяцев, так они и будут теперь все это время тупо зеленеть, абсолютно не обращая внимания на опасность, которую очевидным образом несут в себе изменившиеся погодные условия. И в этом смысле растения очень мало отличаются от людей. Все-таки их умственные способности были сильно преувеличены разными романтически настроенными философами и поэтами. А на самом деле, если деревья и превосходят по своему интеллектуальному развитию человека, то совсем ненамного.

Je hais l'amour mais j'aime la haine. A cause de cette contradiction apparente mes sentiments s'annihilent constamment, et je deviens de plus en plus insensible et dure.

Et tout ce que savait Socrate qu'il ne savait rien, mais lui aussi, il a fait une triste fin.
{ Ненавижу любовь, но люблю ненависть. Из-за этого очевидного противоречия мои чувства постоянно аннигилируются, и я становлюсь все более бесчувственной и жестокой.

Вот Сократ всего лишь знал, что ничего не знает, и то плохо кончил. (франц.)

в поисках утраченного времени

В центре Помпиду большая выставка сюрреалистов в фотографиях и видео. Этажом ниже, уже в основном музее, Франсуа, который теперь возглавил еще и фонд Дюбуффе,

попытался выяснить у зрителей местонахождение картин своего протеже, и ни один из, кажется, трех не смог указать нужного направления...

Ну а я, совершив столь резкий переход от винтажных снимков в залы музея, где представлены практически все образцы живописи за последние сто лет, невольно поймала себя на мысли, что живопись свою смертельную схватку с фотографией все-таки проиграла. Причем уже не как средство копирования реальности, а именно как искусство: по степени выразительности и, главное, актуальности. Написанная маслом картина рядом с фотоснимком выглядит сейчас не менее архаично, чем театральная постановка в сравнении с фильмом. А это значит, что живопись вслед за театром перешла в разряд искусства для пенсионеров. В принципе, я и раньше об этом догадывалась, но тут как-то сразу все так наглядно сошлось в пространстве и времени. И объяснить этот странный эффект можно, вероятно, тем, что все созданное сегодня при помощи рук или других частей человеческого тела (как в случае с театром или же классической музыкой) сразу же становится чем-то вроде покрытой вековой пылью антикварной мануфактуры на блошином рынке. Все по-настоящему современное может быть произведено только при помощи техники. Многие художники, кстати, последовательно отказываясь от классических форм в пользу беспредметности и детских каракулей, демонстрируют, что они и сами где-то инстинктивно чувствуют глубочайшую рутинность традиционного мастерства. Однако этот шаг, как и всевозможные авангардные кривляния актеров на театральной сцене, вряд ли способен всерьез поправить их положение. Живопись, симфоническая музыка, театр и прочие "слишком человеческие" виды и жанры искусства кажутся сегодня безнадежно устаревшими. С этой точки зрения мне совершенно непонятны некоторые писатели, не стесняющиеся признаваться вслух, что они игнорируют компьютер и продолжают записывать свои тексты в блокнотик ручкой, так как это якобы позволяет им сохранить живой контакт с буквами и прочей херней. Интересно, что среди таких "чудаков" тут во Франции мне иногда попадались вполне практичные и здравомыслящие личности вроде Амели Нотомб. Если бы литература находилась в такой же зависимости от средств производства, как и перечисленные мной выше виды творчества, то она бы уже давно отправилась вслед за ними на свалку. Где, кстати, уже и находится сейчас образ гения с гусиным пером в руке.

Исключением же во всей этой достаточно ясной и простой ситуации в современной культуре можно назвать, разве что, того же Дюбуффе, а точнее, открытый и пропагандируемый им арт-брют. Ибо только безумие по-настоящему вечно и не зависит от новейших веяний прогресса. Причем не только в живописи, но и в литературе.

Исключительно шизофреники и дауны могут позволить себе сегодня водить кистью по холсту или же записывать свои гениальные прозрения непосредственно на бумагу. Правда, в последнем случае листочки с их каракулями следует бережно ксерокопировать и переплетать, чтобы сохранить всю целостность и первозданность их творческого метода и, конечно же, живость, которая для многих коллег "по перу" в наши дни так и осталась недостижимой мечтой.

L'autre main branle {Другая рука дрожит (франц.) Так называется эссе Пьера Гийота, в котором он описывает процесс своего творчества.}

Вчера Пьер Гийота уже не в первый раз – он, вероятно, просто забыл – повел меня в Нотр-Дам, к колонне со специальной табличкой, указывающей на то, что именно в этом месте семнадцатилетний Поль Клодель когда-то пережил озарение. Под озарением, насколько я понимаю, в данном случае имеется в виду приход французского поэта к Богу. Я бы, естественно, этот момент вряд ли так назвала, поскольку Бог уже давно не ассоциируется

у меня ни с истиной, ни, тем более, с красотой, ну разве что с добром. Поэтому лучше, наверное, было бы написать попроще: "Рядом с этой колонной Клодель решил делать людям добро". Какое же это озарение? Скорее, совсем наоборот. Ибо в том или ином возрасте такое иногда бывает у всех, но вот ведь, оказывается, не у всех проходит. Мало того, даже для настоящего помутнения у того же Паскаля были куда более веские причины: его карету, как известно, в аналогичной ситуации с переменной сознания, на мосту понесли лошади. А так вот просто, на халяву прислониться к колонне - по-моему, это совершенно несерьезно и не заслуживает таблички. Надо отдать должное православным: им в гораздо меньшей степени свойственна гордыня по поводу столь незначительных моментов бытия. В Петербурге, на углу Разъезжей и Марата Василий Розанов, ничуть не менее замечательный религиозный писатель, чем Клодель, лет сто назад наверняка ведь тоже стоял и дрочил, и, думаю, не один раз, а уж по молодости, тем более. На его языке, если не ошибаюсь, это как раз и означало "помолиться своему Богу". Однако никакой таблички там до сих пор нет, как нет ее и на месте его дома неподалеку. А ведь там Розанов провел целых несколько лет своей жизни, а это значит, мог "молиться своему Богу" и "переживать озарения" практически каждый день в течение всего этого времени.

Тут, в центре Помпиду, кстати, сейчас довольно много пугающего вида латиносов (соотечественников Борхеса, если кто не в курсе), особенно в очереди за талончиками на интернет, которые не только излучают абсолютно невыносимый запах, но еще и постоянно подвывают на своем языке, раскачиваясь в такт всем корпусом и опустив руки в карманы - вот они уж точно "молятся своему Богу", можно не сомневаться. Из-за них я даже вынуждена была отказаться от местных компьютеров, и теперь везде таскаю с собой ноутбук.

Пьер, между тем, подготовил к изданию еще один том, посвященный детству, правда, на сей раз уже не внешним аспектам воспитания, а своим тайным и нереализованным желаниям. И в этой книге, насколько я поняла, будет 400 страниц. Вот он, масштаб по-настоящему великого писателя! Размер, на самом деле, тоже имеет значение. Достаточно вспомнить хотя бы Толстого.

В кафе Ростан, на рю Медичи, нас сфотографировала какая-то старая наркоманка с тремя детьми. Вообще-то я опасалась давать ей фотоаппарат, но официантку было невозможно поймать.

eden, eden, eden {Эдем, эдем, эдем (франц.) }

Все хорошо, но как же я иногда завидую личностям, которые, приезжая в какую-нибудь страну и не зная местного наречия, могут спокойно созерцать красоты природы и архитектуры, абсолютно не отвлекаясь на то, что говорят вокруг них люди. Таким образом, они на неделю или даже целый месяц - в зависимости от продолжительности приобретенного ими тура - как бы возвращают себе райское бытие, когда человеческие голоса становятся практически неотличимы от щебетания порхающих вокруг птиц. Не передать, сколько раз за время моего нынешнего пребывания в Париже я ловила себя на мысли, почему мне так не повезло и я вынуждена не только слышать, но и понимать всю эту херню, которая постоянно доносится до меня буквально отовсюду: в метро, автобусе, с соседней скамейки в сквере или же из окна напротив. В человеческом языке вообще слишком много слов. К родному языку, правда, с годами начинаешь относиться как к неизбежному злу, но даже еще один - это уже слишком. Ибо тогда ты вынуждена употреблять как минимум в два раза больше слов. Тогда как мне кажется, что, общаясь между собой, люди вполне могли бы обойтись без большинства из них, а может быть,

даже, им вполне хватило бы щебетанья или мычанья.

С этой точки зрения я никогда не понимала философов, которые не только не чувствуют избыточность языка, но и по сей день продолжают захламлять его все новыми и новыми терминами, предназначенными для обозначения каких-то совершенно невероятных тонкостей и сложностей, якобы присущих этому миру. Писатели хотя бы пользуются уже существующими словами, с наличием которых, опять-таки, еще как-то можно смириться как с неизбежным злом. Но придумывать еще и новые? Для чего? Однозначно у этих людей не все в порядке с головой, поскольку они не замечают таких простых и очевидных вещей. Какая-то совершенно своеобразная форма недоразвитости.

Стоит только кого-нибудь из представителей этой профессии спросить о том, что такое, к примеру, добро, как он тут же, как ученый попугай, подробнейшим образом изложит вам, что это понятие восходит к очень древней традиции, и, совершая его, человеку надлежит полностью от себя отречься, совсем не ждать благодарности и т.д., и т.п.. И так по любому поводу и на любую тему. Поэтому я, наверное, не совсем права. Философы являются достаточно умными представителями разнообразного животного мира. Странно, что их до сих пор не показывают в цирке.

В местной бесплатной газетке Metro прочитала, что Саркози выступил с инициативой переноса останков Камю в Пантеон. Однако дочка пока не дала на это своего согласия и сомневается, а ее брат-близнец и вовсе категорически против, так как Камю, по его словам, крайне отрицательно относился к публичности и всевозможным почестям...

Вот так всегда и бывает. Личности вроде меня, которые обожают награды и признание окружающих, чаще всего остаются ни с чем. А те, кто всей этой суеты глубоко чужды, удостоиваются Нобелевской премии, а после смерти попадают в Пантеон. С точки зрения общепринятой морали именно так, возможно, и должно быть. Но мне кажется, что это несправедливо. Я знаю, сколько сил обычно тратят писатели, чтобы выбить какую-нибудь, даже самую ничтожную по размерам, литературную премию, как они мучительно ищут знакомых или хотя бы знакомых знакомых среди номинаторов и членов жюри, а тут сидишь себе, ни о чем таком не думаешь, и вдруг тебе звонят и сообщают о присуждении Нобелевской премии. Разве это правильно? Помню, когда модельер Юдашкин почти сразу же вслед за мной удостоился Ордена литературы и искусства, то он тоже заявил, что был совершенно не готов к получению столь высокой награды. А просто это министр культуры Франции вдруг вспомнил, что такой замечательный кутюрье все еще живет без ордена. В этом отношении Камю чем-то похож на Юдашкина. Однако больше я таких скромных и в то же время удачливых людей не встречала.

мои занятия спортом

В местных газетах пишут, да я и сама обратила внимание, что в Париже стало гораздо больше толстых француженок – одно из следствий популярности Макдональдса среди молодежи. Сегодня со мной в бассейне плавала такая жирная баба, что я инстинктивно старалась держаться от нее подальше, чтобы она меня не раздавила. А какой-то наглый дебил перевернулся на спину и поплыл прямо на меня, хотя я заметила, что перед этим он на меня смотрел, поэтому, видимо, он просто решил таким образом освободить себе дорожку от посторонних. Но я тоже тогда перевернулась на спину и поплыла ему навстречу, предвкушая, как он сейчас стукнется об меня башкой - что и произошло. В

результате он чуть не захлебнулся от негодования и уставился на меня с открытым ртом, ожидая извинений. «Ну что, придурок?» - сказала я ему по-русски, так что смысла он не понял, но по моим интонациям должен был уловить, что извиняться я не собираюсь. А уже на выходе, проходя мимо черной билетерши, которая безмятежно развалилась в своем кресле перед телевизором, я тихо приблизилась к ней сзади и гаркнула на ухо: «au revoir», {До свидания (франц.)} - с как можно более пронзительными интонациями. Она прямо так и подпрыгнула в своем кресле.

Настроение, которое с утра у меня было довольно паршивым, после бассейна значительно улучшилось.

Все-таки переводчик не самая удачная профессия для писателя – вечно тебя с кем-то путают. Врач или там агент по недвижимости в данном случае подходят лучше. Но самое печальное, когда писателю приходится работать писателем. Даже в голове не укладывается, что в советские времена таких было до фига и больше. И некоторые из них еще умудрялись "писать для души". Я бы тогда, наверное, стала сочинять книги про партию или же, на худой конец, фэнтези и женские романы. Не представляю, как можно относиться всерьез к своей профессии и, тем более, ее любить. А бабки-то все равно надо как-то зарабатывать.

загадочная французская душа

Моя парижская знакомая несколько лет преподавала на Антильских островах и привезла оттуда солидный запас рома. Кроме того, у нее только что вышла книга про Селина. И вот мы сидели с ней как-то у нее на кухне, пили ром, отмечали книгу и обсуждали известных нам селинистов: у кого сколько бабок, жен, детишек, кто купил себе дом, кому повезло с наследством, и кто, как она, вынужден перебиваться на зарплату преподавателя... Кажется, она перечислила почти всех, и язык у нее стал сильно заплетаться. Я даже начала опасаться, что сейчас она свалится со стула и заснет, а мне придется ее тащить до кровати. Но вдруг она вся преобразилась, резко выпрямилась, как будто вспомнила что-то крайне важное: «Но вот F... F. – это нечто совсем особенное! Он стоит над всеми и является абсолютно уникальным человеком в этой ничтожной среде!» - «Почему?» - «Как это почему? Он же работает архивариусом». - «И что?» - «Он архивариус и происходит из семьи потомственных библиотечарей. А это выше денег, связей, званий, известности, вообще всего-всего!» Произнося последние слова, она даже вскочила со стула и вскинула руки к потолку, чтобы наглядно продемонстрировать мне, насколько высоко возвысился F. над окружающими. После чего опять уселась на стул и уставилась на меня с нескрываемым удивлением, что я не знаю таких очевидных и понятных каждому вещей.

Села покурить сегодня в скверике на Вьей-дю-Тампль, заодно прослушала откровения клошара на соседней скамейке. Сначала он дремал там, и я его не заметила, а потом проснулся и давай орать. Запахи до меня, к счастью, не доходили, зато слова хорошо было слышно, даже слишком. На вид примерно такой же, как у нас на Сенной, и вещал

примерно о том же: обличал человечество, ну, может быть, с чуть большим охватом, во вселенских масштабах, включая «бога, которого нет»...

Вот почему, интересно, чем больше человек приблизился к истине, тем дальше хочется от него держаться? Уже не в первый раз ловлю себя на такой мысли. Мне кажется, тут дело даже не в конкретных людях, а самой истине. Не знаю, есть ли еще что-нибудь более банальное в этом мире, чем истина. И стоит ли вообще кому-нибудь открывать рот, чтобы ее изречь?

Истина – это и есть квинтэссенция мировой пошлости, по-моему. И главными ее разносчиками являются вовсе не телевизор и прочие СМИ, как многие почему-то считают, а именно бомжи и клошары. Примерно как клопы и блохи разносят инфекцию – сравнение само прямо так и напрашивается. Телевизор в этом отношении - совершенно безобидная вещь, не говоря уже о том, что его всегда можно выключить.

А вот пока я в Париже. Почему бы исламским террористам не подкрасться ночью и не подпилить ножки у Эйфелевой башни? Было бы круто.

Мое готическое окно выходит в сад. Вполне нормальный вид, кстати, почти как в книгах. Если бы еще детишки днем так не верещали. Там, по-моему, какое-то детское заведение где-то неподалеку, типа садика или яслей. Но зато вечером и ночью совсем тихо.

Вчера вечером моя соседка по артистическому приюту устроила вечеринку для всех, кто туда приехал. А там, по-моему, кроме меня еще четыре человека сейчас живут, по этой программе во всяком случае. Потому что периодически в этих пугающих извилистых коридорах я встречаю еще каких-то личностей, если, конечно, это не привидения, а реальные люди. Такие гулкие шаги по каменному полу иногда раздаются, оглянешься, а тень уже скрылась во мраке, только дверь со скрипом закрылась и хлопнула. Я сначала подумала, что идея собрать всех вместе была подкинута ей сверху и тут так принято. Но нет, оказывается, это она сама догадалась. Она художница из Албании, а я заметила, все представители бывшего соцлагеря вообще самые сообразительные, по крайней мере, в артистической среде. И чем жестче у них там был раньше режим, тем они догадливей и предприимчивей. Поэтому нет ничего удивительного, что идея собрать всех у себя пришла в голову именно ей. На вид она примерно моя ровесница, а может быть даже старше. Правда, сейчас она в основном в Италии живет. И свое пати она тоже решила устроить в итальянском духе, приготовила макаронки с креветками, а все гости принесли с собой по бутылке красного вина, самого дешевого, разумеется, из ближайшего магазина Эд.

Гостей, впрочем, было не так уж и много. Директрисе все уже давно по барабану, так что по окончанию рабочего дня она сразу же предпочла свалить к себе домой. И я ее понимаю. Зато пришла координаторша культурных программ из центральной конторы, такая типичная полная кипучей энергии француженка. Ей тоже уже хорошо за тридцать, но она, как я поняла, мечтает стать актрисой. А что? По-моему, у нее есть способности, может быть, у нее и получится. Была еще арт-критик из Бразилии со своим мужем, то ли Педро, то ли Эдуардо. Они ездят по миру и снимают документальные фильмы. Оба жутко тощие, классические наркоманы, но Сан-Пауло, откуда они родом – это очень крутой город, там одиннадцать миллионов, проводятся карнавалы и кокаином можно просто унухаться, к тому же и Колумбия рядом. Вот они и нанюхались, это сразу бросается в глаза. А у этого Эдуардо еще такие тонкие усики, как у сутенера, к тому же он постоянно

приплясывал под музыку, извиваясь всем телом - прикольный тип. Немец – фотограф из Дортмунда - моложе всех, по-моему, держался наиболее отстраненно, сел в уголок и смотрел на присутствующих с некоторой настороженностью в глазах. Его, между прочим, как я потом узнала, сначала поселили в квартиру на нижнем этаже, с окнами на проезжую часть, и там еще рядом концертный зал, где по выходным играет духовой оркестр, и поют оперные певцы тоже с достаточно громкими голосами, так он не поленился, пошел к директрисе, и его переселили в другую, этажом выше. А та квартира досталась в результате Энн, танцовщице из Штатов, которая приехала позже всех. Но она вообще на эту вечеринку не явилась, сказала, что больная. Похоже, она обиделась.

Я и сама с некоторых пор смотрю на немцев с настороженностью. Несколько лет назад, помню, я тут же в Париже жила у знакомой немки, которая другие комнаты сдавала исключительно своим сородичам. И там был один студент из Гамбурга. Так он, спустя несколько месяцев после того, как я уже вернулась в Петербург, не поленился и прислал мне письмо: «Мадам, мне было так приятно жить с вами по соседству, Вы так милы, я был счастлив с Вами познакомиться, но вот почему Вы съели мое яичко? Дело в том, что когда я вернулся с каникул, то обнаружил в холодильнике, что их стало семь, а было восемь...» Разве? А я и не заметила. И я ему еще помогла найти и вставить пробку, когда он у себя в комнате остался без света, звонила хозяйке квартиры в Швейцарию за свой счет. Так что в этот раз я даже предпочла переплатить и лететь на Эр Франс, а не на Берлинских Авиалиниях, и не только потому, что там приходится пересаживаться, а просто, когда во Франкфурте в салон вваливается вся эта публика со своими котулями и чемоданами, и начинает громко галдеть и каркать на своем наречии, то становится как-то уж совсем тяжело. До Франкфурта в основном только стюардессы с тупыми рожами и металлическими глазами, их еще можно как-то вынести, но дальше... Нет, лучше уж я немного переплачу, но долечу так, чтобы потом неделю не просыпаться по ночам от внезапно посетивших тебя кошмаров, что ты у кого-то в дороге случайно съела штрудель, и тебе теперь придет по почте счет на два евро. К тому же, если покупать билеты заранее, то на Эр Франс сейчас совсем даже не дороже получается, если не дешевле.

Ну а на этой вечеринке, когда все выпили и расслабились, то постепенно перешли к самой актуальной на сегодня для художников и арт-критиков всего мира теме про бабки: как им всем хотелось бы иметь их побольше и как сложно их стало находить. Немец, правда, продолжал держаться отстраненно и в разговоре участвовал довольно вяло. Проблема бабок, судя по всему, его не слишком волновала. Возможно, у него папа с мамой достаточно состоятельные, поэтому такие разговоры ему не особенно интересны.

Но самое печальное, что никто из них не говорил по-французски, так что мне тоже пришлось напрячься и изъясняться на английском. За исключением координаторши, разумеется: с ней я могла говорить по-французски, и она, к счастью, про бабки тоже почти ничего не говорила, а в основном делилась со мной планами на свое будущее в качестве актрисы. Ну а я со своей стороны просветила ее по поводу истории ее родного города – рассказала, что в Париже раньше был морг, куда все ходили как в музей, и трупы выставляли чуть ли не на витрине. Я прочитала об этом уже не помню где, в газете “Метро”, по-моему. Она была очень удивлена и поражена и все просила меня рассказать ей об этом поподробнее.

Но я довольна все равно, что сходила и посмотрела на тех, кто сюда приехал, хотя у меня и были поначалу сомнения. Теперь я знаю, что у меня здесь самая лучшая комната, на третьем этаже, с окнами в сад и еще лесенкой наверх, где стоит кровать. Такой лесенки тут больше точно ни у кого нет, я у всех спрашивала.

немного мистики

Эллочка Людоедка – моя любимая героиня во всей русской литературе, это всем известно, и я стараюсь на нее равняться, но объективно мне до нее еще далеко, вынуждена это признать. Она запросто могла обходиться парой десятков слов, а я реально иногда испытываю проблемы из-за ограниченности своего лексикона. До сих пор так и не смогла подобрать какую-нибудь достойную замену слову «блин!», так как мне оно чего-то не нравится, с самого начала не понравилось, да и вообще мне как-то уже не катит совсем его употреблять, не солидно, по-моему. Приходится обходиться традиционным «черт».

А что делать? О таких вещах надо заранее заботиться, а я все время отвлекаюсь, забываю, и тут вдруг что-нибудь – а никаких других слов в запасе у меня и нет, вот поневоле и употребляешь «черт!», заранее надо было думать, сама виновата. Или еще это «забавно» – тоже не мешало бы хоть какой-нибудь синоним ему подобрать, для разнообразия, а то все «забавно», да «забавно», мне уже и самой надоело, честно говоря, но, опять-таки, о подобных вещах вспоминаешь в самый последний момент, а пока все идет гладко, то вроде бы и без надобности забивать себе голову подобной чепухой, не лезть же, в самом деле, в словарь, чтобы заранее подготовиться, что ты будешь говорить вместо слова «блин», когда тебе на голову на кухне кастрюля с полки упадет. Может быть, это было бы и забавно, конечно, но все равно совершенно нереально.

Короче, черт! Несколько дней назад у меня в ноутбуке случился сбой, никогда такого раньше не было, то есть сбои были, разумеется, но чтобы вдруг после пропал файл в ворде, да еще такой, который я постоянно сохраняла, поскольку там у меня уже накопилось где-то порядка пятнадцати страниц далеко не самым крупным шрифтом, что составляет почти недельную норму, которую я себе тут задала. О том, что это за текст, я даже не говорю - если его потом кто увидит, то поймет. К этому тексту даже слово «забавный» не подходит, поэтому я об этом пока лучше вообще промолчу. Совершенно оказалась не готова к такой ситуации в смысле правильных слов. Поставила поиск, даже скачала себе какую-то Рекуву, которая нашла мне буквально все, включая документы двухгодичной давности, за исключением нужного мне файла. Он исчез совершенно бесследно, как в воду канул. Просто какая-то мистика. Более того, мне кажется, в этой ситуации, и вправду, при желании можно усмотреть вмешательство высших сил, так как исчезло начало достаточно специфического текста. И еще этот бывший монастырь-хоспис, где я сейчас нахожусь. Духи тут, наверняка, так и шастают. Забавно, короче.

Но мне, честно говоря, было совсем не смешно. До ночи провозилась с поиском и программами, правда, на следующий день села, немного поднапряглась, отказалась от прогулки и бассейна, и сделала недельную норму заново. За один день. После чего, как ни странно, у меня настроение стало даже лучше, чем раньше. Так что я сейчас собой вполне довольна. А высшие силы сосут.

Зашла сегодня по привычке в Центр Помпиду, правда, он мне не особенно нужен, так как с интернетом на сей раз у меня проблем нет. Там все по-прежнему. Полно всяких жутиков, как обычно, и запах соответствующий. Очереди на вход, к счастью, сегодня не было. Пока ехала на автобусе, видела целую группу черных сутенеров в таких специфических кепочках, обтягивающих джинсах и начищенных остроносых ботинках - ошибиться невозможно. Даже пожалела, что не сфотографировала. Ну, ничего, как-нибудь в следующий раз, тут такие, по-моему, на каждом шагу. Две девицы внизу минут пять, наверное, трепались между собой и как будто меня не замечали, но потом, наконец, выдали мне талончик к компьютеру на втором этаже, хотя этот талончик выскочил из принтера у одной из них почти сразу же, когда я подошла.

Еще я заметила, что некоторые девки при общении с бабами постарше, вроде меня, начинают так подчеркнута сюсюкать, и выражение лица у них становится каким-то неестественно сладким. Так и хочется дать им в лоб иногда! В душе они, наверняка, смакуют разницу в годах, так как не сомневаются, что в этом заключается их главное преимущество, поскольку так все говорят. Видимо, большинство из них даже не представляют, что, на самом деле, у них нет никакого будущего. И это отчетливо написано на их физиономиях, да и во всем облике – достаточно только раз взглянуть. А у некоторых еще на роже запечатлелась родовая ухмылка, точно такая же, какая была у их мамаш и бабушек после долгих лет горькой жизни. Поэтому, когда смотришь на такие лица, вообще перестаешь понимать, с кем ты разговариваешь: формально вроде твоей собеседнице лет двадцать, но точно такая же многозначительная улыбка на лице будет у нее и в пятьдесят. Ничего не изменится. И ее детишки тоже будут почти наверняка отмечены такой же родовой печатью. Так что о возрасте в большинстве случаев вообще говорить не приходится. Люди вечны. Особенно, конечно, умудренные богатым жизненным опытом обыватели.

Кавказцам, если они решили кого-нибудь ограбить, замочить или там продать партию наркотиков, не нужно извращаться и говорить вместо «украл» - «взял», называть наркотики «травой», глаза – «шнифтами», а пистолет – «волыной»... Им вообще никакого специального жаргона не требуется. Поскольку они могут, совершенно не напрягаясь, обсуждать все интересующие их темы непосредственно на своем родном наречии, причем даже в публичных местах.

Русские, по моим наблюдениям, в Париже тоже ведут себя раскованнее, чем у себя дома: начинают говорить более уверенно и громко, хотя и не орут, конечно, как немцы у нас в метро. Однако строить планы вслух по-русски, как, например, лучше залезть в сумочку какой-нибудь бабе прямо в ее присутствии я бы во Франции не решилась. Да и никто в здравом уме, думаю, не станет. Все-таки русский язык до сих пор еще за границей многие изучают, и все благодаря усилиям Толстого, Чехова и Достоевского. Так что и в этом отношении они своим соотечественникам основательно нагадили.

И зачем, интересно, я покупала себе карточку, если ближайшее метро закрыто, а в автобус сесть невозможно? Давно такой толпы не видела. Пришлось вчера пешком добираться, хорошо хоть недалеко. Правда, метро, в принципе, я вообще не переносу. И в Париже особенно, хотя оно и не такое глубокое, как в Петербурге. Но все мои главные страхи и ужасы связаны почему-то именно с парижским метро. От этого уже никуда не деться, боюсь.

Тем временем тут совсем жарко стало, больше двадцати, по-моему. А года три назад, помню, я тоже в октябре притащилась сюда и даже туфель с собой не взяла, прямо в сапогах. И самое обидное, что всего на несколько дней, поэтому сменную обувь покупать как-то не хотелось...

Но вот, что здесь однозначно лучше, так это продукты. Не кухня даже, а именно мясо там, овощи, молоко и т.п., потому что я пока в основном сама себе готовлю. Это сразу бросается в глаза. Тряпки, на самом деле, сейчас и у нас можно купить, хотя бы через интернет, а вот со жратвой по-прежнему все не так просто, если говорить о качестве, конечно, а не о количестве.

И то, что та или иная нация употребляет в пищу, говорит о ней гораздо больше, чем, например, литература. Ибо тут обыватели уже никак не могут скрыть свою подлую сущность, спрятавшись за спину гениев, как это обычно происходит в культуре. Именно по этой причине, я думаю, у нас все депутаты так и любят рассуждать о духовности. Им кажется, что за широкой спиной Толстого или Достоевского их самих никто не видит. Не буду даже говорить, что, на самом деле, Толстой был редким мудаком – в данном случае это не так важно. Но пожрать-то они все равно любят, и совершенно искренне, а жрут дерьмо. От этого не спрячешься.

Ну а творчество гениев гораздо больше говорит о них самих, чем о стране, в которой они родились. Наоборот, окружающие только и делают, что висят у них на руках и ногах, и вообще предпринимают все от них зависящее, чтобы те поскорее сдохли и не мозолили им глаза своей гениальностью. Это я по себе очень хорошо знаю.

Брюнеток теперь стало больше, чем блондинок. Даже не думала, что доживу до такого. Все-таки жизнь полна неожиданностей.

европейский поэт как идеал и орудие всемирного разрушения

Встретила тут на днях в Париже одного поэта – уже не молодого, сам француз вообще-то, но постоянно трется среди наших бывших соотечественников. И он, видимо, желая мне польстить и закинуть удочку, чтобы его перевели на русский, мало ли, сразу заявил, что хорошо меня знает и даже слышал прошлогоднее интервью со мной на «Свободе». Кое-что ему там показалось интересным, но особенно запало в душу упоминание НБП, поскольку он является большим поклонником и даже приятелем основателя этой партии, хотя само радио «Свобода» - тут он весь скривился и долго не мог подобрать нужного слова от нахлынувшего на него негодования – является полным «мерд», то есть дерьмом...

Естественно, я с ним спорить не стала, поскольку в дискуссии уже давно ни с кем стараюсь не вступать, тем более, с малознакомыми людьми. А просто, воспользовавшись тем, что вокруг было достаточно всяких персонажей, с кем он мог еще побеседовать, незаметно удалилась.

Но все это я говорю к тому, что этот товарищ, если он, действительно на что-то всерьез рассчитывал – а меня заранее предупредили, что он очень хочет со мной встретиться – то тогда он элементарно плохо подготовился. Хотя и нельзя не отметить, что кое-какую предварительную работу он все же провел - многие в подобных случаях вообще себя ничем не утруждают. Прослушал интервью, как- никак, и целое слово понял – что с его познаниями в русском почти подвиг.

И прежде всего, меня удивляет, почему ему в голову не пришло, что на той же «Свободе» может оказаться некто, кто на порядок или даже на несколько порядков по своему сознанию, развитию, образу жизни, вкусам и пр. превосходит, а, самое главное, еще и радикальнее всех членов НБП вместе взятых, включая их лидера. Нет, я, конечно, понимаю, что такое маловероятно, и потому трудно себе представить. А вдруг? В этом мире случаются иногда и такие неожиданности. Ведь он же поэт. А поэт, в отличие от рядовых обывателей, все же должен быть и к подобным неожиданностям готов, ибо невозможно же полностью составлять себе представление об окружающей действительности исключительно на основании того, как тебе ее преподносят по телевизору и в прочих СМИ. Поэту неплохо бы и свою голову на плечах иметь, относиться к окружающему миру хотя бы чуточку серьезней, чем остальные. Поэт же пишет стихи, в

конце концов. И вот так вот при первой же встрече с незнакомым человеком открыть рот и изречь очевидную банальность, да еще с таким торжествующим и безапелляционным видом носителя конечной истины в наше постмодернистское время, когда все вокруг является дискурсом и нуждается в деконструкции... Ну, я не знаю, по-моему, это уже какая-то совсем запредельная простота. Короче, я практически сразу ушла и не стала с ним дальше разговаривать.

И, между прочим, чуть не забыла. О том, что со мной жаждет познакомиться именно поэт, я узнала от своей парижской знакомой примерно где-то за пятнадцать минут до самой встречи, по телефону. Раньше же она мне несколько раз писала и говорила, что меня упорно хочет видеть некий французский переводчик, который очень интересуется всем радикальным и необычным, а как переводчик он, кажется, перевел какие-то отдельные стихи, в том числе ее и еще чьи-то. И тут вдруг, в последний момент, выяснилось, что он, на самом деле, является вовсе не переводчиком, а поэтом. Ну а я, соответственно, представляю для него интерес в качестве переводчицы, которая, в свою очередь, интересуется всем необычным и радикальным. Я когда это услышала, то даже опешила от неожиданности, но придираться к ее словам мне было как-то неловко, так как все равно уже поменять или отменить что-либо было нельзя, и я уже почти притащилась на вернисаж, где и должна была произойти эта встреча. Впрочем, все эти детали сейчас уже не так и важны.

Между тем, вернувшись из Парижа, я обнаружила у себя на автоответчике два сообщения с приглашением посетить секцию прозы СП. Недавно позвонили еще раз, и тоже в мое отсутствие. Притом, что я в такой секции вообще не состою – а только в переводческой, которую я тоже еще ни разу не посещала, и куда меня, правда, никто еще ни разу и не приглашал. То есть с переводчиками у меня вполне гармоничные отношения, основанные на полной взаимности. А вот эти настойчивые звонки, каких ранее никогда не было, меня немного смущают. Да еще и звонил именно тот тип, которого я как-то мимоходом описала в «Моей теории литературы»: ну, как он пытался возглавить СП на одном из собраний, где я случайно присутствовала. Фамилию его я опять, кстати, забыла, а сообщения уже стерла. Теперь вот, оказывается, он возглавляет секцию прозы. Но не в этом суть. Больше всего меня смущают какие-то уж совсем запредельно доброжелательные и приветливые интонации в голосе на автоответчике. Причем доброжелательности и приветливости в нем с каждым новым звонком становится все больше и больше. После последнего мне уже совсем стало не по себе. В самом деле, зачем меня звать, да еще на заседание секции, в которой я не числюсь? Да хоть бы и числилась. Невозможно ведь в здравом уме представить меня сидящей рядом с личностями, зачитывающими куски из своих произведений, обменивающимися творческими планами или, даже не знаю, чем там они еще занимаются.

Поэтому у меня на данный момент имеются, по крайней мере, две версии столь настойчивого желания заманить меня туда.

Кому-то из членов СП попала в руки моя книга, он наткнулся на кусок с собранием, сообщил председателю секции прозы, тот решает созвать своих коллег по перу, зовет меня, а я, поддавшись на уговоры, доверчиво прихожу, дверь за мной закрывается... Дальше, думаю, можно не продолжать.

Другой вариант, куда более вероятный, как мне кажется. Дело в том, что незадолго до своего отъезда, где-то в сентябре, я зашла в правление СП и заплатила очередной взнос: целых пятьсот рублей. Секретарша была так рада, так рада, что словами и не передать, усадила меня на стул, побежала за чайником, короче, мне стоило большого труда оттуда уйти. Но самое главное, из потока ее сбивчивых и восторженных междометий я все-таки

уяснила для себя, что являюсь чуть ли не единственной благодетельницей, внесшей за достаточно продолжительный период времени в их кассу свой скромный вклад. Дальнейшее несложно себе представить. После моего ухода она сразу же позвонила главе секции прозы, который по каким-то причинам пользуется ее особым расположением – возможно, и как потенциальный кандидат в председатели всего союза – тот немедленно приехал, они взяли мои деньги, побежали в соседнюю булочную и купили себе к чаю небольшой тортик. При этом он строго-настрого запретил ей сообщать о моем благородном поступке представителям других секций, чтобы отсеять конкурентов, так сказать: в первую очередь переводчиков, естественно. И теперь он решил, что если я приду на заседание их секции, то наверняка тоже принесу каждому ее члену хотя бы по пирожку.

Перебираясь сегодня по Невскому на общественном транспорте – маршрутки, как я поняла, там отменили – вспомнила забавную табличку в парижском автобусе: «... в случае разногласий предпочтение отдается тому, кто желает закрыть окно». Вот чего так не хватает здесь пассажирам, да и людям вообще: таких вот уточнений и разъяснений по самым разным поводам жизни. И хотя лично я предпочла бы, чтобы предпочтение отдавалось тому, кто окно открывает, все равно невозможно ведь любой самый элементарный вопрос решать исключительно при помощи мордобоя. А российскому гражданину даже в случае, когда ему просто надо пропустить кого-то вперед или же, не дай бог, уступить место, приходится задаваться воистину гамлетовским вопросом: не примут ли его тогда за лоха. Я вообще не могу сказать, что меня как-то особо радует, когда каждый встречный, включая нажимающего на переходе на газ водителя «Лексуса», пытается напомнить мне о себе и своих комплексах. Вежливость – это, наверное, единственное, что позволяет человеку почувствовать себя по-настоящему одиноким в этом мире. Больше, думаю, ничего и не надо.

Роботы вокруг - это идеал, но такое, увы, можно увидеть только в кино.

На остановке возле Меги-Дыбенко орудует целая стая карманников. Подходят сзади к толпе пассажиров, а потом резко отступают, изображая, что подошедший автобус идет не до той станции метро. Со следующим автобусом все повторяется заново. Невольно наблюдала сегодня эту картину, пока ждала, чтобы немного рассосался народ, так как всегда ужасно боялась давки. Я, конечно, не сотрудник правоохранительных органов, но мне потребовалось где-то минут пятнадцать, чтобы идентифицировать всех участников этого представления: четыре жутика восточной наружности, в черных куртках, с пустыми пакетами в руках. Похоже, они вообще ездят туда, как на работу, даже вырядились в униформу, можно сказать. И никого это не интересует. Зато в Летнем саду, например, милиционеры буквально снуют по всем аллеям. Сначала, помню, я никак не могла понять, почему их там так много, и куда они все столь энергично спешат. Но после того, как увидела, что пара патрульных вцепились в двух несчастных студенток, сидевших напротив с учебниками и баночкой пива, все сразу встало на свои места. Короче, и милиция, и преступники определенно нашли себе занятие в этом мире.

После всего этого ни в Мегу, ни в Летний сад меня больше не тянет. И вовсе не потому, что открывшаяся мне картина оскорбляет мое нравственное чувство. Просто наблюдать за тем, чего больше, вроде бы, никто не замечает, довольно утомительно. Невольно начинаешь чувствовать себя Господом Богом. По мнению схоластов-теологов,

он только и делает, что с интересом следит за людьми. Странно. Лично я бы предпочла затеряться в толпе покупателей или же просто беззаботно сидеть на скамейке и дышать воздухом.

Нельзя писателям брать имена, которые моментально вылетают из головы. Помню, был такой – то ли Дмитрий Андреев, то ли Андрей Сергеев, то ли Сергей Дмитриев, то ли Андрей Дмитриев – до сих пор не могу с уверенностью сказать. А ведь я когда-то даже о нем писала, в связи с букеровской премией, по-моему. Что же говорить об остальных?

У писателя должно быть имя звучное и выразительное, типа Мамонт Дальский, Васисуалий Лоханкин или же Иегудил Хламида, такое, чтобы читатель сразу настраивался на романтический лад и, самое главное, раз услышав, уже не мог никогда забыть. Или же, на худой конец, как у Айн Рэнд: полностью повторяющееся на уровне артикуляции рвотные позывы. Тоже своего рода мнемоническое правило. Правда, я до сих пор так и не смогла заставить себя открыть ни одну ее книгу. Но известность важнее, в конце концов.

В идеале писатель должен любить только самого себя. Правда, в реальности подобное поведение какого-либо индивида маловероятно. Без опоры на так называемую традицию в лице умственно отсталых классиков и поддержки со стороны дегенеративных собратьев по перу любого гения просто-напросто сметут с лица земли конкуренты.

Однако я совсем не понимаю тех, кто интересуется чуть ли не всеми книгами подряд и даже гордится своей начитанностью, постоянно демонстрируя ее окружающим. Мне самой, конечно, тоже нравится Селин. Но я, по крайней мере, отдаю себе отчет в том, что это – мой главный недостаток.

мой эстетический идеал

Путем многолетних наблюдений я пришла к выводу. Обычно именно недоделанные, несовершенные и даже откровенно плохие произведения больше всего будят во мне фантазию, поскольку вызывают спонтанное желание что-то в них доделать, завершить и улучшить. Очень часто после знакомства с каким-нибудь дурацким фильмом или книгой я вдруг ловила себя на мысли: "А вот если бы автор в конце добавил всего одну фразу, или же вот тут, в этом месте, сюжет пошел в немного другом направлении, а главным героем стал вот тот второстепенный персонаж, вот тогда могло получиться нечто вполне интересное и даже замечательное".

Произведения же близкие к совершенству, наоборот, как правило, не рожают во мне практически никаких мыслей и оставляют безучастной. Нет, я понимаю их достоинства и ценю труд их создателей, но в них и так все на месте, в полном порядке, поэтому мое участие в их судьбе совсем не требуется. Они вполне способны обойтись без меня.

Встречаются, правда, случаи и такого редкого идиотизма, который не пробуждает во мне никаких мыслей и чувств. Самый яркий пример – "Я помню чудное мгновение" Пушкина. Абсолютно пустое и бессмысленное стихотворение, которое, между тем, почему-то совсем не хочется исправлять и улучшать. Неслучайно ведь в свое время его почти официально и практически на всех уровнях признали совершенным. Да и сейчас

оно по-прежнему для большинства читателей является таковым. А что с ним еще делать? Лично меня это совсем не удивляет.

Стоит ли говорить, что это стихотворение всегда оставляло меня равнодушной. Правда, на одну мысль оно меня все-таки наводит. Как образец совершенного и не нуждающегося в поправках убожества оно невольно заставляет меня думать о возможности создания чего-то такого, что стало бы его полной противоположностью, то есть о возможности произведения воистину великого, которое бы, тем не менее, пробуждало в том, кто с ним соприкоснется, целую бурю мыслей и чувств по его... ухудшению. Нетрудно догадаться, что таким произведением могло бы стать только нечто совершенно прекрасное в своей незавершенности и незаконченности, и каждый шаг по его усовершенствованию невольно нарушал бы установившуюся зыбкую гармонию. Таким образом, еще прекрасней его мог бы сделать только тот, кто придал бы ему еще большую незавершенность и незаконченность. Понятно, что столь ускользающий от определения феномен был бы доступен пониманию крайне немногочисленной группы избранных умов, тогда как всем остальным оно казалось бы жутким, небрежно сделанным и нуждающимся в бесконечных поправках и доработках. Настолько значительных, что никто из них никогда не посмел бы публично даже заикнуться, что в нем ему могло хоть что-то понравиться и быть близким не только по форме, но и по духу. Таков мой эстетический идеал.

style contre les idées {Стиль против идей (франц.)}

Экологически чистые автомобили перемещаются при помощи солнечных батарей. А писателю, задачей которого является достижение чистоты стиля, очень важно научиться получать удовольствие от созерцания направленной на него бессильной злобы. Это едва ли не единственный источник вдохновения, который с годами не только не иссякает, а все больше и больше пополняется. Идеи, нравственные ценности и, тем более, любовь для этой цели совершенно не годятся

Что-то я не пойму нынешнюю моду на Индию. Тепло-то там, конечно, тепло. Но как можно стремиться в эту страну культурных штампов? Для этого надо быть уж совсем простым и деревянным. Ведь там на каждом углу, наверное, натыкаешься на каких-нибудь мудаков в живописных тюрбанах, которыми все приезжие обязаны восхищаться. А еще эти многочисленные храмы, многорукие шивы, мутные реки и огни ритуальных костров. В такой обстановке любой нормальный человек неизбежно превращается в дегенерата. Хотя нормальные люди туда сейчас вряд ли поедут, разве что по работе. Об антисанитарии в быту, какая обычно бывает у южных народов, я даже не говорю. В Петербурге, правда, Пушкин тоже воспел Медный всадник. Но тут, по крайней мере, по улицам никто не ходит в расшитых сарафанах и рубахах. И на том спасибо!

Не встречала еще, по-моему, ни одного удачного фильма, посвященного писателю, художнику или еще какому-нибудь известному представителю творческой профессии.

Последним фильмом из этой серии стали «Отголоски прошлого» (Little Ashes). Досмотрела пока, правда, только до половины. Но запоминающихся сцен уже достаточно. Особенно когда Дали сидит и водит кисточкой по холсту, а Лорка тут же рядом, не отходя от мольберта, так сказать, стоит с блокнотиком и записывает туда стихи. Ну и продолжительная сцена морского купания, в завершении которой поэт и художник обмениваются крепким мужским поцелуем. Хотя в аннотации почему-то говорится, что речь в данном случае идет исключительно о платонических отношениях. Однако режиссера все же понять можно. Без этого поцелуя большинство зрителей никогда в жизни не догадаются, о каких таких платонических отношениях тут идет речь. Просто крепкая мужская дружба, как, например, у Шерлока Холмса и доктора Ватсона, у которых, между прочим, в отличие от Дали и Лорки, и вовсе не было жен и подруг. Странно, кстати. Что касается «Отголосков прошлого», то самое интересное, не сомневаюсь, произойдет во второй части фильма. Условности уже отброшены, в конце концов.

Между тем, в последнее время меня уже всерьез начинает волновать вопрос. Люди искусства только в кино выглядят такими идиотами или в жизни тоже? К тем, кто проявляет трепетный интерес ко всему прекрасному, это также относится. Пока, как я могла заметить, писатели-интеллектуалы более-менее органично смотрятся исключительно в экранизациях «женских романов». А без такого интеллектуала, опять-таки по моим наблюдениям, не обходится практически ни один «женский роман». И это обстоятельство меня немного обнадеживает и успокаивает.

Ах, да, кажется, Ватсон был женат – забыла уже некоторые детали. Но, в конце концов, и Дали тоже был женат.

Давно обратила внимание, что практически любой праздник обязательно накладывает какой-нибудь едва заметный, но характерный, отпечаток на лица прохожих на улице, соседей по лестнице и других снующих вокруг меня личностей. После пасхальной недели, например, к темным кругам под глазами, посинению носа и общей одутловатости лба и щек, являющихся следствием беспробудных семидневных возлияний, добавляется еще и выражение некоего благостного умиления, указывающего на то, что сердца попадающихся мне навстречу индивидуумов вдруг переполняются надеждой на абсолютно фантастическое воскрешение в будущем, которое должно стать наградой за совершенные каждым из них в огромном количестве добрые дела.

Одно только сознание того, что столь странная и туманная перспектива способна вдохновлять такое большое количество окружающих меня людей, обычно повергает меня в состояние, близкое к депрессии. Зато в такие моменты ты, как никогда, явственно осознаешь, чего обычно не хватает и без того не отмеченным печатью особого интеллекта лицам вокруг, чтобы они смогли окончательно обрести выражение совершенного и полного идиотизма.

триумф техники

Если сегодня мысленно поставить рядом практически любого поп-исполнителя и оперного певца, то последний на фоне первого будет выглядеть крайне жалко. Я даже не говорю несовременно или же неактуально, а именно жалко. Ибо природа уже давно не несет в себе никакой тайны, и наличие у кого-либо фактически любых традиционных способностей, включая тот же голос, ставит его в крайне невыгодное положение по

сравнению с тем, кто демонстрирует свое превосходство над окружающими при помощи технических средств, вобравших в себя лучшие достижения коллективного разума. Лишенный особых внешних данных, с микрофоном в руке или даже поющий под фонограмму, певец становится кумиром толпы, потому что сумел подчинить себе то, что эта же толпа и произвела. И чем меньше он будет отмечен чертами, выделяющими его из множества его поклонников, тем исступленней и яростней те будут ему поклоняться. В идеале именно лишенный вообще любых способностей, включая слух и внешнюю привлекательность, певец мог бы сейчас стать настоящим символом власти отдельной личности над толпой.

Чуть менее выразительные, но по сути аналогичные, процессы можно наблюдать сегодня и в литературе. Писателю для достижения максимального успеха вовсе недостаточно заставить с максимальной нагрузкой работать на себя типографский станок и электронные средства массовой информации, необходимо еще, чтобы его книги были такими же, или даже уступали тем, что потенциально могли бы создать его читатели. И только тогда его восхождение вверх будет отмечено по-настоящему иррациональной и внушающей трепет всем тайной. Ибо в таком пути обретения успеха нет никаких примесей, связанных с архаичными эмоциями по поводу содержания книг – это чистый акт воли и самоутверждения, опирающийся на грубую и равнодушную к человеческим чувствам силу.

Не вижу никакого смысла останавливаться тут отдельно на политиках. Поскольку наиболее успешные из них повторяют уже описанный мной выше путь, только в еще более очевидной и откровенной форме.

Что такое природные способности человека? Всего лишь случайное сочетание каких-то жалких генов, которые вообще никак не способны повлиять ни на кого из живущих ныне людей. За исключением тех, кто является их непосредственным носителем, естественно. Но остальным-то от этого ни холодно, ни жарко. Тогда как силы, возносящие к успеху того или иного кумира, всегда таят в себе вполне определенную угрозу для каждого, кто становится участником или свидетелем акта его самоутверждения.

Иногда способности человека еще связывают с Богом. Не буду даже говорить, что «бог» - это пустое и бессмысленное слово, которое способно оказать воздействие на чью-то судьбу даже меньше, чем чужое ДНК. Можно было бы, наверное, сказать, что его просто нет, но это не так уж и важно. Существенно то, что бог никак не влияет на этот мир и абсолютно ничего не производит. Поэтому пусть он будет, он никому не мешает, и поэтому о нем можно просто забыть. Интересно, что даже самые фанатичные ныне поборники идеи бога в лице исламских террористов уже фактически это признали, поскольку смогли всерьез напомнить о своем существовании остальным людям, только начав захватывать такие серьезные достижения современной технической мысли, как самолеты. Ибо в какой-то момент и до них наконец дошло, что одними молитвами и паломничествами в этом мире ничего добиться нельзя, в том числе и достижения загробного блаженства. Бог ничего не производит, поэтому необходимо присвоить себе то, что произвели те, кто, как им кажется, верит в бога меньше, чем они. Парадокс заключается в том, что, чем меньше люди верят и поклоняются богу, тем больше они всего производят и изобретают. Так, во всяком случае, до сих пор было. Однако, как теперь выяснилось, использовали они свои достижения абсолютно неправильно и не по назначению. Поэтому отныне все эти достижения будут присваивать себе те, кто настолько ослеплен магической силой техники, что свято верит, будто при ее помощи можно отправиться напрямик в рай, прихватив с собой за компанию как можно больше людей, а в идеале, если получится, и все человечество вообще. В принципе, в таком развитии событий нет ничего утопического, но я не стала бы называть его окончательным торжеством техники. К чему эти громкие слова и пугающие картины будущего, если техника и без того, уже прямо сейчас, вполне господствует и торжествует во всех сферах человеческой жизни и деятельности?

С этой точки зрения, нет никакой существенной разницы между каким-нибудь жизнерадостным победителем Евровидения, среднестатистическим бесцветным политиком, простоватым добродушным писателем с миллионными тиражами и фанатиком-террористом. Все они присваивают себе и используют достижения современной техники, которые им не принадлежат, а точнее, принадлежат только в той степени, в какой они сами являются частью поклоняющейся им или трепещущей перед ними толпы, которая, в свою очередь, будучи олицетворением коллективного разума, эти достижения техники совместными усилиями создает.

Сближение столь различных на первый взгляд явлений вовсе не представляется мне надуманным и притянутым за уши, поскольку, помимо того, что я уже по этому поводу сказала, для меня все эти явления объединяет еще глубокое презрение к красоте, которая практически всегда так или иначе связана с эросом. Просто в одних случаях это пренебрежение проявляется в форме достаточно сытого и откровенно тупого преклонения перед грубой силой, а в других – в виде озлобленного, но от этого не менее тупого, религиозного аскетизма.

Последнее замечание мне кажется настолько несущественным для нарисованной мной общей картины, что его, наверное, даже можно было бы и не упоминать.

Современный человек должен четко усвоить себе, что любое слишком явное проявление интеллекта является знаком его утопических представлений о самом себе, и поэтому фактически обрекает его на неудачу в борьбе за существование в сегодняшнем мире. И в этом смысле то, что традиционно считалось умом, сейчас вполне может быть названо глупостью. Что касается всех природных качеств и способностей, включая внешнюю привлекательность, которые случайно были унаследованы кем-либо из прошлого, то любому их обладателю следует не то, чтобы от них полностью отказаться – такое вряд ли возможно – но, по крайней мере, ему стоит их всерьез устыдиться. Ибо все это – не более, чем следы его рабского происхождения, своего рода атавизмы, которые опять-таки в значительной степени обрекают его на неудачу во все той же борьбе за существование и служат непреодолимой преградой, отделяющей его от расы господ.

С этого каждый более-менее разумный человек и должен сегодня начинать путь своего совершенствования.

Позвонили с телевидения. И теперь я в сомнениях: идти в парикмахерскую, или и так сойдет. Всегда испытывала непреодолимый страх перед этими заведениями, даже больше, чем перед стоматологическими клиниками, наверное. Никогда ведь не знаешь, каков будет результат. А потом тебе пару месяцев так ходить и просыпаться по утрам в паршивом настроении. Раньше у меня была своя парикмахерша, которая была настолько мила, что приезжала ко мне домой. Но сейчас она поднялась до заоблачных высот, и мне придется к ней ехать самой, да и дорого как-то стало совсем. Хотя, если подумать, то парикмахер или там стилист, как теперь говорят – это всего лишь корректор человека. А вот психоаналитик – это уже редактор.

Но все это совершенно не относится к советским парикмахерам. Те были гораздо круче. Психоанализ тогда, к счастью, был запрещен.

Дурацкое имя Татьяна, какое-то квадратное, никогда мне не подходило. Маруся повеселее будет. И опять ведь из-за Пушкина, наверняка, я должна была с детства мучиться и страдать. Так что у меня достаточно причин его недолюбливать.

А если уж совсем серьезно, то у Пушкина мне вообще нравится только опера «Пиковая дама»: в смысле, что там не только музыка хорошая, но и сюжет тоже ничего.

Не знаю, учат ли этому в Литинституте и других творческих вузах, но у каждого писателя обязательно должна быть хотя бы одна неудачная книга. Лучше всего – вторая. А у режиссера, соответственно – фильм. Порядковый номер, впрочем, тут не так важен. Главное, чтобы плохие книги и фильмы следовали непосредственно за теми произведениями, которые имели наибольший успех. Человеческая психология устроена таким образом, что критикам, да и зрителям с читателями, непременно нужно максимально «опустить» того, кого они недавно превозносили. И не только психология: такая реакция вполне соответствует еще и закону сохранения энергии, который распространяется вообще на все объекты физического мира. Поэтому творческим личностям следует относиться к созданию своих неудачных творений абсолютно сознательно и не тратить на них лишних сил. Просто надо чувствовать наступление момента, когда необходимо «кинуть кость» всем тем субъектам, которые, поддавшись стихийному порыву, их похвалили и теперь ищут случая реализоваться. Тогда и публика будет удовлетворена, и сам творец останется доволен собой. Никто ведь не догадается, что произведение, которое все готовы буквально растерзать, его создателю абсолютно по барабану.

Вот чего бы я хотела. Поехать в Куршевель. Подняться в лифте с Максимом Галкиным, позавтракать рядом с Задорновым, встретить в коридоре Шендеровича, послушать, сидя где-нибудь в заднем ряду, стихи Орлуши, смотреть сквозь стекло на удаляющийся по узкой улочке силуэт Пугачевой...
Мне, наверное, никто не поверит, но я серьезно.

art brut et cuit {Искусство сырое и вареное (франц.). }

Мозг большинства людей не в состоянии самостоятельно осмыслить окружающую действительность подобно тому, как их желудок чаще всего не способен переварить сырое мясо. Среднестатистическому индивидууму необходимо, чтобы кто-нибудь за него все заранее определил и классифицировал. Продолжая аналогию с пищей, можно сказать, что люди нуждаются в том, чтобы потребляемые ими продукты были подвергнуты тепловой обработке, а в некоторых случаях еще и тщательно разжеваны.

С этой точки зрения широко распространенная среди обывателей неприязнь к современному искусству не только понятна, но и может быть достаточно точно просчитана, ибо находится в прямо пропорциональной зависимости все от того же страха перед вечно ускользающей от определения реальностью.

Путем несложных расчетов, опросов и исследований, наверняка, можно было бы даже построить наглядный график, который бы убедительно продемонстрировал возрастание художественной значимости того или иного произведения для подавляющего большинства населения планеты по мере его удаления в прошлое.

прекрасное искусство будущего

Скорее всего, когда-нибудь человечество все же сумеет выстроить идеальное общество, где не останется запретов, и все права станут полностью соблюдаться. Все к этому идет, тенденция очевидна. Каждому в таком социуме будет отведена своя ниша, даже педофилам и серийным убийцам начнут подкидывать начиненные электроникой силиконовые копии детишек и баб, практически ничем не отличимые от настоящих. При этом сами они запросто смогут участвовать в публичных дискуссиях, выражать свою точку зрения на происходящие в мире события, получают право голоса. В новом мире книги и фильмы, созданные маньяками и извращенцами, тоже уже никто не будет запрещать. Однако они окажутся неинтересны даже самым отъявленным девиантам, которые, став полноправными и нормальными гражданами общества, теперь не будут чувствовать абсолютно никакого сходства с авторами таких произведений.

Нечто подобное уже можно было наблюдать в СССР, но там намеревались построить здоровое общество счастливых людей, оставив все болезненное и извращенное в прошлом. Предполагалось, что совершенный человек будущего сможет с утра до вечера декламировать прекрасные стихи типа «Чудного мгновения», а все остальное ему попросту не понадобится. Однако эта сверхчеловеческая задача так и осталась нереализованной утопией, поскольку люди оказались слишком слабы и не сумели избавиться от своих недостатков и пороков. Кроме того, коммунисты были не особенно начитаны и наивно думали, что культуру во все времена творили интеллигентные индивидуумы типа Чехова, как и они, мечтавшие о том, чтобы в человеке все было прекрасно. И когда выяснилось, что это не совсем так, и духовность, которую они пытались всячески привить людям, не имеет ничего общего с культурой, которая на девяносто девять процентов создавалась личностями с различными отклонениями, то им пришлось слишком многое, едва ли не все, скрывать и прятать от населения. А это оказалось нереально. Короче, коммунисты ставили перед собой благородную цель, но не очень хорошо к ней подготовились и слегка переоценили человеческие возможности. Если, к примеру, взять какого-нибудь вражеского резидента, прошедшего длительную предварительную подготовку, и посадить его в изолированное помещение, где периодически, через небольшие промежутки времени, вручать запись с декламацией «Чудного мгновения», то даже он, я думаю, где-то на второй или третий день обязательно расколется. А советские люди вынуждены были слушать это стихотворение практически каждый день на протяжении всей жизни. При этом никакой специальной подготовки, не считая школы, они не проходили. Ясно, что бесконечно так продолжаться не могло, и, в конце концов, Советский Союз развалился.

Зато в новом, куда более совершенном и гуманном мире от человека не будет требоваться уже никаких усилий над собой. Каждый сможет получать все, что захочет, и удовлетворять свои самые причудливые прихоти и желания. Сидя в гостиничном номере, например, можно будет заказать себе не только пиццу или девушку по вызову, но еще и не успевший остыть труп из ближайшего морга, с которым можно будет делать все, что угодно, в зависимости от своих наклонностей и, разумеется, материальных возможностей. Положить к себе в постель и провести с ним ночь, чтобы чувствовать себя чуть менее одиноким, нарядить в вечернее платье с рюшками и посадить в кресло перед телевизором, да мало ли что еще, заняться расчлененкой, наконец, поиграть в патологоанатома и поджарить себе на ужин кусочек ляжки. Более того, обо всем этом можно будет потом запросто рассказать своим друзьям, соседям и родственникам, включая мужа, жену и детей. Поскольку ученые к тому моменту уже всем разъяснят, что покойникам все равно, а отдельные группы людей нуждаются в релаксации. Естественно, что иносказания, символы, намеки, гиперболы и метафоры окончательно утратят в таком мире для людей всякий смысл. И вот тогда, в случае построения подобного общества, единственной

проблемой для живущих в нем граждан станет доставшаяся им в наследство от прошлого культура, которая никому из них больше не будет нужна, поскольку практически вся состоит из метафор и символов. Но так вот просто взять и отказаться от нее люди тоже не смогут. Ведь культура – это то, чему их всех с детства учили, на что они привыкли равняться, чем формально должны восхищаться.

Как жить без музеев, Леонардо, Чайковского, Данте, Шекспира и Гомера? Разве можно взять и вдруг отбросить всю свою духовность? Повернуться спиной к тем, кто, часто ценой собственной жизни, добивался торжества всеобщего благополучия, приучал людей к мысли, что любовь к маленьким девочкам безобидна и трогательна, а свежесрезанная печень человека не так уж и плоха на вкус? Вычеркнуть из памяти этих одиноких героев? Человечество на такое никогда не пойдет! Поэтому галереи, концертные залы и библиотеки останутся, их никто не решится трогать. В школах по-прежнему будут преподавать литературу, а в магазинах продолжают торговать книгами и е-буками. Однако эти достижения искусства не будут вызывать в человеческих душах никаких чувств, кроме скуки и раздражения. Тем не менее, их по-прежнему надо будет изучать, с ними придется постоянно знакомиться, а потом еще их и обсуждать. То есть всем придется вести себя в отношении произведений искусства точно так же, как это было принято в прошлом.

Таким образом, постепенно культура полностью и окончательно превратится в объект всеобщей тайной ненависти, в которой люди, даже оставшись наедине с собой, будут стесняться признаться вслух. Это обстоятельство неизбежно сделает их нервными, дергаными, они станут плохо спать и вообще начнут чувствовать себя глубоко несчастными, потому что изменить что-либо никто из них будет не в силах. И только отдельные избранные личности, заметив, как болезненно переживают окружающие их человеческие существа любую встречу с прекрасным, и, хорошенько осмыслив этот факт, постепенно научатся ловить от сложившейся ситуации определенный кайф. Главный смысл искусства для них отныне будет заключаться исключительно в получении удовольствия от вида искаженных страданием физиономий сограждан, когда те читают романы или же созерцают живописные полотна, в которых всевозможных гипербол и метафор будет нагромождено даже больше, чем в произведениях прошлого. Искусство, творцами которого они сами отныне станут, будет искусством ничем не замутненной ненависти, черпающим вдохновение в ненависти тех, для кого оно предназначено. А поскольку свое маленькое открытие создатели нового искусства постараются сохранить в тайне – если не считать намекающих на него никому не понятных и никому не нужных образов в их произведениях – то права этих новых творцов, как и всех остальных граждан, останутся полностью защищены законом. Поэтому они будут продолжать пользоваться всеми благами, которые предоставит им новое совершенное общество.

Однако настоящую радость от жизни в таких условиях будут получать только они.

Проходя сегодня мимо Владимирского собора, обратила внимание на очередь, которая растянулась вдоль всей церковной ограды на Владимирской площади и даже слегка загибалась на Кузнечный, отодвинув в глубь переулка постоянно тусующихся там старушек с зеленью и квашеной капустой. К воротам было прикреплено напечатанное на лазерном принтере объявление: *«Приложиться к иконе святой Матрены Московской можно...»* - далее следовало расписание. И тут в моем сознании невольно всплыла красующаяся на Невском реклама ресторана с изображением дамы в перчатках и темных очках и здорового бритого наголо байкера в кожаной куртке с заклепками. Надпись на рекламе состоит всего из двух фраз: *«Отведать суши»* – эти слова относятся к даме и

намекают на ее утонченные манеры и изысканность – и «*навернуть борща*» - а это уже, соответственно, относится к мужику и подчеркивает его брутальность и хороший аппетит.

Теперь же рядом с очередью в собор, удивительным образом вобравшей в себя представителей совершенно разных прослоек общества: от молоденьких студенток и интеллигентного вида школьных учительниц средних лет до брутальных алкоголиков и бомжей, – мне вдруг пришел в голову практически идеальный слоган, полностью исчерпывающий утонченные манеры, разносторонние интересы, хороший аппетит и непреодолимую тягу ко всему духовному современных российских граждан: «*Отведать суши, навернуть борща, приложиться к иконе Святой Матрены Московской*».

чистая длительность небытия

Опять натолкнулась на экране на какое-то реалити-шоу и опять – уже в который раз – поймала себя на мысли, что больше двух-трех минут я это зрелище выдержать не в состоянии. Интересно, чем обусловлен высокий рейтинг таких передач? Человеческим любопытством и желанием подглядывать? Наверное. Но вот как вынести такую вот совершенно неотрежиссированную, неотмакетированную, неотмонтированную прямую речь: «я такая... ээ.. ууу-у... говорю... тут блин... ему... ну блин... ээ-э... ну в общем... блин... это-о.. о... там... ну это... хм... я ему сказала, короче, а он...»? Глазами, к сожалению, это не совсем так воспринимается, а вот на слух... По-моему, даже хуже, чем железом по стеклу. А когда ты слушаешь такой вот диалог в течение достаточно продолжительного времени, со всеми этими заминками, сопением, вздохами, заиканиями и причмокиваниями, чтобы потом наконец узнать, что Гриша сходил в ванную и принес кусок мыла, то это уже вообще выше человеческих сил. Какая-то совершенно невероятная растянутость мгновения, которую, по-моему, больше нигде невозможно встретить, кроме как на экране телевизора во время трансляции подобных программ. Еще несколько таких мгновений и ты уже начинаешь нервно ерзать на стуле, потом, наконец, нажимаешь на пульт. Меня обычно хватает минуты на две, на три. Ведь, даже оставаясь наедине с собой, любой человек всегда бывает погружен в свои мысли и тем самым как бы слегка парит над землей. Или даже, если наблюдаешь интервью или чью-то беседу, идущие в прямом эфире, то все равно о чем-то невольно думаешь. А тут, вдруг взять и приблизиться к тому, чего, на самом деле, не только нигде не видать, но, возможно даже, не существует в природе вообще. Человеческий мозг не способен переварить и безболезненно осмыслить подобную чистую длительность бытия, ибо она находится где-то уже за пределами самого этого бытия.

Алкоголь, наркотики, музыка, литература, да и все мировое искусство в целом существуют исключительно для того, чтобы погружать человека в мир иллюзий, поднимать его над реальностью и помогать преодолевать тяжесть и однообразие несколько затянувшихся унылых будней. Нет, правильнее было бы, наверное, сказать, что это люди допускают их в свою жизнь исключительно, чтобы преодолеть, возвышаться и забывать о своих повседневных заботах. Различие заключается только во вкусах и способах преодоления. Наиболее практичные подсчитывают, сколько бабок они сэкономят, приобретя вместо нескольких грамм героина пластинку «Битлз», те, что победнее или же еще скупее, вынуждены посещать храмы, а для кого-то, чем больше искусство похоже на правду, тем сильнее и успокоительнее оно действует, правдоподобнее, я бы сказала. Но тут зрителям предлагается нечто прямо противоположное, что-то такое, чему я даже аналогию не могу подобрать. И, между тем, у таких передач на ТВ, говорят, чуть ли не самый высокий рейтинг. Забавно.

В чем тут притягательность? Что это? Может быть, это и есть настоящая правда? И даже уже не жизни, а окончательного и полного распада.

Не знаю. Но я уже давно заметила, что самые активные поборники правды представляют собой наиболее изощренных и безжалостных садистов. Была когда-то в советские времена газета с весьма выразительным и ласкающим глаз дизайном, которая даже так прямо и называлась «Правда». Мне неизвестно, существует ли она сейчас, но в любом случае это уже не совсем то. Вот эта газета, по-моему, просто идеально подходила для стен садомазохистских клубов и баров. Можно было бы оклеить стены. Максимум удовольствия гарантирован.

Интересно, а если бы у Достоевского убрать всю эту грубую лезть читателям про «широту русского всечеловека»? Он, наверняка, стал бы куда более интересен мне как писатель, поскольку был не лишен некоторых способностей. Но дошли бы его книги тогда вообще до наших дней? Кто бы его тут читал? И как следствие, кто бы его тогда стал издавать? Вот в чем вопрос. Я, например, сомневаюсь. Особенно если учесть, что в девятнадцатом веке еще не было ни ЦРУ, ни «германского империализма», которые могли бы хоть как-то поспособствовать его писательскому долголетию. Пусть даже в своих грубых и циничных целях, но все равно.

Или же из «Мертвых душ» выкинуть все эти дебилские вставки про «птицу-тройку»? Зачем они там? Хотя Гоголь все же создавал неприглядные образы разлагающихся помещиков. Так что в школьной программе и через сто лет «Мертвые души», скорее всего, присутствовали бы. Бывают и такие удачные совпадения. Но ведь это, если вдуматься, чистая случайность.

При этом я не думаю, что Достоевский и Гоголь добавляли в свои книги крупинцы маразма с какой-то сознательной циничной целью, желая кому-то целенаправленно угодить или польстить. Насчет Гоголя еще можно сомневаться, так как у него все подобные вкрапления на фоне основного текста выглядят абсолютно инородными, и их, кстати, действительно при желании можно было бы совершенно спокойно убрать без особого ущерба для основного повествования. Но у Достоевского достаточно очевидный бред совершенно органично переплетается с вполне здравыми мыслями и чувствами, а порой достигает такой концентрации, когда уже вероятно следовало бы говорить об отдельных проблесках и вкраплениях истины, а не наоборот. Так что в искренности автора в данном случае сомневаться не приходится.

Я и не сомневаюсь. Столь благодушное настроение, в высшей степени благоприятно отразившееся на судьбах их книг, вполне могло посетить этих писателей после хорошего завтрака или ужина или, когда они находились в состоянии алкогольного опьянения, или же, наконец, после удачной игры в рулетку. Можно, наверное, добавить еще что-нибудь из того же ряда, но в целом, думаю, понятно.

Подобные прозрения посещают писателя в минуты особой сытости и довольства собой и окружающими. В них нет абсолютно никакого циничного умысла и корысти, это просто такая спонтанная радость бытия, которая захлестывает человека, переливается через край, изливается на головы окружающих, и те в порыве такой же искренней благодарности отвечают ему столь же неподдельной и непосредственной признательностью.

Вообще-то я не очень верю, когда люди рассказывают свои сны. Чаще всего они их выдумывают. Просто это один из наиболее удобных способов сказать окружающим каку-

нибудь гадость, не опасаясь за последствия – ведь тот, кому что-то привиделось, в этом не виноват.

Так вот, сегодня мне приснилось, что я держу в руках томик Цветаевой и читаю ее стихи. Проснулась не то, чтобы в холодном поту, но почти. Правда, потом немного подумала и поняла, что все могло быть гораздо хуже, и у меня в руках мог быть томик Лотмана или Гаспарова, например. После чего почувствовала некоторое облегчение.

У каждого свои кошмары, короче.

Вайда, конечно, уже совсем старенький, поэтому «Катынь» даже как-то и не удивила. Классическая агитка, выполненная по соцзаказу. Особенно впечатлили поляки, буквально все поголовно представшие в качестве утонченных носителей духовности, аристократизма и интеллигентности, можно сказать, последняя надежда и оплот древней европейской цивилизации на фоне грубых тупых немцев и русских. И еще польские офицеры, постоянно рассуждающие о чести мундира, верности присяге и будущем своей родины. В целом до боли знакомые образы из отечественных фильмов про Россию, «которую мы потеряли». Правда, без малейшего налета непосредственности начала 90-х, а, скорее, в духе современных поделок про адмирала Колчака. Хотя я до сих пор так и не смогла окончательно решить для себя, что предпочтительнее: глупость или цинизм. В случае Вайды, видимо, следует говорить о маразме.

Между тем, достаточно частые встречи с потомками «белых русских», в том числе и во Франции, постепенно заставили меня прийти к крайне неутешительным выводам по поводу этой прослойки общества. Практически все, кто мне попадался, были отмечены печатью какой-то едва уловимой деградации. В конце концов, у меня выработалось устойчивое предубеждение как против них самих, так и против всего, что с ними связано, включая, естественно, и все эти романтические и возвышенные образы в кино. Трудно сказать, чем именно это можно объяснить. Но что-то ненормальное присутствует, например, уже и в неестественной правильности русского языка, на котором некоторые из них до сих пор изъясняются. В первый момент это даже притягивает, а потом ты вдруг замечаешь, что просто физически не можешь слышать эту речь.

Природа вообще, по-моему, не терпит всего чересчур правильного и симметричного. Так, я давно заметила, что лишённые каких-либо явных внешних дефектов мужики – достаточно высокого роста, с правильными квадратными черепами – чаще других имеют проблемы в отношениях с противоположным полом и становятся маньяками.

Практически во всех драмах, связанных с уходом из жизни тех или иных людей, если оставить за скобками чьи-то сугубо личные переживания, всегда самым неприятным моментом являются бурные излияния пафоса. В отдельных случаях они достигают такого накала и размаха, что их можно сравнить разве что с порожденными мощными разрушительными землетрясениями волнами цунами. Иногда мне даже начинает казаться, что некоторые личности просто стремятся избавиться от накопившихся за долгие годы в их умах и сердцах фальшивых чувств и мыслей и, воспользовавшись удобным случаем, отправляют их в иное измерение вслед за покойниками, совершив таким образом своеобразный обряд самоочищения.

Парадокс же заключается в том, что в этом отношении фактически любой политик находится по сравнению с самым успешным литератором в заведомо более выгодной позиции. Писателю, даже возвысившемуся над толпой до заоблачных высот, гораздо

сложнее нарушить иллюзию интимной близости с читателями, неизбежно возникающую у тех в процессе чтения его книг. Между тем, последовательный эстетизм, подобно снегу или же льду, способен сохранять свою первозданную цельность и чистоту исключительно при максимально низкой температуре окружающей среды, то есть на предельной дистанции от мира обычных людей. Поэтому именно человеку искусства, как никому другому, не только горячее участие, но и вообще любые проявления человеческого тепла бывают абсолютно противопоказаны. Как при жизни, так и *sub specie aeternitatis*. {С точки зрения вечности (лат.)}

А это значит, что каждому, кто всерьез вознамерится посвятить свою жизнь служению красоте, следует быть готовым к нешуточным перегрузкам. Я, например, иногда мысленно представляю себе, что было бы, если бы мои книги вдруг перевели на китайский и целый миллиард доверчивых сердец одновременно направил в мою сторону лучи признательности и любви – смогли бы они тогда хоть чем-то мне навредить... В такие мгновения как-то особенно отчетливо понимаешь, что ныне - в отличие от того, что было во времена Байрона – льда, который я постоянно ношу в своей груди, в некоторых ситуациях может оказаться недостаточно, а следует сделать еще хотя бы небольшой запас, чтобы хранить его в холодильнике, спрятанном в специально оборудованном и тщательно скрытом от посторонних глаз помещении.

немного о поэзии

Посмотрела еще один милый фильм из жизни замечательных людей – «Запретная любовь» (хотя в оригинале, по-моему, название звучит как-то иначе). Скоро я такие фильмы, видимо, начну коллекционировать.

На сей раз главным объектом повествования стал поэт Дилан Томас. Действие разворачивается во времена Второй мировой, в затемненном из-за бомбежек Лондоне. И это обстоятельство, судя по всему, позволяет режиссеру основательно сэкономить бабки на освещении. Все «нуары», которые мне доводилось видеть до сих пор, невольно меркнут, или, точнее, начинают как-то неприлично светиться и сиять на фоне этого. Поскольку тут лица персонажей, как во время налетов вражеской авиации, так и после них, разглядеть вообще почти невозможно. Включая и несколько примелькавшуюся за последнее время физиономию Кире Найтли - что, вероятно, следует даже отнести к достоинствам фильма. Можно, конечно, предположить, что именно на ее гонорар и ушла большая часть средств этого не слишком бюджетного кино, из-за чего создатели картины просто вынуждены были сократить затраты на освещение. А в результате, главная звезда затерялась в темноте, став практически ничем не отличимой от других блуждающих по экрану теней. Стоило ли тогда вкладывать в нее деньги? Вопрос, на самом деле, чисто риторический. Тем более, что Кира Найтли, как это часто бывает свойственно брюнеткам, вполне могла изъявить желание поучаствовать в этом интеллектуальном проекте абсолютно бескорыстно, исключительно из любви ко всему умному вообще, и к поэзии в частности. Меня бы это тоже ничуть не удивило.

Короче говоря, Дилан Томас с двумя своими подругами, одна из которых - Кира Найтли, по ходу действия постоянно трутся в полумраке лондонских комнат, обмениваясь между собой ничего особенно не значащими репликами. О том, что кто-то из них в кого-то влюблен, несложно догадаться уже из названия фильма. Но это все неважно. Гораздо больше, чем сюжет, мое внимание в этом фильме привлекли многочисленные моменты, когда вся эта легкомысленная светская болтовня вдруг на какое-то время прерывалась, и главный герой фильма начинал декламировать свои стихи. Поскольку в эти мгновения его только что беззаботно щебетавшие и хихикавшие партнерши по кадру неизменно

замолкали и внимательно выслушивали все, что он произносил. После чего действие вновь шло своим чередом. Такие поэтические заставки чем-то даже напомнили мне рекламные паузы, с которыми обычно сталкиваются зрители, когда смотрят какой-нибудь фильм по ТВ. При этом стихи, которые произносил главный герой фильма, представляли собой абсолютно никак формально, ритмически или же при помощи рифм, не организованный набор общих фраз про небо, звезды, вечность, смерть и прочие хорошо всем известные атрибуты физической природы и человеческого бытия. Отчего на протяжении всего фильма меня не покидало ощущение, что приблизительно такие же точно слова мог бы запросто, особо не напрягаясь, произносить практически любой персонаж данного фильма. Однако изрекал их исключительно главный герой, а остальные в это время подчеркнута внимательно его слушали. Пока, наконец, во время очередной такой паузы, выслушав еще одну порцию рассуждений про облака и любовь, я все-таки не задалась вполне конкретным вопросом: почему? Почему происходит именно так, а не наоборот? Почему один называет себя поэтом и декламирует обычные и лишённые какого-либо особого смысла фразы, а остальные ему внимают? И, задавшись столь конкретным вопросом, я так и не смогла объяснить себе эту ситуацию ничем иным, как тем, что главному герою все эти слова по каким-то не совсем ясным для меня причинам произносить не лень, тогда как остальные просто не считают нужным ради них делать какие-либо дополнительные усилия, лишней раз напрягая свои голосовые связки. Слушают же они его исключительно из вежливости, как своего знакомого.

Допускаю, что на моем восприятии стихов данного конкретного поэта сказались особенности закадрового перевода, и на бумаге, а тем более в оригинале, они могут восприниматься несколько иначе. Но даже если в фильме и произошло некоторое огрубление описанной мной выше ситуации с поэтом и его слушателями, то это упрощение все равно как нельзя лучше отражает мое восприятие стихов, с которыми мне обычно приходится сталкиваться теперь как в сети, так и за ее пределами. Поскольку самым главным чувством, которое я испытываю при знакомстве с различными образцами поэтического творчества, является именно удивление, что тем, кому они принадлежат, было не лень ради них шевелить языком или же нажимать пальцами на клавиатуру. И больше никаких других чувств уже довольно давно у меня стихи не вызывают.

Не помню уже сейчас точно, что имел в виду Розанов, когда сближал такое свойство творческой личности как гениальность именно с ленью, но, думаю, тут он был далеко не одинок. Для меня, например, в подобном понимании гениальности нет абсолютно ничего удивительного. Понятно, что только по-настоящему ленивый человек способен порождать максимально рациональные и простые решения возникающих перед ним вопросов и проблем, повинувшись инстинктивному желанию не вставать лишней раз с дивана и не делать еще каких-либо лишних движений. И в каких-нибудь более сложных ситуациях в нем все равно будет срабатывать этот врожденный инстинкт. А чем еще все эти открытия и изобретения можно всерьез объяснить? Не желанием же осчастливить человечество? Даже я, при всем своем скептическом отношении к разного рода «творческим профессиям», не склонна считать гениев совсем уж за полных идиотов.

С этой точки зрения поэзию в том виде, в каком она сейчас получила наиболее широкое распространение, можно смело назвать едва ли не самым отталкивающим и непривлекательным для потенциального гения занятием.

Приобрела себе в Доме книги огромный том про Джонни Д. и читаю теперь по ночам во время бессонницы. Пока, правда, так и не сумела продвинуться дальше сто пятидесятой страницы - слишком много незнакомых имен. Все-таки серийные убийцы мне гораздо лучше известны, чем мир организованной преступности. И потом, обычные преступники

– это что-то вроде художников-традиционалистов, которые особенно не отрываются от реальности, ставят перед собой вполне жизненные цели и, вообще, почти обыватели, хотя, как и люди искусства, занимаются не совсем тем, чем большинство населения. Тогда как убийства, совершаемые маньяками, по степени своей абсурдности и бессмысленности сопоставимы только с постмодернистскими перформансами. В этом смысле они мне гораздо ближе и интересней. Однако этих одиночек во все времена было на несколько порядков меньше, чем остальных преступников. Поэтому про маньяков я сейчас знаю практически все, и найти что-нибудь новое уже вряд ли возможно.

А вот нынешний тренд, когда мне постоянно пихают в нос, в качестве примера для подражания, всех этих гениев живучести и умения приспосабливаться к обстоятельствам, вроде Алексея Толстого, Сергея Михалкова, Леонова, Гранина и т.п., в последнее время начинает меня сильно утомлять. Причем я впервые поймала себя на этой мысли даже не сейчас, а еще прошедшим летом, когда посмотрела фильм про поэта Льва Ошанина. ОРТ – один из двух каналов, что ловятся у меня на даче.

Понятно, что Хармс был сумасшедшим, и на таких, как он, равняться не стоит. Однако следует все-таки внимательно присмотреться и к Алексею Толстому: достаточно ли он аморален и чужд идеи добра, чтобы стать по-настоящему эстетически привлекательным. У меня на этот счет имеются сильные сомнения. Мне почему-то кажется, что самым интересным из писателей этого ряда можно признать разве что Шолохова, да и то только в том случае, если он действительно присвоил себе чужую рукопись.

С другой стороны, я недавно узнала, что у писателя Леонова имеется роман, написание которого он потратил целых пятьдесят лет. Вот это на самом деле уникальное явление, достойное книги рекордов Гиннеса! Достоевский, например, вынужден был штамповать чуть ли не в год по книге. И все из-за своего стесненного материального положения. В результате многие мысли о Боге и судьбах России у него оказались несколько смазанными и невнятными. Но даже если мы представим себе на его месте какого-нибудь обладателя огромного наследства, то и такому счастливцу все равно вряд ли бы пришло в голову посвятить столько времени написанию одной книги – наверняка, его бы постоянно отвлекали от этого занятия какие-нибудь соблазны, не говоря уже о других идеях и проектах. Поэтому для воплощения в жизнь столь грандиозного замысла нужно было воистину уникальное стечение обстоятельств, когда некий субъект оказался полностью на содержании государства и мог, не забывая себе голову всякой ерундой о способах добывания средств к существованию, целиком сосредоточиться на сочинении романа. Причем не только мог, а даже был обязан, поскольку государство обеспечивало его безбедное существование исключительно в качестве писателя, и он, получая ежемесячную зарплату, попросту был лишен возможности выбора осознать себя как-либо иначе и слишком отвлекаться от главного дела своей жизни. Я, к сожалению, это произведение не читала, но и так примерно могу себе представить, сколько ценных наблюдений и мыслей о судьбах человечества, мироздания, вселенной и космоса там можно найти. Такая книга для многих способна стать настоящим кладом мудрости - вынуждена это признать. Особенно в наше торопливое время, когда подавляющему большинству людей вообще некогда отвлечься от банальных телодвижений за станком или клавиатурой, поскольку они получают за свой труд ровно столько, чтобы иметь возможность поесть, а едят исключительно для того, чтобы не утратить способность продолжить работу.

Проходила сегодня по Щербакову переулку мимо сквера, где недавно установили барельеф Маневичу. Вдруг слышу, позади меня говорят про то, как стрелок спрятался на крыше на углу Невского и Рубинштейна и оттуда вел огонь. Обернулась, а это какой-то плешивый худенький мужичок в очках и джинсах рассказывает идущей с ним жирной бабе все подробности покушения на вице-мэра Петербурга. И при этом еще так выразительно жестикулирует, демонстрируя, будто у него в руках винтовка и он из нее прицеливается. Вот сам, наверное, его и замочил. Я читала, что убийцы любят приходить на место преступления или же, по крайней мере, к памятникам своих жертв. К тому же, эти двое потом еще уселись там на скамейку, разложили бутерброды и стали жрать. Наверняка, киллер. При такой комплекции он вполне мог пролезть в чердачное окно и спуститься по водосточной трубе, поэтому его тогда и не поймали.

Надо же, а на вид вполне интеллигентный, так сразу и не подумаешь.

о чудесном

На прошлой неделе мне рассказали, что какие-то чудаки уже много лет совершают паломничество к могиле Леонида Ильича Брежнева, и кое-кого из них покойный за это время даже успел исцелить. Не знаю, правда ли это, но Брежнев, действительно, был довольно забавным и трогательным. Поэтому, если допустить существование сверхъестественных сил, то эти личности находятся на куда более верном пути к Богу, чем те, что выстраиваются в километровые очереди к Матрене Московской.

А в четверг, проходя мимо памятника Петру у Михайловского замка, я заметила возле него группу готов: трех жгучих брюнеток и двоих юношей с «петушками» на голове, которые таинственно перешептывались и по очереди прикасались к барельефу на постаменте. Чуть позднее при внимательном рассмотрении я обнаружила, что бронзовая пяточка одного из матросов, которого Петр тащит из воды, видимо, несет на себе следы прикосновений тысяч рук, так как на общем темном фоне она буквально сверкала и переливалась в лучах весеннего солнца. В результате, я не удержалась и тоже к ней прикоснулась. И – о, чудо! – на следующий день исполнилось мое самое заветное желание на тот момент: я получила на почте посылку с кардиганом и босоножками, заказанными мной по каталогу Cath Kidston вот уже почти как месяц. Эту посылку я уже не надеялась получить, поскольку Cath Kidston где-то пару недель назад неожиданно разорвал свой контракт с DHL и вообще прекратил поставки в Россию. Милая волшебная Пяточка! Буду теперь ей поклоняться.

За неделю побывала сразу на двух показах Соловьева в Доме кино: сначала посмотрела «2-Ассу-2», а потом – «Анну Каренину».

«Анна Каренина» – фильм про любовь, да чего уж там мелочиться, про очень большую любовь. Настолько всепоглощающую и сильную, что практически все герои-мужчины, включая Стиву Облонского, Каренина и кавалериста Вронского, уже в самом начале, еще только предчувствуя ее появление, периодически начинают смахивать внезапно набежавшую скупую мужскую слезу. Первое время это не слишком заметно, но в какой-то момент ловишь себя на мысли, что по ходу действия их глаза вообще больше не просыхают от слез. Тогда как все женщины в фильме, наоборот, на удивление бодры и веселы - за исключением Анны, разумеется, но с ней-то все понятно. Правда, Анна чаще других появляется в кадре, так что количество слез, пролитых мужчинами и женщинами, где-то к концу фильма более-менее уравнивается. С этой точки зрения меня даже

несколько смутило присутствие на показе большого числа пенсионеров. Ибо Соловьеву, кажется, удалось снять по-настоящему выдающийся эмо-фильм, который, не сомневаюсь, уже в самое ближайшее время способен составить конкуренцию группе «Tokio Hotel» и другим культовым явлениям этой молодежной субкультуры.

Зато на фоне всех этих чувствительных добрячков как-то совсем затерялся Левин, который по замыслу автора романа должен был оттенять суетность и бездушие представителей высшего общества. Ради такой благородной цели великий классик даже произвел над несчастной Китти своеобразную лоботомию, заставив ее полюбить этого бесцветного уroda и отправив вслед за ним на вечное поселение в деревню. Нет, несколько поленьев Левин в фильме все-таки собственноручно разрубил, после чего они с Китти, окруженные кучей потомства, удаляются по проселочной дороге куда-то вдаль. Однако в этом фильме вполне можно было бы обойтись и без них. Что само по себе уже является безусловной заслугой режиссера.

Удивительный, все-таки, писатель Толстой: как его ни снимай – все равно получится лучше, чем у него или, по крайней мере, не хуже.

Ну, а «2-Асса-2», если я правильно поняла, появился во время затянувшейся паузы, возникшей по ходу съемок «Анны Карениной», и исключительно с целью обосрать спонсоров фильма, которые, судя по всему, к тому моменту успели основательно достать режиссера и остальных членов съемочной группы. Идея, что ни говори, интересная. Однако в фильме она постепенно разрастается до обобщений вселенского масштаба. На смену ностальгическим кадрам из «Ассы-1», где толпы людей со свечками в едином порыве подпевают знаменитой песне Цоя и «ждут перемен», приходят кадры неприглядной действительности. Окончательно потерявшие человеческий облик «новые русские» и прочие, начисто лишенные вкуса и совести личности, то и дело крайне пренебрежительно отзываются о выдающемся произведении великого классика Толстого. Мало того, кто бы мог подумать, но невинный мальчик Бананан из «Ассы-1» оказывается отцом одной из героинь нового фильма, где он превращается в зомби с пересаженной головой и главу подпольной мафии, контролирующей целую отрасль пищевой промышленности по производству подсолнечного масла. Эта метаморфоза, думаю, наглядно показывает, с каким монументальным произведением о растоптанных идеалах целого поколения русских людей в данном случае приходится иметь дело зрителю.

И должна сказать, что я сама просто обожаю разочаровываться, в каком-то смысле это вообще одно из моих самых любимых занятий. По этой причине на протяжении всего фильма я испытывала чувство глубочайшей и искренней зависти к его создателям. Как бы мне хотелось, вот так вот тоже когда-то стоять со свечой и ждать самых невероятных и чудесных изменений вокруг, а потом, лет так через двадцать, двадцать пять, годам к семидесяти, во всех своих надеждах и чаяниях разочароваться, чтобы уже совершенно спокойно, не будучи отягощенной никакими иллюзиями и надеждами на будущее, отправиться в мир иной. Тогда бы моя жизнь точно удалась.

А так... Ну разве что длительное созерцание крупным планом трехмиллиметрового лба рок-музыканта Шнурова, чьи песни звучат на протяжении всего фильма и символизируют духовные метания современного человека, навело меня на грустные мысли о том, сколь велик и прекрасен в сравнении с ним был Цой. Но, увы, благородные идеи неоакадемизма ныне, похоже, полностью и окончательно растоптаны не очень опрятными на вид, но чрезвычайно одухотворенными и добрыми подражателями и продолжателями «митьков». Так что свою порцию разочарования от просмотра этого фильма я, пожалуй, все-таки получила.

В прошлое воскресенье меня несколько часов мучила микрофоном некая Фредерика из Гамбурга. А сегодня пришла просьба об интервью для какого-то задроченного издания Французской национальной библиотеки. Представляю, что это такое: наверняка ведь размножается на ксероксе и попадает прямиком на библиотечную полку, для внутреннего пользования, так сказать. Пробежав глазами вопросы, почувствовала, что сил продолжать всю эту бодягу с бесконечными экскурсами в прошлое уже не осталось никаких. «Вы работаете на компьютере или пишете от руки?» Черт! Я во всем равняюсь на Амели Нотомб и пишу исключительно чернильной ручкой на листах с виньетками формата А4, в том числе и отвечая на Ваши вопросы, поэтому ждите от меня письмо по почте не ранее августа. Читатели должны чувствовать, как автор прикасался к бумаге, а то ведь наиболее ушлые из них тоже начнут отчужденно пробегать глазами текст прямо на холодном и безжизненном мониторе. И кто тогда будет покупать книги?

Насчет Фредерики, кстати, у меня тоже теперь сильные сомнения. Мне ведь ее запросто могли подослать какие-нибудь озлобленные на меня придурки специально, чтобы выудить у меня безо всяких шуток редчайшее издание «Домика». И самое печальное, что я ей его дала, поскольку она так долго и мучительно на этом настаивала и клялась вернуть. И где теперь ее искать?

Селин... Может быть, секретарь Андре Жида Морис Закс, еврей и гомосексуалист, который сотрудничал с гестапо и погиб при неясных обстоятельствах в 45-м. Был еще такой певец Печковский – тот, что пел немцам, а потом, отсидев, имел кучу поклонниц и давал концерты по клубам имени Газа, Цурюпы и Ильича. Просто запомнила его имя с детства по восторженным рассказам бабушки, какой он был красавец.

А больше, пожалуй, из участников войны мне никто не интересен.

Живучесть некоторых персонажей указывает на то, что у них имеются *травмы, не совместимые со смертью*.

вечное заблуждение

Толстой, безусловно, вечный писатель, хотя бы потому, что многочисленным членам литературных объединений и кружков всегда будет приятно осознавать, что граф, офицер и просто состоятельный человек некогда занимался тем же, что и они: водил пером по бумаге. Этот факт придает им уверенности в себе. Однако число поклонников, размеры тиражей и даже статус «великого» вовсе не являются свидетельством того, что какой-нибудь писатель как-то особенно приблизился к истине.

У Толстого, например, была странная идея-фикс, будто человек, в какой-то момент открывший для себя некую новую идею или мысль, способен радикально измениться и даже пережить нечто подобное воскресению из мертвых. На эту тему у него имеется целый роман «Воскресение». Иван Ильич, правда, с некоторым опозданием, полностью переосмысливает свою жизнь, Андрей Болконский, лежа под дубом и глядя в небеса, вдруг осознает свое превосходство над Наполеоном, и, наконец, сам Толстой под влиянием посетившего его прозрения совершает свой знаменитый побег из дома...

Такой взгляд на человеческое бытие кажется мне в высшей степени ошибочным и даже наивным. Осознавший суетность происходящего вокруг и сменивший военный мундир на сюртук Болконский мало чем будет отличаться от себя прежнего. Внезапно поправившийся Иван Ильич тоже останется самим собой и будет, как и раньше, собачиться с женой по утрам из-за завтрака. Да и Толстой при более благоприятном стечении обстоятельств вернулся бы домой и продолжил свою писанину, возможно, введя в свои книги какие-нибудь новые темы и рассуждения. Однако это вряд ли сделало бы их более интересными и познавательными для меня. Не говоря уже о таких бессмысленных жирных колодах вроде Пьера Безухова и Наташи Ростовской. Какие озарения и идеи способны их изменить? Я себе такого просто не представляю! Более того, с моей стороны было бы крайне самонадеянным думать, что переосмысление каких-либо фактов своей жизни мной самой не только имеет значение для окружающих, но и вообще может быть ими замечено.

Таким образом, люди не меняются, а если в их сознании и происходят определенные перемены, то их все равно никто не принимает всерьез - настолько несущественными они являются для понимания природы того или иного человека. Однако Толстой со своим заостренным вниманием к второстепенному и незначительному в облике своих героев представляет собой пример вовсе не исключения, а, скорее, достаточно распространенного заблуждения на этот счет в окололитературной среде.

искусство потребления

Если взять, к примеру, три случайных слова: «вечность, небеса, смерть», - то выстроенные в ряд они вполне себе образуют стихотворную строку. При этом тот, кто проделывает над словами подобные манипуляции, практически ничем не будет отличаться от компьютера или же говорящих грачей и попугаев, которые тоже способны повторять и комбинировать слова человеческого языка, не вкладывая в них никакого дополнительного смысла. В сущности, поэт и отличается от них только тем, что относительно сознательно использует уже имеющиеся у слов значения.

Сегодня среди поэтов можно встретить совсем откровенных ботов вроде Хлебникова, которые тупо объединяют слова по ряду формальных признаков, полностью игнорируя смысл составленных ими фраз и предложений. Но есть и такие, кто все еще использует вечные значения слов в качестве своеобразного «информационного шума» с целью отвлечения внимания от скудости порождаемых ими собственных мыслей и чувств. Наиболее известным и успешным среди них был, вероятно, Бродский. Благодаря умелому сочетанию своего с чужим и понятного с непостижимым, этот кумир пенсионеров, как мне кажется, пользуется абсолютно заслуженным расположением журнала «Звезда».

Впрочем, разделение на жанры в данном случае является достаточно условным. Романист, занимающийся заполнением пустот словами, смысл которых остается неясным для него самого, также способен создавать вполне поэтические тексты. С этой точки зрения, современная поэзия в подавляющем большинстве случаев представляет собой потребление накопленной веками энергии смыслов и значений языка и, я бы даже сказала, является одной из форм паразитирования отдельных индивидуумов на том, что вроде бы принадлежит всем.

Этот факт, наверняка, мог бы заинтересовать кого-нибудь из представителей фракции КПРФ в Думе и даже лечь в основу соответствующего депутатского запроса. Почти не сомневаюсь, что рано или поздно именно так и произойдет. Пока же каждому, кто решил посвятить себя занятию литературой, следует запастись терпением и быть готовым к тому, что, по мере погружения в мир слов, ему придется столкнуться с огромным количеством жужжащих над ухом поэтов, подобно тому, как отправляющимся в тайгу охотникам и

геологам приходится мириться с присутствием там целых туч надоедливых мошек и комаров.

Меня удивляет патриарх Кирилл. Книжек он не читал, с новейшими течениями мысли не знаком, и все равно не стесняется высказываться по глобальным вопросам современности. На его месте я бы вела себя скромнее.

Вроде бы, я уже ко всему привыкла, но когда фильмы из жизни английской аристократии переводят колхозными голосами – это, пожалуй, чересчур. Особенно меня раздражают бабы с визгливыми интонациями, которые повсюду вставляют идиотское «ага». «Герцогиня, вы будете завтракать? – Ага».

Я сама до фиги всего перевела. Но только после просмотра сериалов поняла, что следует сделать, чтобы по-настоящему осознать, насколько ужасен может быть перевод. Его нужно озвучить.

Можно, конечно, смотреть и без «озвучки». Но англичане ужасно коверкают язык. Американцев я понимаю гораздо лучше.

возвращаясь к садам и полям

На даче, безусловно, свежий воздух и относительная тишина, но постоянное созерцание унылых персонажей, сгорбившихся над своими грядками, порой утомляет даже больше, чем городская суeta. А моя мечта о трехметровом заборе так и осталась до сих пор не реализованной. Хорошо еще, что я с самого начала ни с кем здесь не здоровалась. Первое время соседи были крайне недовольны и даже предъявляли претензии моей мамаше, когда та сюда приезжала. Но постепенно все более-менее привыкли и относительно смирились, а избранный мной стиль поведения позволяет мне максимально не замечать окружающих и хотя бы отчасти заменяет забор, который, кстати, наверняка мешал бы проникновению лучей солнца на столь бережно взращиваемую этими тружениками полей растительность. Так что они должны быть мне даже признательны, что все так удачно для них сложилось.

Однако чрезмерно долгое пребывание на природе большинству горожан, судя по всему, противопоказано. Я заметила, что даже самые мирные индивидуумы где-то после двух недель жизни за городом превращаются в озлобленных и опасных маньяков. А с учетом того, что и без того уставшие от жизни ветераны садоводческих хозяйств практически во всех расположенных рядом домах появляются где-то в начале мая и живут там безвылазно чуть ли не до ноября, очень легко себе представить, какие психологические перегрузки приходится испытывать тому, кто категорически отказывается их замечать. Всякий раз, когда я выхожу за ворота, отделяющие мою территорию от внешнего мира, я стараюсь вообще не оглядываться по сторонам и тупо смотрю исключительно себе под ноги, но все равно почти всегда интуитивно чувствую на себе чьи-то исполненные негодования, испепеляющие взгляды. И так где-то в радиусе ста метров от моего дома, поскольку дальше уже начинается местность, заселенная теми, с кем я здороваться не обязана. Ну, может быть, в мае, когда только что приехавшие к себе на дачу личности радуются встрече с природой, первым зеленым листикам на березах и аромату распускающихся цветов, настроение у них еще сравнительно умиротворенное. Но постепенно под воздействием изнурительного ползанья на карачках, повышенных доз солнечной радиации, а также

длительного отсутствия некоторых элементарных удобств от их бывшего благодушия не остается и следа.

Поэтому я несколько не удивилась, когда узнала, что пару лет назад в одном из окрестных домов какой-то особенно непослушный внучек замочил своего дедушку, после чего отволоч тело в ближайший лес и попытался сжечь, но, видимо, неудачно - останки были опознаны, и малолетний преступник теперь отбывает срок в колонии для несовершеннолетних. А его многочисленное семейство продолжает возделывать свои уголья. Сейчас они затеяли реконструкцию дома, снесли балкон, расфигачили одну из стен, и узбеки уже почти месяц вывозят с их участка тележками строительный мусор, вываливая его рядом с канавой вдоль общей дороги. В результате я уже пару раз едва не сломала себе каблук совсем еще новых босоножек.

Между тем, до меня периодически доходят слухи, что мои книги пугают несчастных обывателей. Поскольку я всегда была против людей и, соответственно, за Сталина и маркиза де Сада. Однако, думаю, это не идет ни в какое сравнение с тем, как обыватели пугают меня.

Птицы, мыши, ежики - все озабочены поисками еды. Ничто так не приближает человека к природе, как продолжительная нехватка бабок на жратву.

А тем временем Джонни Д. уже убили. Теперь читаю, как постепенно устраняют его сообщников. И практически все, включая самого Джонни, нашли свой конец из-за баб. Про троих, правда, проболталась малолетняя дочь одного из них, но сути это не меняет. Причем началось все с того, когда многочисленных простоватых дебилов во главе ФБР сменил Гувер, известный своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. Мне кажется, что и членам опг тоже лучше было не связываться с женщинами и не обзаводиться потомством, тогда у них было бы больше шансов выжить.

Интересно, что допросить ребенка также догадалась баба-полицейская, которой показалось подозрительным слишком большое количество драгоценностей на мамаше девочки. Женщины вообще гораздо более наблюдательны и сообразительны, чем мужчины, и лучше все запоминают, всякие детали. Поэтому я, например, когда иду в сберкассу и вижу бабу, у которой уже была в прошлый раз, сразу же перехожу к другому окошку. Хотя я вовсе не собираюсь там никого грабить. Просто на всякий случай. А когда имеешь дело с особями мужского пола, да еще с семьями и детьми, то ни о чем таком можно вообще не беспокоиться.

Проходя вчера вечером по Невскому, обратила внимание на одиноких продавщиц мороженого, стоящих за лотками в скорбных позах и с перекошенными физиономиями. Похолодало, и теперь уже почти никто не отвлекает их от грустных мыслей о бренности человеческого бытия. А ведь, если подумать, они принадлежат к числу немногих избранных, кому удалось осуществить свою детскую мечту.

Большинство взрослых почему-то мечтают стать писателями. Я, например, периодически получаю послания от тех, кто хотел бы опубликоваться в каком-нибудь абстрактном журнале или издательстве. Трудно поверить, но этим личностям приятно вообразить свой текст напечатанным в журнале «Новый мир» или «Знамя», а себя самих – сидящими в кабинете редактора и беседующими с коллегами по перу. Забавно, конечно, что они решили поделиться своими сокровенными желаниями именно со мной. Однако после прочтения таких писем у меня все равно надолго портится настроение.

Взяла сегодня с собой несколько сухариков, чтобы покормить в садике голубей. Вчера они меня жутко достали. Но пока ходила по магазинам, как-то незаметно съела их сама.

Вот так и в блокаду: сначала сожрали все сухари, потом – воробьев и голубей, а затем и на людей перешли.

плоды прогресса

В то время как режиссерам, музыкантам, фотографам и пр. научно-технический прогресс предоставляет все больше и больше возможностей для реализации их планов, идей и амбиций, писатели в самом ближайшем времени почти наверняка окажутся у разбитого корыта. Бурное развитие интернета неизбежно лишит мастеров слова практически единственного технического средства, которое несколько последних столетий позволяло им возвышаться над толпой – печатного станка.

До сих пор было так. Только что человек был никому не известен, и вдруг – раз, и тысячи экземпляров его романа появляются в магазинах! Мне уже многократно приходилось наблюдать, как ничем особо не примечательные личности после этого знаменательного события вдруг преисполнялись чувства собственной значимости и начинали смотреть на себя как бы с точки зрения вечности. Еще бы, совсем недавно они были ничем, а теперь стали писателями, и их мысли и рассуждения не только знают современники, но смогут читать потомки. А для этого и надо-то было всего лишь найти нужного человека и договориться с каким-нибудь хозяином издательства, чтобы запустить свое произведение в тираж. Не так уж и сложно, на самом деле. Тем более, что издатели обычно имеют о литературе крайне смутное представление и книг не читают. А когда произведения будут существовать исключительно в электронном виде и свободно распространяться в сети, уже сами читатели смогут определять, какое из них им скачивать себе на компьютер.

Посредничество владельцев печатного станка станет лишним. Но за них я спокойна, так как они запросто могут заняться каким-нибудь другим бизнесом: распространением унитазов, например. А вот тысячи личностей, мечтающих о литературной славе, лишатся всякой надежды на чудо и фактически окажутся один на один с равнодушной толпой. Вот и жди теперь, когда тебя прочитают тысячи. Не сомневаюсь, что большинство из них сразу же решат завязать с литературой, поскольку это занятие для них станет чересчур прозаичным и утомительным. О грустной участи тех, кто уже успел растиражировать свои произведения и привыкнуть к своему амплуа, я даже не говорю. Думаю, они уподобятся нынешним членам СП, лишившимся мощной государственной поддержки: обретут такой же жалкий и задроченный вид.

Так я вижу будущее литературы в свете внедрения новейших технологий в жизнь. Ведь сам по себе компьютер для писателя – это не более, чем слегка усовершенствованная печатная машинка, а по сравнению с тем, что способен сейчас извлекать из техники, к примеру, кинорежиссер, это достижение научной мысли и вовсе выглядит в руках писателя чем-то вроде банального карандаша. И при этом никто из этих гениев и инженеров человеческих душ до сих пор так и не придумал ни одного серьезного аргумента в защиту печатного станка, на котором, в сущности, и держится все их благополучие. Кроме того, что бумажную книгу всем людям должно очень нравиться держать в руках, потому что от ее страниц приятно пахнет типографской краской. Больше лично я ничего не слышала. Печально.

искусство и преступление

Человека искусства объединяет с преступником еще и строгое следование однажды выбранному жанру. Поэты редко переходят на прозу, портретисты почти не пишут пейзажей, лирики не могут осилить эпос, а у комиков плохо получаются трагические роли. В свою очередь карманник старается не прибегать к насилию, мошенник не станет залезать в карман, а грабитель, специализирующийся на вскрытии сейфов, вряд ли будет без крайней необходимости кого-нибудь убивать. Правда, в криминальной среде такая последовательность достаточно легко объяснима наличием уголовного кодекса, предусматривающего четко определенные наказания за каждый вид преступлений. Из-за чего для вора, например, переход к грабежу или, тем более, к убийству сопряжен с повышением риска, мера которого предопределена законом. Поэтому своеобразная градация преступлений, существующая в уголовной среде и отделяющая «высокие жанры» от «низких», связана со степенью вполне зримой и осязаемой для всех опасности, которой подвергается жизнь преступника.

Мотив, который движет людьми искусства, далеко не столь очевиден. Порой художник, наоборот, демонстрирует плохо понятную большинству людей тягу к смерти и саморазрушению, поскольку в его поведении доминирует часто совсем не знакомый им страх уродства, который, соответственно, и формирует существующую в искусстве иерархию жанров. Как и в уголовном мире, наивысшим является самый рискованный из них.

Главную путаницу в представлениях о высоком и низком в искусстве вносят многочисленные специалисты и критики, подгоняющие художественные произведения под нормы своего обывательского бытия. В преступном мире нет дипломированных теоретиков, которые бы направляли грабителей, воров и убийц по заведомо ложному пути. В этом отношении уголовникам повезло гораздо больше, чем художникам и поэтам.

*жизнь скучна
люди утомительны
любовь уродлива*

Дауны обычно бывают довольно забавными и трогательными. Но практически всякий раз, когда я, случайно переключая каналы, чтобы поставить DVD, натыкаюсь на участников ток-шоу, с пылом обсуждающих проблемы языка, духовности, интеллигенции и пр. темы, волновавшие человечество разве что в позапрошлом веке, я ловлю себя на мысли, что эти личности тоже страдают тяжелой формой умственной отсталости, правда, весьма своеобразной и далеко не безобидной. Иногда мне даже начинает казаться, что они специально задерживаются в развитии и плетутся где-то далеко позади, чтобы в один прекрасный момент подкрасться и напасть на меня со спины.

Как же осточертел этот рэп! Сколько можно, в конце концов?! Черных в фильмах и сериалах я уже просто видеть не могу: в этих их нахлобученных на башку лыжных шапочках, замусоленных футболках со спущенными рукавами и оттянутых на коленях трениках. Как только появятся на экране, так сразу и начинают дергаться всем телом, вскидывая вверх руки с «факами» – такое впечатление, что они уже по-человечески ходить разучились. По-моему, это все равно, что русские неизменно мелькали бы в кадре под звуки балалайки, а евреи, вцепившись в подтяжки, отплясывали семь сорок, чтобы зрители сразу догадывались, с кем имеют дело. Но негров ведь и так совсем несложно распознать.

И потом, рэп – это вообще какое-то затянувшееся торжество литературы над музыкой, так как вместо мелодии там одни сплошные декламации. Главным достоинством музыки всегда было отсутствие слов, и даже в песнях они обычно отступают на задний план, отчего традиционная глупость текста как бы немного приглушается и становится не такой заметной, а тут... Нет, я понимаю, что графомания – серьезная болезнь, но теперь она, благодаря рэпу, достигла размаха настоящей эпидемии. Поскольку, стоит только графомана выпустить на сцену, то по своей воле он уже оттуда ни за что не слезет. По этой причине на литературные вечера я уже давным-давно не хожу. Тогда почему я должна выслушивать чьи-то доморощенные лирические откровения, когда сажусь в маршрутку? Я на это не подписывалась.

Одна надежда, что в нашем мире единства и борьбы противоположностей музыка все-таки опять возьмет свое. На смену однообразному тьяканию придут утонченные декадентские мелодии с минимумом слов или даже лучше совсем без них. А поэты вернутся к себе в кружки и литобъединения и будут, как в старые добрые времена, изливать чувства исключительно на бумагу, сидя за письменным столом, вдали от мирской суеты и меня.

Зачем нужен Бог? Я, например, еще ни разу не встречала ни одного индивида, прямо или косвенно связанного с уголовным миром, который не был бы глубоко верующим. Причем не только в жизни, но и в кино все подобные персонажи, совершая тот или иной наносящий урон окружающим поступок, обычно не забывают после перекреститься и посетить храм. И это понятно. Если ты кого-то обокрал, ограбил или, тем более, убил, то тебе вовсе не обязательно разбираться с милицией, тащиться туда с повинной, заморачиваться с родственниками жертвы, давать им бабки, просить у кого-либо прощения и грузить себя лишними проблемами, а просто достаточно сходить в церковь и покаяться. То есть совершить всего несколько совсем необременительных движений ногами и руками. И все, вопрос следует считать закрытым. Можно с чистой совестью, не отягощая себя мыслями о прошлом, продолжать свою деятельность в том же духе. Очень удобно,

по-моему. Как говорил Аль Капоне: *«В детстве я молился Богу и просил у него подарить мне велосипед. Но потом понял, что Бог работает иначе. Надо украсть велосипед и молить Бога о прощении».*

Вообще я заметила, в этом мире нет таких вещей и понятий, которым люди в конечном итоге не нашли бы практичное и полезное применение.

Пока стояла вчера в очереди на почте за посылкой, по развороту маячившей передо мной за стеклом газеты тщательно изучила биографию певицы Валерии. Оказывается, про нее уже и фильм сняли, а я до сих пор ничего о ней не слышала, как, впрочем, и ее саму. А может, и слышала, но как-то не обратила внимания. Теперь зато узнала множество интересных подробностей ее жизни. Сколько у нее было мужей, сколько детей, домов, квартир, дач, что она любит на завтрак, как с годами стала разочаровываться в человеческой природе и пришла к Богу. А какие сложнейшие переговоры с продюсерами, владельцами каналов, депутатами и членами правительства ей порой приходилось вести, чтобы отстоять свою индивидуальность...

Игра ее была огромна, короче.

Многие сериалы уже сейчас превосходят по качеству привычные двухчасовые фильмы. А в недалеком будущем они будут длиться десятилетия и полностью вытеснят традиционное кино, которое, наряду с бумажными книгами и виниловыми пластинками, окончательно станет достоянием немногочисленных чудаков и оригиналов. Следует учесть также, что продолжительность сериалов никак не связана с длительностью жизни конкретных режиссеров, так как обычно они являются плодом их коллективного труда. Поэтому уже в недалеком будущем вполне вероятно создание фильмов длиной с человеческую жизнь, которые можно будет начинать смотреть прямо с утра, прерываясь только на сон. Все остальные бытовые проблемы и дела несложно обойти хотя бы при помощи мобильных видеоустройств.

Таким образом, я не исключаю появления целого поколения зрителей, которые полностью проведут свою жизнь за просмотром какого-нибудь фильма. Главной трагедией этих людей станет слишком ранняя смерть, поскольку она лишит их возможности узнать, как сложится судьба их любимых персонажей. Кончина же самих персонажей, наоборот, будет пробуждать в их душе чувства тайного злорадства и превосходства, которые, правда, они постараются тщательно скрыть за внешними проявлениями скорби. Если же представить, что подобный фильм будет длиться бесконечно, то сознание невозможности досмотреть его до конца уже с самого детства будет повергать зрителей в отчаяние и сделает глубоко несчастными. Зато преждевременное окончание собственной жизни не будет казаться им таким несправедливым.

Однако момент, когда продюсерская компания, отвечающая за создание сериала «длиной в жизнь», объявит о его продлении до бесконечности, переживут далеко не все. По миру прокатится волна массовых самоубийств.

компьютерный мир

В американских сериалах, даже самых приличных, меня ужасно раздражает неизбежность наказания, которое неотвратимо следует за любым преступлением. Причем, я заметила, чем опасней для общества поступок того или иного персонажа, тем серьезней последует воздаяние за содеянное. Главный герой сериала «Щит», например, вначале убивает полицейского и в финале лишается того, что ему больше всего было дорого: детей, жены, любимой работы, друзей. Причем подобную развязку можно было предсказать уже за пару сезонов до конца, все на это указывало.

Просмотрев этот сериал, в частности, я уяснила для себя, что грабежи, убийства, наркотики, воровство, насилие и даже детская проституция – все это сущие пустяки по сравнению с тем, если кто-то назовет нехорошим словом, толкнет или ударит полицейского. Задеть полицейского, в том числе и для уголовника – это верх кощунства, настолько неблагородно и не по понятиям, что каждый, кто хоть раз допустил столь оплошный поступок, обречен до конца жизни мучиться и не спать по ночам, терзаемый страшными угрызениями совести. Ну а если кто вдруг лишит представителя закона жизни, какими бы мотивами он ни руководствовался, то тут, ясное дело, обычным формальным воздаянием в виде пожизненного заключения или электрического стула ему не отделаться. Зрители должны до конца осознать и прочувствовать, на что в конечном итоге обрек себя такой индивидуум, даже если он, как герой сериала «Щит», и не лишен множества достоинств и вызывает у них чувство неподдельной симпатии. Наказание для него должно быть настолько изощренным и выверенным, чтобы все поняли, что за подобный поступок любой гражданин рано или поздно оказывается в ситуации, равносильной попаданию в ад, только при жизни. Такое впечатление, что какой-то специальный человек, где-то там за кадром, сидит с калькулятором и отслеживает, чтобы все было строго пропорционально.

И дело даже не в том, что тут тебя так ненавязчиво пытаются наставить на путь истинный и предостеречь - мне не жалко, я к такому с детства привыкла - а просто столь тщательно выверенная зеркальная симметрия начисто убивает интригу и делает фактически любой сюжет абсолютно предсказуемым. В то время как сам автор «Преступления и наказания» - классик жанра, можно сказать – поставленный перед выбором, неизменно отказывался даже от психологической достоверности в описании своих героев исключительно ради лихо закрученного, увлекательного повествования. А ведь он рисковал своей репутацией знатока человеческой души! Поэтому мне вообще непонятно, на каком основании творцы массового искусства жертвуют теперь не только правдой жизни, но и занимательностью ради интересов социума, ведь их содержит вовсе не государство, а налогоплательщики, то есть зрители.

По-моему, это неправильно и глубоко аморально.

несколько слов о прозе, а то я все о поэзии, да о поэзии

Уже от одного слова «проза» веет жуткой прозой. Прозаику желательно иметь квадратную голову и вообще быть как можно более тупым. Сильнее всего прозаики опасаются, чтобы их не заподозрили в каких-либо, даже малейших, проявлениях изящества. Поэтому самым серьезным оскорблением для себя они считают, когда их называют «беллетристами». Это слово происходит от французского “belles lettres” - изящная словесность, из-за чего с самого первого момента своего появления в русском языке оно приобрело крайне уничижительный и оскорбительный оттенок.

В 19-м веке женщин-прозаиков в России практически не было. Но настоящего расцвета проза достигла в советскую эпоху. Это было время таких крупных прозаиков, как

Солженицын, Леонов, Шолохов, Залыгин и др. В настоящий момент на территории РФ предпринимаются попытки возрождения жанра прозы в его былом величии, однако, по мнению большинства независимых экспертов, превзойти достижения своих выдающихся предшественников в ближайшую тысячу лет вряд ли кому-нибудь удастся.

человек с мобильным телефоном

В последнее время все чаще стала наткаться на информацию о вполне профессиональных и даже представленных в конкурсных программах фестивалей фильмах, целиком снятых на фотоаппарат или мобильный телефон. Бывают, правда, и любительские фильмы такого рода, но это не так интересно. А вот для известного режиссера отказаться от технических средств, которые ему полагаются по штату, и добровольно вернуться в ряды пользующихся подручными средствами любителей – это да, в этом что-то есть. Современное искусство такое холодное и бездушное, погрязшее в формальных экспериментах, а тут явственно ощущается присутствие еще и некоего нравственного порыва, наподобие того, которым был движим в свое время граф Толстой с плугом или же таскающий на субботнике бревна Владимир Ильич. Я, честно говоря, даже уже и не помню, когда мне в последний раз приходили в голову подобные образы и сравнения.

Но так иногда случается. Я себе, во всяком случае, это вполне могу представить.

Человечество находится на краю нравственной и духовной гибели, погрязло в пороках, никто ни с чем не хочет считаться, кроме собственного тщеславия и эгоистических интересов, а тут вдруг появляется такой вот подвижник – я имею в виду режиссера с мобильником – получает премию на фестивале, и все сразу преображается и изменяется. Люди вдруг замечают, до какой степени нравственного падения они докатились, раскаиваются в своих грехах, меняются к лучшему, начинают помогать ближним, уезжают в сельскую местность подальше от больших городов и т.д., и т.п., то есть все развивается, как обычно в подобных случаях. И так продолжается какое-то время – ну там год или даже два, а может, и все пять – до тех пор, пока слухи об этом замечательном феномене не доходят... до самого нашего героя. Нет, он, конечно, уже давно обратил внимание, что многие его коллеги после его триумфа на фестивале тоже стали отказываться от профессионального оборудования и делать кино при помощи фотоаппаратов, но его это ужасно раздражало, так же, как и все аналогичные примеры странных поступков со стороны других людей, поскольку он подозревал их всех в банальном эпигонстве и намерении присвоить его достижения. Дело в том, что сам он, снимая свой фильм на мобильный телефон, был движим исключительно стремлением немного поэкспериментировать, а о том, что за этим формальным экспериментом может скрываться еще какая-то сложность, он вообще все эти годы даже не подозревал.

И тут вдруг, когда он, наконец, не то чтобы впервые услышал о себе самом, но просто более-менее внимательно вслушался и взгляделся в поступающую к нему информацию про все это необычное поведение окружающих, спровоцированное его фильмом, он, можно сказать, неожиданно прозрел. До него дошло, какой нравственный подвиг он совершил, точнее, какой подвиг ему все приписывают. После чего, как нетрудно догадаться, ему тоже стало ужасно стыдно перед человечеством за себя самого и свою тупость. Поэтому, терзаемый угрызениями совести, он испытывает глубочайшую нравственную потребность в покаянии и в ближайшем же прямом эфире на телевидении сообщает многомиллионной аудитории о том, что на самом деле скрывается за его работой с мобильным телефоном. И, желая себя немного оправдать в глазах человечества, он даже разъясняет, как это было непросто – все отснять целиком и сразу, не прибегая к монтажу, ну там еще некоторые другие технические тонкости и сложности, но это все, конечно, ничто в сравнении с тем

глубочайшим нравственным смыслом его поступка, который только сейчас ему открылся. И когда телезрители узнают, что это был всего лишь формальный эксперимент и не более того, а сам их кумир такой тупой, то все сразу же встает на свои места. Люди из сел возвращаются в города, перестают делать добрые дела, опять начинают друг другу гадить и т.п.

А прозревший и покаявшийся режиссер, исполнившийся сознания собственной значимости и окончательно уверовавший в свое предназначение служить нравственным примером окружающим, удаляется в монастырь. Но это уже никого не интересует.

С годами как-то совсем перестаешь обращать внимание на дела и поступки окружающих. Зато теперь люди постоянно достают меня своей тупостью, в которой совершенно не виноваты.

Если бы философы не писали стихов, то выглядели бы гораздо умнее. Вот Флоренский, например – классический графоман. Ознакомившись с его стихами, его философских трудов можно уже не открывать.

я знаю, что не знаю того, что знаю

Как-то я написала, что похороны Тимура, возможно, станут последней светской тусовкой, представляющей для меня интерес в Петербурге. И действительно, за прошедшие восемь лет я очень сильно отдалилась от людей. Редко куда выхожу. Посещение ресторанов и вечеринок «Собаки» можно не считать - это все равно, что сходить прогуляться по Невскому среди абсолютно незнакомых людей. А пиво с писателями в Нямбурге я вообще никогда не пила. В сущности, я в своем родном городе совсем никого не знаю, даже если их имена по какой-то абсурдной причине и застряли у меня в мозгу. Я не знаю, в том числе, и тех, кого знаю, можно и так сказать.

А когда ты так отдаляешься от людей, да еще и телевизор не включаешь, то с тобой периодически случаются странные вещи. Помню, года три назад меня пригласили в прямой эфир «Эха Петербурга», разговор вообще-то шел о литературе, и тут вдруг в телефон прорвался некий пенсионер и задал вопрос о моем отношении к Охта-центру, при этом в его голосе было столько скорби, негодования и еще чего-то настолько глубоко выстраданного и совершенно душераздирающего, что и словами не передать. Мне от одного его голоса уже стало не по себе. А до меня в тот момент еще вдруг дошло, что я совершенно не понимаю, о чем он меня спрашивает. Что такое этот «Охта-центр»? Я никогда раньше не слышала такого словосочетания. О чем идет речь? Нет, теперь-то, по прошествии нескольких лет, мне и самой кажется диким и невероятным, что я могла этого не знать, но тогда я не нашла ничего лучшего, как сразу же его переспросить: ««Охта-центр» - а что это? Что вы имеете в виду?» Потому что мне и самой стало страшно интересно, что его так взволновало. Но тут, конечно, ведущая и еще пара человек, что находились со мною рядом за столом в студии, стали толкать меня в бок и писать на бумажке, что речь идет об архитектурном сооружении на Охте, кто-то даже попытался нарисовать какие-то каракули. И когда я поняла, что речь идет о строительстве нового архитектурного объекта, я, естественно, попыталась своего собеседника успокоить и сказала ему, что как-то видела главу архитектурного комитета Петербурга, и он произвел

на меня впечатление вполне интеллигентного образованного человека, с бородкой и в очках, так что можно не волноваться, все будет в порядке, он разберется... Однако было уже поздно. Своих успокоительных слов, думаю, я могла бы уже и не произносить. Потому что в какой-то момент на противоположном конце провода стали раздаваться хрипы, потом послышалось бульканье и, наконец, все окончательно стихло. Ведущая же профессионально откашлялась и, стараясь говорить как можно более бодрым и жизнерадостным голосом, перевела разговор на другую тему, поближе к литературе.

Вот и сейчас я, почти как тогда в студии «Эха», вдруг поймала себя на мысли, что совершенно не представляю, кто такой этот Кашин, которым вдруг заполнился весь интернет. Хотя в последние годы я обычно достаточно внимательно просматриваю свою френдленту в Живом Журнале, и его имя, безусловно, время от времени попадалось мне на глаза. Еще один из тех, кого я знаю, но при этом совершенно не знаю. И в отличие от Охта-центра, вряд ли когда-нибудь узнаю. Ведь если человек многократно мелькал у меня перед глазами, но при этом умудрился ни разу не совершить или не сказать ничего такого, что хоть как-то могло привлечь мое внимание, кроме как теперь «попасть под лошадь», то стоит ли о нем что-нибудь знать?

Я думаю, в этом мире существует две категории людей и вещей. Об одних я никогда ничего не слышала и поэтому ничего не знаю. И такие, которых я знаю, что не знаю. Последние безнадежны.

между "быдлом" и "гламуrom"

«Между "быдлом" и "гламуrom"» - эта фраза практически полностью исчерпывает все, что я могла бы сказать по поводу прошедшего десятилетия. С единственной оговоркой: она вовсе не означает, что я считаю себя таким неземным созданием, пытающимся не допустить соприкосновения с какими-то жуткими отталкивающими явлениями, ставшими Сциллой и Харибдой наших дней. Слово «между» указывает тут только на то, что я всегда старалась избегать оценочных суждений, являющихся плодом некоего коллективного разума. Так, слово «быдло» невольно вызывает у меня в памяти популярное среди отечественных фарцовщиков определение «совок», которое я тоже никогда не употребляла. А термин «гламур» кажется мне таким же порождением большого воображения философов и искусствоведов, как и широко распространенное десять лет назад понятие «постмодернизм».

Если я и использую слова с негативной окраской, то всегда исключительно индивидуально и без каких-либо претензий на глобальные обобщения. В основном, чтобы внести некоторое разнообразие в наименование тех или иных примелькавшихся объектов. А иногда у меня и вовсе нет выбора. Что делать, если в русском языке до сих пор так и не появилось более-менее приемлемого обозначения для особой мужского и женского пола? Не писать же, что в магазине «я видела мужчину»? Вот и приходится говорить: «в очереди в кассу передо мной втиснулся какой-то кретин». Так гораздо лучше, по-моему.

И я не исключаю, кстати, что множеству олигофренов и дегенератов практически любой придурок способен показаться замечательным человеком с выдающимися умственными способностями. Но меня это как-то мало волнует.

будьте как звери

Я слышала, что волк, если вдруг в давно заинтересовавшем его доме или сарае что-нибудь

хоть чуть-чуть изменилось, самая незначительная деталь, вроде цветочного горшка на окне из фильма про Штирлица, уже никогда к этому объекту не приблизится, а сразу же удаляется к себе в лес. Точно так же, думаю, в аналогичных ситуациях поступают и зайцы. С этой точки зрения товарищ, который заявил, что «Пастернака не читал, но осуждаю», был совершенно прав, ибо полностью полагался на свою интуицию, которая его в данном случае, кстати, не подвела. Вряд ли бы ему понравился Пастернак, а время свое на чтение он бы потратил.

Я себя в отношении книг уже давно стараюсь именно так и вести. Как волки и зайцы по отношению к подозрительным предметам.

Не понимаю, зачем открывать книгу, на обложке которой красуется тупая физиономия автора? Или же писатель раздает запредельные по идиотизму интервью? Или же его сравнивают с Платоновым, которого я всегда считала олигофреном? Или же он сам гордится, что его поставили в один ряд с Довлатовым? Или он дает своей книге название «Фиалковая вода для дам»? Или у него на сайте написано, что он «отец троих детей»? Или он никогда не смотрит телевизор? Не любит русский шансон? Не любит Ксюшу Собчак? Обожает суши? Обратил внимание на то, что в Париже, в отличие от России, «совсем не пахнут елки»? Употребляет выражение «настоящая проза»?..

Следуя таким путем, я постепенно смогла найти для себя ответ на основной вопрос мировой культуры, который долгое время казался мне совершенно неразрешимым. Почему такое количество откровенных дегенератов и кретиннов принято считать гениями? Просто большинство людей читают их книги, а я – нет.

кто хочет стать миллионером

Меня поражает число предсказателей, которые внезапно появляются буквально по любому поводу и столь же неожиданно потом исчезают. Теперь вот Египет и весь арабский мир. Что будет с человечеством? Оно определено не переживет таких потрясений. Только что были футбольные фанаты и неизбежный распад России в течение двух-трех месяцев. Чуть ранее вулкан с трудно произносимым названием и глобальное изменение климата, в результате которого Земля от экватора до Арктики уже должна была покрыться толстым слоем льда. Черт! Где все те личности с вытаращенными глазами, которые это предрекали с экранов ТВ? Евро еще в сентябре должен был опуститься ниже доллара. О последствиях многолетнего экономического кризиса и свиного гриппа я даже не говорю. Просто не хочется тратить время на изложение фантазий, порожденных этими явлениями. И самое главное, что во всех указанных выше случаях авторами многочисленных прогнозов являются вполне уважаемые на вид выпускники экономических, исторических и философских факультетов. Чем тогда философия и экономика отличается от вроде бы окончательно изжившей себя астрологии? Метод для предсказаний, на самом деле, используется точно такой же, как и при гадании по звездам. И его, кстати, может взять себе на вооружение каждый.

Нужно просто не лениться и регулярно выкладывать на ю-туб свои размышления о будущем по самым разным поводам. Если вы ошибетесь, и ваши слова не сбудутся – ничего страшного. Этого просто никто не заметит: мало ли сумасшедших распространяет свои видео в интернете. Но если хоть что-то из ваших пророчеств вдруг исполнится, то вы без труда сможете привлечь к себе внимание общественности. Приток желающих навести у вас справки о будущем на ближайшие несколько лет, а, может быть, даже и до конца жизни, вам гарантирован. За определенное вознаграждение, само собой. Короче, на этом, думаю, можно сделать неплохие бабки. И вероятность, что вам повезет, гораздо больше, чем при покупке обычного лотерейного билета. К тому же, без каких-либо особых затрат с вашей стороны. Две-три минуты рассуждений на любую актуальную тему по утрам вместо

зарядки. И все. Больше ничего в данном случае от вас не требуется. Чем больше будет записано роликов, тем выше процент попадания в точку. Где-то ближе к пенсии, то есть к тому времени, когда деньги будут вам особенно нужны, этот процент предельно возрастет. Что, помимо прочего, должно вселять в вас еще и уверенность в завтрашнем дне.

Аргументировать свои прогнозы можно ссылками на Гегеля и Адама Смита или же на расклад карт и звезд. Это уже дело вкуса. А можно и чередовать одно с другим, в зависимости от настроения и дня недели. Но как только одно из ваших предсказаний сбудется, все остальные лучше сразу убрать. На всякий случай. Таким образом, высшие силы сами выберут ваше основное призвание, которому вы сможете посвятить остаток своих дней. По сути, это абсолютно беспроектная партия. Тут совершенно нечего опасаться. Если что, у вас ведь всегда будет в запасе какое-то время, чтобы пару раз сходить в библиотеку и пополнить свои познания в той или иной сфере – чтобы не выглядеть совсем уж полным профаном в глазах потенциальных клиентов. Однако заранее грузить себя всякой чепухой я бы не советовала. Не отвлекайтесь и продолжайте спокойно работать по своей основной специальности, в том числе и в качестве преподавателя философии или экономики. Вдруг ваша будущая профессия совпадет с вашей нынешней. Тогда вам повезет вдвойне.

Все-таки у литературы перед музыкой имеется, по крайней мере, одно серьезное преимущество. Писателю не надо изучать никаких нот, и поэтому можно сразу же совершенно спокойно фальшивить. Все равно никто ничего не заметит. А композиторам и исполнителям приходится осваивать нотную грамоту, и только потом уже начинать фальшивить, продолжая при этом предельно точно брать все ноты.

Моя вторая попытка досмотреть фильм про Че Гевару вчера опять закончилась неудачей: заснула. Правда, все же слегка продвинувшись вперед по ходу действия. За все это время в фильме так ничего толком и не произошло, если, конечно, не считать революцию, но она там присутствует перманентно, то есть даже, по-моему, не начиналась, а просто используется в качестве фона. Ну, разве что чуть ближе к концу второго часа главный герой начал слегка покашливать. Или же мне показалось? Если показалось, тогда там совсем ничего не произошло. Вместо действий, насколько я поняла, в этом фильме есть два плана: один черно-белый, где Че Гевара произносит какие-то обрывочные фразы перед телекамерой и с трибуны ООН, а другой - цветной, где партизаны, подобно муравьям, ползают по горам и стреляют из ружей. И так на протяжении всех двух часов, что я сумела просмотреть. А это, если не ошибаюсь, только первая часть многочасовой эпопеи. Не могу сказать, что меня так уж волнует данный персонаж, что я готова к столь суровому испытанию. В том числе и потому, что я не совсем понимаю, о ком в данном случае идет речь.

Кем был Че Гевара? Крупным историческим деятелем? Политиком? Военачальником? Лично я думаю, что, в отличие от своих соратников по революционной борьбе, он просто более-менее регулярно вел дневник, то есть был писателем. И по законам литературы невольно заслонила собой остальных участников описанных им же самим драматических событий. Конечно, в самой по себе склонности к литературному творчеству нет ничего особо предосудительного - просто в данном случае происходит несколько раздражающая подмена понятий. Чапаев, например, тоже так и остался бы рядовым героем Гражданской

войны, если бы поблизости случайно не оказалось писателя Фурманова. А потом о нем сняли еще и кино.

Однако интрига в этом фильме Содерберга для меня все же присутствует. И прежде всего, мне интересно: для чего режиссер так долго топчется на месте, раскачивается и все никак не приступает к раскрытию характера знаменитого революционера? Чтобы создать эффект почти документальной объективности, а затем все-таки в угоду голливудским империалистам его обличить? Или же он все же так и не отважится посягнуть на кумира многочисленных левых интеллектуалов и пойдет на поводу общественного мнения?

Пока у меня сложилось такое впечатление, что он – дабы избежать всех этих острых углов – решил полностью сосредоточиться на чисто кинематографических приемах и монтаже черно-белых и цветных кадров. А стоит ли ждать большего от режиссера, который – если судить по «Трафику» – даже в таком простом и понятном вопросе, как торговля наркотиками, умудрился занять почти такую же двусмысленную и ускользающую от понимания позицию? Мне почему-то кажется, что это какой-то совсем гнилой тип без собственных взглядов и убеждений.

Петербург суровый и холодный город. Поэтому, возможно, жить в нем не очень уютно, но именно по этой причине он является почти идеальным местом для писателя. Ведь литература, в отличие от других видов деятельности, призвана готовить человека, скорее, к смерти, а не к жизни. По этой же причине, я думаю, Петербург так привлекает туристов, большинство из которых вовсе не мечтают здесь жить. Однако приехать в этот город – это все равно, что прочитать книгу и приобщиться к искусству, которое по своей природе является *искусством умирать*.

Не понимаю плохо скрываемой радости и категоричности, с какими некоторые считающие себя высокообразованными и просвещенными личности в своих книгах, статьях и интервью спешат оповестить человечество, что Бога нет. Подобное интонирование способно пробудить в тех, к кому обращены их слова, подозрение, что, в силу своей испорченности и тяги к мирским утехам, они стремятся выдать желаемое за действительное, дабы избежать наказания за свои неблагоприятные поступки в потустороннем мире. И поэтому атеизм для них является точно такой же формой утешения, как религия – для простых людей. Лично я, будучи человеком высоконравственным и духовным, всегда констатирую факт отсутствия Бога с легкой грустью и сожалением.

«Контроль» Корбайна - типичное кино фотографа. Прецедентов, правда, я что-то не припоминаю, но типичное в том смысле, в каком это слово употребляют, когда говорят о «прозе поэта», например. Никогда раньше как-то не задумывалась над смыслом фотографии и, тем более, психологией тех, кто занимается ею профессионально. Но уже ради этого стоило этот фильм посмотреть. Нет, я, конечно, далека от того, чтобы отождествить фотографов с официантами и прочим обслуживающим персоналом, однако чувствуется, что режиссер «Контроля» не привык врываться в плохо знакомое помещение без стука, всегда оставляет обувь в прихожей, отказывается от тапочек... Очень

трогательное кино, короче. И самое главное, в полном соответствии с творческим путем его создателя: от фотографий – к клипам, и далее – к полнометражному кино. Долгий путь длиной в десятилетия. Поступательность продвижения от малого к великому впечатляет! Видно, что фотограф привык работать с известными людьми, которые не позволяли слишком собой руководить, но кое-чему он у них все-таки научился. После этого фильма Корбайна следовало бы признать образцом скромности и минимализма. Однако на месте кинематографистов я бы не стала слишком расслабляться. Фотография уже похоронила живопись. И все эти бойко движущиеся картинки в один прекрасный момент очень даже могут опять остановиться. Как это, собственно, и произошло в «Контроле»: пара десятков скриншотов с подписями типа «Ян Кертис и Анник Оноре» или же «Ян Кертис на сцене» вполне способны заменить просмотр этого фильма.

«От двух до пяти» - неплохое название, кстати, для детектива из жизни мелких мошенников.

Посмотрела "Класс" ("Entre les murs"). Запомнилось, как на прямой вопрос одного из учеников, а правда ли, что мсье учитель любит мужчин, тот после некоторой заминки, отвечает: «Нет. Неправда!». Тем не менее, девочки, как мне показалось, все же представлены в этом фильме менее привлекательными, чем мальчики, причем не только внутренне, но и внешне. А поскольку зрители наблюдают за всем происходящим в фильме как бы глазами учителя, то подобное восприятие невольно проецируется именно на него. Даже конфликт, в результате которого несчастного черного подростка исключают из школы, после чего он теперь, видимо, будет вынужден уехать к себе на родину в Африку, так вот даже этот конфликт был, по сути, спровоцирован двумя откровенными дурами из числа учениц, одна из которых, ко всему прочему, еще и жуткая уродина. Тогда как сам подросток, скорее, предстает не лишенной юношеского обаяния жертвой.

Таким образом, получается, что главный герой фильма, а вместе с ним, видимо, и режиссер, не любит мальчиков, однако девочек они все равно любят меньше.

Ну, хоть что-то! А то совсем было бы непонятно, зачем я ходила в кино.

два в одном

Нет, мне определенно нравятся боты – речь не о калошах, разумеется! Пока одни не спят ночами и вымучивают так называемый контент, эти спокойно собирают себе нужное количество читателей, залезая на время в журналы разных юзеров в ожидании взаимности, чисто наудачу и совершенно не забывая себе голову никаким контентом. Просто для того, чтобы потом срубить бабла на рекламе и других интересных и полезных вещах.

Получается, что они относятся к людям исключительно как к средству, в полном соответствии с учением великого Ницше.

В принципе, я и сама давно уже воспринимаю людей точно так же и стараюсь их по возможности использовать. Но до такой сверхчеловеческой простоты и ясности даже мне, пожалуй, еще далеко. Тут есть к чему стремиться. Тем более, имея перед глазами столь впечатляющий пример для подражания.

И самое главное, что они тоже не топчутся на месте, а развиваются. Вот я заметила, что раньше у среднестатистического начинающего бота сразу было по тысяче и более временных объектов для предполагаемой взаимности, а теперь все чаще стали попадаться такие, у которых их не больше пятидесяти. То есть они врубались, что так они больше похожи на обычных людей, и поэтому подобная стратегия быстрее приводит к успеху. Стали действовать по принципу «тише едешь – дальше будешь», короче.

И я не удивлюсь, если в один прекрасный момент в блогах таких персонажей, помимо банальных постов о погоде, как теперь, можно будет обнаружить еще и чудеснейшие стихи типа «вечность, небо, смерть» или же лицезреть выдающиеся абстрактные полотна с беспредметными каракулями, ну а фотографий там уже и сейчас полно, поскольку тут вообще напрягаться не нужно – просто щелкай, и все.

И таким образом человечество наконец-то придет к рождению гения-сверхчеловека! Двух в одном, так сказать. Не сразу, конечно, а постепенно люди и боты будут обмениваться опытом, вбирая в себя самое лучшее и продвигаясь навстречу друг другу, до тех пор, пока окончательная цель развития мировой цивилизации не будет достигнута. Сейчас же большинство гениев, увы, все еще больше смахивают на недочеловеков, озабоченных исключительно созданием контента, который вот так вот практически каждый может употреблять в своих целях, в том числе и тот, кто не то что не способен рождать прекрасные в своей непостижимой туманности произведения искусства, а вообще с трудом складывает слова про солнышко и дождик за окном.

Никогда не стоит, кстати, особо обольщаться насчет очевидной глупости или невзрачного внешнего вида тех, кто использует или же пытается использовать вас. Даже совсем уж убогие и ободранные существа, которые периодически звонят мне в дверь с библией в руках и пытаются донести до меня слово божие, тоже, наверняка, видят во мне исключительно средство для дальнейшего попадания в рай. Сама я им вряд ли интересна. Они ведь даже не утруждают себя предварительным прочтением моих книг - никакой контент, как я уже сказала, подобных личностей не интересует – а просто наугад нажимают на звонок в надежде на взаимность, из которой потом извлекут соответствующую выгоду.

Со своей стороны мне, как ницшеанке, естественно, тоже очень бы хотелось всех этих типов как-то использовать, хотя бы для того, чтобы не чувствовать себя совсем уж недочеловеком, а приблизиться к идеалу и подняться по ступенькам мирового развития вверх. С этой целью я, кстати, уже передвинула мусорное ведро у себя дома поближе к входным дверям. И как только мне теперь какой-нибудь такой проповедник позвонит, я сразу же предложу ему вынести мой мусор на помойку. Я уже так решила для себя. Не пропадать же его усилиям даром, раз уж он притащился ко мне на четвертый этаж? И потом, это же так по-христиански, помочь своему ближнему. Разве нет?

Что касается остальных, то с ними я пока еще не определилась: какое применение им найти. В данный момент я ими просто безмолвно восхищаюсь. Ну и обучаюсь понемногу, само собой. Хладнокровию, спокойствию, презрению ко всему слишком человеческому. Только ради этого и стоило завести себе журнал.

волшебная сила слова

Вот я заметила. Если политика, военного, ученого или бизнесмена вдруг уличают в тяге к литературному сочинительству, то вся их деятельность, даже отмеченная самыми выдающимися достижениями, начинает казаться совершенно несерьезной и не достойной внимания, которым такие личности до этого момента были окружены. Более того, когда в голливудском фильме фотомодель, роль которой исполняет признанная звезда, достает из

стола пишущую машинку и начинает кропать роман, то ее красота тоже мгновенно куда-то улетучивается, а весь ее облик точно так же тускнет и лишается былого обаяния. Матерый преступник, взявшийся за сочинение стихов, уже не способен пробуждать в окружающих страх, а чемпион мира по боксу как будто лишается своей силы... Интересно, в чем тут дело?

К писателям, между прочим, это тоже в полной мере относится. Просто им, как правило, особенно нечего терять. Они ведь и так писатели.

Если бы люди не вызвали у меня столь сильного отвращения, то их, вероятно, можно было бы назвать трогательными.

когда я слышу слово «дизайнер»

Или вот, дизайнеры. Все-таки очень странная профессия, по-моему. Никогда не имела с ними дело. Интересно, как это обычно происходит? Вот я переехала в новую квартиру, и тут появляется некто, кто показывает мне, куда нужно поставить стул и повесить картину. Этаким специалист по красоте, в которой я, с его точки зрения, совершенно не разбираюсь, так как у меня нет специального образования и диплома. Черт! Эти личности, пожалуй, даже круче тех придурков с Библией, что периодически звонят мне в дверь, желая донести до меня конечную истину бытия. А есть ведь еще и психологи. Те самые, которые после того, как где-нибудь рухнет очередной самолет, «работают с родственниками погибших». Тоже довольно специфическое занятие – сколько раз натыкалась на эту фразу, но так до сих пор и не смогла к ней привыкнуть. Однако психологи – это еще ладно. А вот дизайнеры? Что делать, если кто-нибудь из них вдруг возникнет на моем пути со своими советами? Убивать?

Говорят, что тот, кто хоть раз побывал на мясокомбинате, уже никогда не станет покупать колбасу. Охотно верю. Так получилось, что мне неоднократно довелось посещать различные издательства и видеть тех, кто там работает. Поэтому мне теперь крайне сложно заставить себя открыть какую-нибудь книгу. Иногда и надо, вроде, по долгу службы, так сказать. Но ничего не могу с собой поделать.

А кто там работает? В двух словах этого не передашь. Тут нужен специальный фильм на НТВ. Документальный, желательное.

В вечно пустых дорогих магазинах и бутиках на Старо-Невском продавцы, мне кажется, постепенно сходят с ума от одиночества и безделья. Сегодня зашла в один из них, чтобы примерить ботинки. Не покупать, а просто прикинуть, так как видела похожие в интернете, той же фирмы, но за другие бабки, естественно. Анорексическая девица, которая покачивалась у прилавка в такт наушникам, некоторое время совсем меня не замечала, а потом повернулась и протянула ботинок, оказавшийся на пол размера меньше

нужного - других там не было. И в это мгновение я ощутила случайное прикосновение настолько холодной, почти как у покойника, руки, что от неожиданности подняла глаза вверх и тут же уткнулась в бледное лицо с провалившимися глазницами и какими-то совершенно непроницаемыми темными пятнами вместо глаз. Из наушников до меня отчетливо донеслись знакомые слова слегка забытой песни: «Кукла Маша, кукла Даша...» Забрав ботинок, продавщица снова вернулась к прилавку и продолжила свои мерные покачивания, уставившись сквозь витрину на крышу дома напротив. За все это время она не проронила ни звука, не считая номера нужного мне размера, который, по-моему, все же прозвучал, хоть я и не уверена.

Оказавшись на улице, я на некоторое время потеряла ориентацию во внешнем мире и метров десять шла в противоположную от Невского сторону. Меня до сих пор не покидает ощущение, что я побывала в самом настоящем склепе, населенном пугающими призраками, а восставшая из гроба утопленница вцепилась мне в руку и пыталась утащить меня в свое потустороннее пространство. Я и сейчас все еще чувствую на руке ее холодное прикосновение.

В этот магазин я уже точно больше никогда не пойду.

Оказывается, сегодня всемирный День писателя, а я и не подозревала. Ну что ж, это многое объясняет.

В секции посуды Гостиного двора видела сегодня старика с растрепанными седыми волосиками, который стремительно выскочил навстречу мне из глубины галереи и, притормозив в соседнем отделе, вдруг обратился к заскучавшей среди керамических изделий юной продавщице: «Девушка, а вы поэзию любите?» Девушка – совсем даже не уродина, как обычно, а вполне интеллигентного вида – доверчиво кивнула головой. «Тогда послушайте!» - старик выхватил из подмышки увесистую пачку бумаги и начал декламировать: «*В природе есть свои загадки, // Она не терпит суеты...*» После этого я сразу же отошла от них на приличное расстояние и еще несколько минут наблюдала, как этот тип извлекает из пачки все новые и новые стихи, а его слушательница растерянно оглядывается по сторонам. Но вокруг, как назло, в этот момент не оказалось ни одного покупателя, и даже ее коллеги куда-то все исчезли. Интересно, конечно, было бы посмотреть, чем все закончится, однако я уже и так опаздывала в Дом кино.

И главное. До меня только сейчас дошло, что мне, возможно, посчастливилось сегодня встретить штатного поэта универмага «Гостиный двор», автора периодически звучащих там из репродуктора строк: «*Динь-дон, динь-дон, в Гостином дворе подарки выбираем сами себе. Выбирайте сумму, на которую дарить, не забывайте ее вы в кассу оплатить*». Иначе, почему он был только в пиджаке и рубашке? В такую погоду, когда на улице снег?

Что меня удивляет? То, что Лев Толстой посвятил целый роман женщине. И даже назвал его женским именем.

Странно, что до сих пор на это никто не обратил внимания.

эпоха великих закрытий

А когда наука окончательно измельчает, то со всяких мелочей, прежде всего, и начнут. Будут потихоньку отслеживать диссертации типа «Горизонтальность в английском

романтизме 18 века» или «Повороты на сто восемьдесят градусов в русской культуре конца двадцатого столетия». Короче, сначала будут такие диссертации изымать из обращения, а их авторов предупреждать и наказывать штрафами. Потом перейдут к понятиям типа «фонема», «означающее», «форма», «содержание», «дифференциальный признак», «антиномия», «дихотомия», затем отменят «карнавализацию», «диалогизм», «монологизм», «знак», «симулякры». После чего будет наложен запрет на исследование психологии, процессов старения, гендера, бессознательного, семиотики и т.п. И, наконец, доберутся до материи, духа, идей, языка, логоса, фаллоса, танатоса и прочей фигни. Где-то на одном из последних этапов будет устранен Бог, хотя лично я с него бы начала.

Последовательность, возможно, и вовсе будет соблюдаться не столь строго, но уже двадцать первый век, скорее всего, станет началом эпохи Великих закрытий.

Большинство деятелей современной культуры представляются мне совершенно бессмысленными и ни на что не годными персонажами. Но есть и исключения. Недавно на одном из светских мероприятий мне довелось наблюдать на сцене композитора Каравайчука. В беретике и какой-то странной тужурке, он рассказывал, как разные нехорошие люди отказывались ему платить из-за того, что музыку для фильмов он часто практически мгновенно сочинял за роялем прямо на глазах заказчиков, ну а те не желали воспринимать результаты его труда всерьез. Повествование длилось довольно долго, и всякий раз, когда публика думала, что рассказ закончен, выступавший резко вскидывал руку вверх, как бы предвосхищая финальные аплодисменты, после чего следовала еще одна история на ту же тему, потом - еще одна... Так продолжалось до тех пор, пока присутствующие окончательно не убедились, что видят перед собой настоящего гения.

Тогда я и подумала, что композитора Каравайчука вполне можно использовать в качестве пугала. Глядя на него, каждый начинающий художник, писатель или музыкант смогут прочувствовать, что их ждет в случае окончательного обретения полной свободы самовыражения. Представить, как они будут выглядеть со стороны.

childfree

Мой брат недавно вернулся из рейса. С тех пор, как он случайно услышал по радио один из «Морских рассказов» в исполнении народного артиста России Ивана Краско, мне не удается выудить у него никаких связанных историй про его морские приключения. Прошло уже больше десяти лет, но шок, который он тогда испытал от встречи с прекрасным, оказался настолько велик, что, стоит мне только затронуть эту тему, попытаться задать какой-нибудь наводящий вопрос, как он сразу же замолкает, уставившись на меня с таким видом, будто я агент иностранной разведки, пытающийся выведать у него страшную военную тайну.

Гриша с детства мечтал жить как рантье. Периодически он садится за стол, достает ручку, бумагу, калькулятор и погружается в сложнейшие математические расчеты, какой процент ему будет поступать ежемесячно с заработанных в изнурительных полугодовых рейсах бабок, когда он достигнет пенсионного возраста. Вот уже несколько лет он живет у бабы, которая преподает арифметику в младших классах. Ежедневно они с ней совершают десятикилометровые прогулки, так как Гриша где-то прочитал, что именно столько необходимо проходить в день, чтобы поддерживать свой организм в тонусе. Но потом, по словам его подруги Лизы, им «обычно так хочется есть». В результате Гриша за последнее время достиг каких-то совершенно невероятных размеров и при его росте должен весить

сейчас не меньше ста пятидесяти килограмм. Лиза, которая на голову его ниже, почти не уступает ему в ширину.

Однажды я побывала у них в гостях. Двухкомнатная квартира в типовом доме брежневских времен вся была завалена каким-то хламьем. Унитаз в туалете перекосячился набок, сливной бачок болтается на одном гвозде, кран в раковине и вовсе отсутствует – пришлось мыть руки, согнувшись над пожелтевшей ванной. Сломанный холодильник, вышедшую из строя стиральную машину, доисторический телевизор они почему-то не выбрасывают, а просто закрывают тряпками. На старом телевизоре, правда, стоял еще и новенький Панасоник с видеком. Стол мне тоже накрыли прямо на швейной машине «Веритас». В соседнюю комнату вообще было опасно заходить, так как оттуда периодически раздавался оглушительный лай огромной собаки, которую мой брат подобрал на улице. Собака спала прямо на диване, а оставшуюся часть комнаты занимал рояль, доставшийся Лизе по наследству от бабушки. На этом рояле, естественно, тоже никто никогда не играл, включая, видимо, и родителей подруги брата. Поэтому он был тщательно прикрыт пожелтевшими газетами пятидесятих годов и тряпочками. Короче, больше я к ним в гости не хожу и предпочитаю встречаться на нейтральной территории у мамы.

Детей у брата и его подруги нет. И когда в этот раз при встрече я сказала им, что их образ жизни полностью подпадает под модное определение «*childfree*», Гриша был настолько польщен, что на какое-то время потерял бдительность и поведал мне, как старший механик на судне доставал его рассказами про своего внука: «какие у него глазки, какой ротик, какая жопка, какой животик...» Так продолжалось несколько месяцев, пока Гриша однажды ему не сказал: «Послушайте, Петр Петрович, отъебитесь от меня наконец со своим внуком».

А самыми ужасными личностями, с которыми ему приходилось в последние годы ходить в рейсы, Гриша считает одесситов. Хуже них, как я поняла, были только болгары. Болгар, кстати, турки совершенно правильно в свое время убивали и очень жаль, что не добились. А турки делали так: сначала отрезали пальчик на одной руке, потом – на другой, потом отрезали обе руки, а после расчленили все тело на части. И болгары, по мнению Гриши, это полностью заслужили. Тут я не выдержала и вмешалась: «Послушай, по-моему, это заслужили не только болгары, но и все люди вообще». – «А что это ты так не любишь людей?» - возмутился Гриша, заткнулся и снова стал смотреть на меня с глубочайшим недоверием.

Видела сегодня на углу Марата и Невского группу низкорослых даунов, которые кучковались напротив входа в метро, провожая жадными взглядами всех проходивших мимо девушек. Когда расслышала итальянскую речь, поняла, кого они мне напоминают. Челентано. Точно! Такие же толстые губы, приплюснутые носы и низкие лбы, ну прямо как его родные братья. Скорее всего, из той же местности, а точнее деревни. Приехали в большой город и не могут скрыть своего восторга от встречи с цивилизацией. А тут ведь не только девушки, еще и машины в большом количестве ездят. Есть на что посмотреть.

В магазине передо мной в кассу стоял на редкость мерзкий тип, тоже где-то мне по плечу, с физиономией, изрытой оспой, и проплешиной на башке. Кассирша узнала в нем знакомого и начала сюсюкать. Имя у него оказалась гнусное: «Толик». Фу-у, лучше бы я его не слышала. Вдобавок, он держал в руках два увесистых бумажных пакета, из которых на прилавок рядом с кассой, куда ставят корзины, капала темная, похожая на кровь, жидкость. Наверняка ведь с человеческими органами, не иначе.

А вот икебана все равно – не искусство, а, простите, выябывание. Поставишь на стол букетик, и никто не может по-настоящему оценить его красоту, кроме уроженца страны Восходящего солнца.

Но ничего, если что, у нас тоже есть не переводимый на другие языки Пушкин. И если Россия когда-нибудь исчезнет с лица земли, то она навсегда унесет с собой тайну этого поэта.

еще о трогательном

А если попробовать взглянуть на людей глазами компьютера или хотя бы представить, что глядишь, то по совокупности дифференциальных признаков, доступных пониманию искусственного интеллекта, практически все люди должны вызывать у созерцающего их субъекта сочувствие. Поэтому снабженный специальным сенсорным устройством и баллончиком с водой, поворачиваясь в сторону того или иного персонажа, компьютер вполне мог бы уже сейчас абсолютно натурально рыдать. И только то, что во всех этих трогательных существах, вызывает у меня отвращение, до сих пор, по-моему, ускользает от четкой дифференциации и автоматического распознавания.

Так что отсутствие сочувствия к людям – это сейчас, возможно, единственное, что все еще отличает человека от машины. Притом, что роботы уже давно обыгрывают людей в шахматы.

Прошлой осенью, встречаясь со своими парижскими знакомыми, я несколько раз ловила себя на мысли, что практически совсем не использую такое емкое определение, как «буржуазный». Например, предлагаешь кому-нибудь зайти в кафе, а в ответ слышишь: «Ну что вы, оно ведь такое буржуазное». Раньше я почему-то на эту деталь не обращала внимания. И всегда сама в аналогичных случаях употребляла слово «обывательский». Сказывалась, вероятно, специфика моего воспитания, когда слово «буржуазный» постоянно муссировалось советскими обывателями. Но что такое «обывательское кафе»? Подобных просто нет в природе. А вот слово «буржуазный» сейчас будто засияло новыми красками и просто идеально характеризует огромное число современных явлений.

Например, «меня не интересуют эти буржуазные премии и издательства». Буду теперь так говорить.

Я бы еще и слово «мещанский» возродила. Есть в нем какая-то душещипательная утонченность. И мещанские премии меня тоже не интересуют. Но, боюсь, меня мало кто поймет.

или - или

Давно обратила внимание, что некоторые бабы-писательницы, чтобы остаться в вечности максимально привлекательными, запускают в оборот несколько фотографий, где они запечатлелись в выгодном ракурсе, а остальные изымают из употребления. В результате в глазах доверчивых читателей часто оказываются самыми красивыми более умные или же

хитрые, а вовсе не те, что были таковыми в реальности. Единственная проблема для них заключается в том, что писатели – это все-таки не совсем фотомодели, и после них остаются еще и тексты, а не только фотки.

А я заметила также, что какими бы ушлыми не были те или иные персонажи, берясь за перо, они все равно переносят на бумагу все свои привычки, свойственные им в жизни. В том числе и привычку быть умными. Так что, если их читатели не относятся к разряду совсем уж доверчивых лохов, рано или поздно они неизбежно обратят на это внимание. А зачем, спрашивается, писательнице, которая, судя по фотографиям, не обделена от природы внешними данными, быть в своих текстах такой навязчиво умной? Если она в жизни привыкла быть красивой? И тогда охваченные сомнениями поклонники бросаются в интернет и начинают искать снимки своего кумира в других ракурсах, других позах, других обстоятельствах. И ничего нового там не находят. Фотографий-то всего две или даже одна. Увы.

О тех, кто обделен умом и не способен скрыть своей высокой нравственности, я здесь даже не говорю.

КОПИЯ И Я

«Копия верна» - практически идеальное пособие по человеческой глупости в самых разнообразных ее проявлениях, причем сразу в двух ипостасях: мужской и женской. Всего пара часов просмотра, и вы будете знать о хроническом идиотизме буквально все. Так что рекомендую.

Особенно органично, как мне показалось, в фильме смотрится исполнитель мужской роли. Не поленившись навести справки, я уточнила для себя, что на эту роль был приглашен не профессиональный актер, а некий баритон из Англии. Охотно верю, что ему даже не пришлось особо напрягаться, и он просто оставался в кадре самим собой. По этой причине, видимо, он, в отличие от Жюльетт Бинош, и не был отмечен каннским жюри. Я никогда специально не занималась изучением этого феномена, но теперь - после просмотра фильма – готова допустить, что в каких-нибудь медицинских журналах даже публиковались материалы, что происходит к сорока годам с оперными певцами из-за того, что тем постоянно приходится слишком широко открывать рот, и поступающие через него потоки воздуха влекут за собой переохлаждение головного мозга. Тогда, тем более, создание столь незабываемого персонажа целиком является заслугой режиссера, проделавшего большую предварительную работу и откопавшего среди разнообразных типажей именно того, кто смог, наконец, идеально воплотить на экране образ ученого-искусствоведа.

К стыду своему должна признаться, что это был первый фильм режиссера Киаростами, который я посмотрела. Вот здесь очень точно названы причины, из-за которых я, скорее даже бессознательно, до сих пор избегала кино, сделанного в странах, по праву гордящихся своей духовностью. Но после того как этот режиссер перебрался в Европу, я, конечно же, и дальше буду с интересом следить за его творчеством.

Что меня немного смутило. Обилие людей на презентации книги, посвященной исследованию произведений искусства и их копий. Точно я не считала, но навскидку в зале находилось не меньше ста человек. И это в фильме, где фактически все остальное время в кадре крупным планом присутствуют головы двух исполнителей главных ролей. А это ведь хорошо известный всем прием, который, наряду со слабым освещением, обычно позволяет создателям малобюджетного кино сэкономить бабки на массовках, костюмах, натуральных съемках и деталях интерьерера. Невольно ловишь себя на мысли, что на аренду более вместительного помещения и привлечения, например, тысячи человек для съемок сцены презентации, у режиссера просто не хватило средств. Для сравнения: на мое

недавнее публичное чтение в Петербурге пришло не больше тридцати человек. Притом, что я не какой-нибудь там задроченный автор монографий по искусству – я вообще в последнее время крайне редко появляюсь в публичных местах и без ложной скромности могу предположить, что те, кто меня видел, смогут когда-нибудь делиться воспоминаниями с потомками и, возможно, даже обеспечат себе таким образом безбедную старость. А тут? Где, интересно, режиссер наблюдал такой ажиотажный интерес к искусству? У себя в Иране? Ну, тогда мне определенно срочно надо туда переезжать. Там я наверняка буду собирать стадионы, как в свое время Ахмадулина и Евтушенко.

тупость утонченного разума

Взявшись редактировать французскую статью, уяснила для себя, что Фуко и Деррида никак не могли прийти к согласию по поводу трактовки книги Декарта под названием «Метафизические размышления». Интересно, почему? Наверное, у них были разные научные руководители.

Забавно, что если бы не такое вот случайное стечение обстоятельств, то я, скорее всего, вообще никогда об этом факте не узнала. Так и покинула бы этот мир, не просветившись. Или нет, «не затемнившись» - так будет правильнее сказать. Поскольку, чем больше человек читает подобных авторов, тем тупее он становится – давно это заметила.

Вот католики и православные, насколько я понимаю, до сих пор так и не пришли к согласию по поводу того, исходит Святой дух исключительно от Отца или же еще и от Сына. То есть вот это для них важно, а то, что Земля вращается вокруг Солнца как бы и вовсе не имеет значения. Их утонченный разум старается избегать столкновений со столь грубой реальностью.

Поэтому я почти не сомневаюсь, что когда-нибудь просвещенное человечество будет точно так же стыдиться большинства современных мыслителей, как оно стыдится сегодня религии.

Прочитала в рассылке про юбилей поэта Сосноры. Оказывается, он еще жив. Помню, во времена колоссального духовного голода, когда за любой хоть чем-то примечательной книгой мгновенно выстраивалась очередь, почти как за хлебом в военной хронике из осажденного Ленинграда, его сборники неприлично мозолили глаза на прилавках магазинов и библиотек. Все-таки это надо было постараться, чтобы, фактически в условиях жесточайшей духовной блокады, читатели отказывались потреблять производимый тобой продукт. При этом патриотических стихов он не сочинял, а писал на свободные темы. Выдающийся мастер.

Между тем, журналистам на юбилейный вечер предлагают аккредитоваться заранее. Страшные бабы на старости лет рассказывают внукам, какими они были когда-то красавицами, а поэт Соснора предстал перед молодежью в качестве гения.

Когда-то, еще на заре Перестройки, я лишилась работы в Исаакиевском соборе после того, как выступила за отмену религиозной пропаганды во время экскурсий. И это было не так уж и смешно, потому что, как выяснилось позже, та работа была чуть ли не единственной

ниточкой, которая связывала меня с социумом. После эта связь уже так никогда и не восстановилась.

Тимур Петрович, кстати, считал, что именно за это мне многое прощается.

Но теперь меня еще стали одолевать ужасные сомнения. А что, если я единственный человек в этом мире, который вообще когда-либо пострадал за веру?

Каждый год с наступлением весны жалею, что в Ленинградской области не водятся слоны, которые вытоптали бы все эти доверчиво потянувшиеся к солнышку цветочки, траву и прочую растительность. Ненавижу все живое!

тревожная тенденция

За последние годы как-то резко возросло количество триллеров без хэппи-эндов. Если раньше из десяти школьников, приехавших в лесной домик на выходные, хотя бы одна главная героиня выживала, то теперь в большинстве случаев ее тоже расчлениют. А сам маньяк, разразившись безумным смехом, исчезает в темноте. В каждом отдельном случае это, разумеется, не может не радовать. Однако я, например, сейчас не могу вспомнить ни одного советского фильма про войну со счастливым концом. И чем все это закончилось? Правда, советские режиссеры формально были еще и обязаны следовать канону исторического оптимизма, да и сама война вроде была победной. А тут все не так очевидно, но все равно, тенденция настораживает.

Возможно, конечно, такие финалы просто оставляют режиссерам возможность сделать второй и третий фильмы с любимым зрителем персонажем с топором, которого в завершающей серии должны были бы поймать, но потом у них неожиданно кончаются бабки. Из-за чего у зрителей и складывается ощущение, что они живут в мире безнаказанных маньяков. Тогда это чисто техническая накладка, и беспокоиться пока особенно не о чем.

Нет, все-таки любое, даже самое мимолетное, соприкосновение с миром графоманов оставляет тяжкое ощущение. Интересно, сколько их? Просто живешь себе и как-то совсем забываешь, что где-то еще есть личности, которые равняются на Данте, Толстого, Достоевского и до сих пор так и не доросли до их уровня развития. В жизни я, естественно, таких никогда не встречала, но иногда вдруг случайно забредаешь на какой-нибудь форум и натыкаешься там на размышления о современной литературе, какие титаны должны рано или поздно в ней появиться, равновеликие перечисленным выше авторам... И у тебя, как минимум, до вечера портится настроение.

А ведь где-то, наверное, есть еще и те, что восхищаются Гомером и верят в существование многочисленных божеств, населяющих небеса и морские глубины. В кровожадных духов огня и коварных сирен. Где-нибудь среди чукч и других представителей вымирающих народов Крайнего Севера таких тоже, думаю, можно сейчас отыскать. Просто у них, к счастью, пока нет интернета.

Даже боты раздражают меня исключительно из-за своего сходства с людьми. Такая же непосредственная тупость, бесцеремонность и, самое главное, полное отсутствие малейших признаков цинизма. Как только натыкаешься на бота, сразу вспоминаешь тех, кто встречался тебе в жизни. Разницы никакой. Неужели нельзя было придумать что-нибудь не похожее на человека?

Получила вчера по почте февральский «Магазин литерер», посвященный Селину. Забавно, что со всеми, кто там отмечился, я знакома. За исключением Кэндзабуро Оэ, который пишет, что открыл для себя Селина, благодаря Сартру, о котором готовился защищать докторскую диссертацию и на которого Селин оказал влияние, однако после знакомства с Селином забросил науку, диссертацию не закончил и решил стать писателем. В этой логической цепочке определенно что-то есть. Напоминает коллизию из жизни супружеской пары, когда жена знакомит мужа со своей лучшей подругой.

Давно, кстати, обратила внимание, что те, кто считают лучшей книгой Селина «Путешествие», не то чтобы ничего в нем не понимают, а вообще не отличаются большим умом. И дело тут даже не в том, что это такой распространенный в обывательской среде штамп. Просто эта книга больше всего растрогана, а любая зависимость от печатного станка унизительна для уважающего себя индивидуума. Особенно сейчас, во времена интернета, когда каждый может, не прилагая каких-либо чрезмерных усилий, выбирать между тем, что тебе навязывают, и своей волей. И на примере Селина это как-то удивительно хорошо видно, в том числе, и из-за некоторых особенностей его творчества. Поэтому если кто-то вам говорит, что считает лучшей книгой Селина «Путешествие на край ночи», значит, вы видите перед собой дурака. Можете не сомневаться.

обратная перспектива

Зрители всегда могут выключить телевизор и пойти на кухню пить чай. А вот персонажи триллера, увы, нет. Поэтому, если бы последние вдруг смогли наблюдать за первыми, то им было бы сложно понять, кого они видят. Только что у человека глаза вылезали из орбит от ужаса, а теперь он, довольный, сидит с чашкой в руке.

Что касается Гоголя, день рождения которого был три дня назад, то его мотив при сожжении второго тома «Мертвых душ» мне теперь понятен. Можно ведь действительно написать книгу, которой будет жалко делиться с людьми. Очень хорошо себе такую ситуацию представляю.

И если это так, то Гоголь был не очень умен. В смысле, что потратил время на написание такой книги.

существует только литература

Странно, что этого еще никто не сказал. Существует только литература, а все остальное является производным от нее. В первую очередь это заметно при наблюдении за различными видами искусств. Лермонтов мог рисовать акварели, а Грибоедов сочинять вальсы, но они делали это исключительно ради забавы, чтобы заполнить свой досуг. Однако, если живописец берется за перо, то неизменно делает это со священным трепетом, осознавая, что посягает на нечто, превосходящее по степени ответственности его собственное занятие. Трудно отыскать писателя, который хотел бы стать композитором, но еще сложнее найти музыканта, который не мечтал бы стать писателем. Самый значительный художник двадцатого столетия, Уорхол, стал таковым исключительно благодаря литературному таланту. Сальвадор Дали имеет сомнительную репутацию, но до сих пор окончательно не оплеван из-за дружбы с Лоркой и сочинения, в котором сам назвал себя гением. Все их коллеги, пренебрегшие литературой, обречены на исчезновение или, подобно Эль Греко, будут веками ждать появления очередных символистов, которые упомянут их среди своих предшественников.

Чапаев стал главным героем Гражданской войны благодаря Фурманову. А Че Гевара, возможно, сам того не желая, потеснил всех своих соратников в сознании современников, потому что не забывал фиксировать произошедшие с ним события в блокнотике, который потом был опубликован. Автор книги просто физически не может не оказаться в центре созданной им же самим вселенной. И если бы, к примеру, «Майн Кампф» оказалась гениальным произведением, то никакие злодеяния уже никогда не смогли бы поколебать величие Гитлера в глазах потомков. А так, ему, видимо, придется довольствоваться ролью персонажа фильма Рифеншталь. Пленка имеет свойство тлеть, но на цифровых носителях кино способно составить определенную конкуренцию литературе.

Вряд ли можно назвать писателя целью мироздания или же его венцом, но он, безусловно, является его создателем. Все находящиеся в этом мире существа и предметы определяются и обретают свою ценность исключительно по степени близости к его центру в лице писателя. Поэтому писатель не нуждается ни в каком начальстве, включая Бога. Скорее, Бог нуждается в нем. И именно отсутствие у Библии конкретного автора делает эту книгу крайне трудной для восприятия. Читатель по-настоящему способен сопереживать исключительно тому, в чем реальном существовании он более-менее уверен. А фокус, когда автор пытается поставить на свое место изобретенного им персонажа, мне кажется, сейчас уже больше не работает. Любая иллюзия длится только до тех пор, пока ее механизм не становится понятен всем.

И наконец, только литература дает человеку реальную надежду на продление его существования после физического исчезновения из этого мира. И не просто потому, что другие люди будут какое-то время помнить его после смерти, как он порой вспоминал кого-то из своих любимых авторов. Но еще и бурное развитие новых технологий позволяет ему надеяться, что в будущем человечество научится полностью реконструировать исчезнувших индивидуумов по оставленной ими информации о себе и воссоздавать их во плоти. И тут, конечно же, писатели окажутся первыми на очереди. Это очевидно. Те, естественно, чьи книги дойдут до потомков. Они запечатлели себя в своих книгах больше, чем рядовые обыватели в бумагах, сохранившихся в архивах жилищно-коммунальных служб. Поэтому сначала заново соберут их, и еще, возможно, некоторых из героев их книг. Ученым будущего будет гораздо проще работать с таким материалом. И тогда, если мировая цивилизация будет развиваться именно в этом направлении, я легко могу себе представить даже, что Земля в результате окажется населенной исключительно писателями и их персонажами, многие из которых, может быть, вообще никогда не

существовали в реальности. Просто это будет уже очень сложно проверить. А остальная часть человечества к тому времени постепенно вымрет от землетрясений, радиации, озоновых дыр, СПИДа, свиного гриппа и других эпидемий. Все ведь к этому идет. Очень хорошо себе такую картину представляю.

По улицам городов прогуливаются исключительно писатели и те, кого они когда-то описали. И может быть, в толпе среди этих личностей промелькнет и некий Бог. Трудно сказать, как он будет реально выглядеть. Возможно, он будет несколько отличаться от других существ, и у него будет тело слона, шея жирафа, а на голове – кепочка, как у Ленина. Никто ведь не знает, что там, на самом деле, было в мозгу у автора Библии, и как эту информацию отсканирует компьютер будущего. Некоторые персонажи, кстати, могут быть крайне озлоблены на тех, кто их в свое время изобразил такими уродами и дебилами, из-за чего они теперь постоянно должны в таком вот облики всюду отсвечивать, хотя раньше, в своей первой жизни, они считали себя умными и достойными людьми. У кого-то было много бабок, а кое-кто и сам считал себя известным писателем. За это им, наверняка, даже захочется отомстить очернившему их писателю и, может быть, даже убить. Они будут собираться в группы, создавать тайные общества, прокрадываться в дом писателя под видом поклонниц с кинжалом в сумочке... Но осуществить подобный замысел будет практически нереально, так как просто прикончить того или иного человека в те времена будет уже невозможно, а необходимо будет уничтожить уже саму формулу, по которой он был воссоздан из праха. Иначе после каждого удачного покушения его жертва будет снова и снова возрождаться. Но эти формулы будут храниться на множестве компьютеров, находящихся в труднодоступных для простых граждан местах, в специальных шахтах под многометровыми бетонными перекрытиями, выдерживающими взрывную волну сразу нескольких ядерных бомб. На то, чтобы туда пролезть, этим олигофренам, естественно, не хватит способностей. Обиднее всего будет тем, кто в своей первой жизни, действительно, был не так глуп, но теперь вынужден жить таким, каким запечатлелся в книге ненавистного ему автора.

Единственная их надежда отныне будет заключаться в том, чтобы, сжав зубы и пересилив свою тупость, попытаться заново всех вокруг себя описать, то есть стать писателями, привлечь к себе внимание, потихоньку сделать себя центром мира, незаметно перетянуть одеяло на себя, так сказать. Ну а потом уже дожидаться нового витка в развитии цивилизации, когда все опять рухнет, формулы новых людей погибнут от компьютерных вирусов и протечек в подземных хранилищах, и тогда другой мир, возникший на обломках старого, возможно, будет возрожден уже по их лекалам. В любом случае все опять будет сводиться исключительно к литературе.

божественная деконструкция

А я, действительно, кстати, не понимаю, почему Селина до сих пор не экранизировали. Пусть не в Голливуде, но хотя бы сами французы? Для «Путешествия» можно было бы провести натурные съемки в Африке, Нью-Йорке, там есть батальные сцены... Наверняка, получилось бы не хуже, чем «Доктор Живаго». Странно.

Удивляет также, что и без экранизаций Селин до сих пор достаточно популярен. Хотя именно кино приносит сегодня писателям по-настоящему широкую известность. Дело в том, что за книгой людям обычно приходится тащиться в магазин, а фильмы показывают по телевизору. Но самое главное, на прочтение литературного произведения у человека может уходить от нескольких дней до месяца и больше, а на просмотр экранизации в среднем тратится где-то порядка двух часов. Книгу сначала читает муж, затем – жена, потом – детишки, а перед телевизором способно расположиться все семейство сразу. Тут, по-моему, все предельно ясно.

Я вообще в последнее время все чаще думаю, что человечеству пора наконец учредить специальные институты, которые будут заниматься оценкой культурных деятелей: просчитывать при помощи особых коэффициентов их реальную значимость за вычетом участия в их судьбе телевидения, мужей, папаш, СМИ, «бабок», печатного станка, политиков, того же кино и прочих посторонних влияний. Результаты подобных исследований можно было бы периодически обнародовать, как публикуются сейчас данные журнала «Форбс» о самых богатых людях мира. А поскольку Бога не существует, и это уже давно всем более-менее понятно, то такую процедуру даже можно было бы условно назвать «божественная деконструкция». Исключительно для прикола. Без каких-либо реальных последствий для объектов исследования в виде попадания в рай или ад.

Лично я уже давно для себя мысленно такую операцию провожу, когда натыкаюсь на какого-нибудь известного персонажа. И, как правило, прихожу к выводу, что самого по себе, без вмешательства перечисленных выше факторов, его бы не существовало. При этом все обычно настолько очевидно, что даже небольшому коллективу ученых при минимальных финансовых вливаниях такие несложные наблюдения, наверняка, удалось бы в кратчайшие сроки полностью формализовать, сделав их предельно объективными.

И не ради торжества справедливости. Просто каждому человеку полезно знать, с кем или с чем он, на самом деле, имеет дело. Это ему может пригодиться в жизни. Разве нет?

Мне кажется, что коммунисты неплохо относились к Сократу. Он ведь был таким простачком, признался, что ничего не знает, а потом и вовсе героически пострадал за истину, отказался сдаваться и выпил яду, поступив, как пионер-герой. А вот Платона они недолюбливали, по-моему. И издавали его исключительно потому, что писал он в основном про Сократа. То есть Платону удалось пролезть тогда в культуру, как бы спрятавшись за чужой спиной. На редкость скользкий тип. Я, кстати, до сих пор так думаю.

еще одно преимущество

Художник должен рисовать, певец - петь, композитор - сочинять музыку, скульптор - ворочать тяжелые глыбы, а писателю достаточно жаловаться на судьбу, и это тоже будет литературой. Писателю вообще не нужно особо напрягаться, даже думать не обязательно. Мысли только отвлекают от процесса письма.

божественное, слишком божественное

Зло религии еще и в том, что она поддерживает у обывателей иллюзию, будто где-то в ином измерении есть некто, кому интересны все их мысли, чувства, переживания и поступки.

Сама религия сейчас уже практически мертва, но вот сознание, что каждый человек кому-то интересен, сохранилось. Особенно это стало бросаться в глаза с развитием интернета. Кому, например, предназначается информация, что кто-то вымыл окна, выпил кофе, купил себе булочку, что кто-то кого-то бросил, разлюбил, встретил... Господу Богу? Для нормального здорового человека подобные сведения, которыми теперь буквально забиты сетевые блоги и дневнички, вряд ли представляют какую-либо ценность.

Люди вообще не так добры и любознательны, как Бог. И гораздо более эгоистичны. Кроме того, у них много своих дел и проблем.

В очереди сегодня передо мной стояла баба, от которой пахло дорогими французскими духами. Маленького росточка, почти карлица, такая худенькая, аккуратна и чисто одетая, в джинсиках, мокасинах, курточке с маскировочными разводами, какие обычно носят бывшие военные, но у нее эти разводы были стилизованными, не для того, чтобы скрываться в кустах от пуль, а исключительно для красоты. Вдруг она оглянулась и сказала низким хриплым голосом: "Я отойду на минутку, ладно?" Обычно я стараюсь не смотреть на людей, чтобы не портить себе настроение, а ее спина просто маячила у меня перед носом. Но она так неожиданно повернулась, что, даже если бы я очень напряглась, то все равно не успела бы отвести взгляд. Лицо у нее оказалось опухшее, с мешками под маленькими мутными глазками, все покрытое красными и лиловыми пятнами, хотя редкие волоски на голове были пышно взбиты, залиты лаком и уложены симметричным ромбиком. Сразу видно, что она недавно прошла курс лечения от алкоголизма и больше не лежит под забором и не мочится под себя, а приделалась и пришла в магазин, где стоит в очереди за продуктами вместе с другими полноценными людьми. Готовится к празднику. Короче, я искренне за нее рада.

как обустроить Россию

Мой брат опять ушел в рейс, так и не свозив мамашу на кладбище к отцу. Теперь она звонит мне и говорит, что отец стал ей снится. Но на кладбище, естественно, должна тащиться я. В качестве ее представителя, видимо, поскольку мне-то, вроде бы, никто не снится. Я должна стать посланником моей матушки для общения с потусторонним миром, дабы покойники не являлись ей по ночам и не тревожили ее сон. В прошлом году мне как-то удалось отговориться от этой почетной миссии. А пару лет назад я туда поехала и простояла где-то часа два в пробке на жаре в переполненном душном автобусе. А так как у меня хватило ума выбрать для этой поездки специальный день под названием «Троица», то народу на кладбище оказалось, как на Первомайской демонстрации, если не больше. Толпы людей с трудом проталкивались через входные ворота и, перераспределившись в колонны, стройными рядами маршировали по уходящим лучам в потустороннюю даль аллеям. Не буду даже говорить, сколько времени у меня ушло на поиски нужного участка, так как сначала я почему-то решила, что он называется «Дубовый», но через некоторое время, внимательно оглядевшись по сторонам и не обнаружив вокруг никаких дубов, путем несложных логических умозаключений я пришла к выводу, что он должен называться «Березовый». И только потом, после продолжительного блуждания среди берез, я позвонила по мобильному и уяснила для себя, что мне нужен «Рябиновый», и не просто, а под номером «одиннадцать». Добравшись, наконец, до места, я, больше для приличия, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания толпящихся вокруг соседних могил семейств, провела пару раз по надгробной плите тряпкой, вырвала несколько травинок и, сделав вид, что направляюсь к ближайшей канавке за водой для более тщательной уборки, незаметно оттуда исчезла. Обратный автобус мне пришлось брать штурмом. Но это я еще вовремя решила оттуда свалить. Не представляю, что было бы, если бы я задержалась там хотя бы на час, когда назад хлынули все приехавшие вместе со мной толпы. Не исключено, что мне пришлось бы провести на кладбище еще и незабываемую ночь.

С тех пор я окончательно возненавидела кладбища. И предпочла бы больше никогда их не посещать. Нигде в мире, кстати, нет таких неудобных и неуютных для посещения кладбищ, как в России. Причем в том же Париже, например, совершенно не заметно такой

массовой маниакальной тяги туда ходить. Я регулярно бывала на кладбище в Медоне, где похоронен Селин, и ни разу не видела там ни души. Не только у его могилы, но и, вообще, вокруг. Я была там даже в день его смерти на сороковую годовщину, но никаких следов, что там до меня кто-то еще отметился, не обнаружила. Именно тогда я, вероятно, впервые усомнилась в своей привычке таскаться по кладбищам.

Я слышала, что Алексей Толстой чувствовал непреодолимый ужас перед мертвецами и игнорировал похороны даже своих близких знакомых и родственников. И сейчас я его очень хорошо понимаю. Боятся же некоторые личности летать на самолете, например. Почему бы тогда и мне не испытывать аналогичные чувства по отношению к кладбищам и похоронам? По-моему, такое вполне может быть и звучит абсолютно правдоподобно. И пускай я, на самом деле, чувствую отвращение, а не страх. Какая разница! Надо было мне уже давно публично объявить о наличии у меня такой фобии. Чтобы все раз и навсегда от меня отъебались. Жалко, что я раньше до этого не додумалась, и теперь мне придется как-то объяснять своей маме, почему я до сих пор не съездила на могилку к отцу. Но ей, в конце концов, можно просто сказать, что я там была. Пусть успокоится. Наверняка ведь, отец сразу же перестанет ей являться по ночам, если он, конечно, вообще ей когда-либо снился. Лично я в этом сильно сомневаюсь. Ибо кладбища, как я теперь поняла, существуют исключительно для того, чтобы такие, как моя мамаша, доставали таких, как я. А для чего еще?

Куда удобнее и практичнее было бы держать у себя дома в шкафчике маленькую урну с пеплом покойного. Ну, соскучился ты по нему, или он тебе приснился, всегда можно эту вазочку достать и аккуратно протереть тряпочкой, безо всякой предварительной тряски на автобусе и прочих мучений. Всем людям, думаю, гораздо приятней будет осознавать, что после смерти они будут храниться в привычной для них обстановке, в собственной уютной квартирке, а не гнить в холодной сырой земле. Родственники смогут время от времени ставить прах умершего человека на стол перед телевизором, чтобы тот мог с того света посмотреть футбольный матч любимой команды. О такой перспективе, на мой взгляд, всем гораздо приятнее думать. Пеплом покойного можно иногда удобрять комнатные растения, тогда он будет напоминать вам о себе еще и в виде необычных экзотических цветов и кактусов. Ну а пепел того, кто вам был особенно близок и дорог, при желании можно будет даже немного посыпать на хлеб и съесть в качестве бутерброда на завтрак, совершив таким образом своеобразный обряд причащения...

Нет, если я когда-нибудь получу Нобелевскую премию и меня, как Солженицына, попросят поделиться с телезрителями планами по обустройству России, то я обязательно начну свою речь с новых прогрессивных форм утилизации праха усопших.

задача писателя

При всех различиях, регулярное совершение людьми общих действий и телодвижений неизбежно накладывает на них печать сходства. Особенности артикуляции, например, формируют напряженную складку губ у французов и поляков. Военные, как правило, отличаются свирепым выражением лица, а у моряков еще и вырабатывается специальная раскачивающаяся походка. Врачи и преподаватели достаточно сильно отличаются от шахтеров. Вообще, работа с камнями и горными породами, по моим наблюдениям, действует на людей крайне отупляюще, даже если они их непосредственно не ворочают и не долбят, а просто занимаются их изучением. Неслучайно ведь бардовская песня первоначально зародилась именно в среде геологов. А точнее, сам этот песенный жанр показывает, насколько пагубным для человеческого интеллекта оказывается постоянное соприкосновение с камнями. Без этой подсказки об умственных способностях представителей данной профессии судить было бы сложнее. Новалис, который, как

известно, тоже изучал горное дело, в этом отношении представляет собой редкое исключение. Преступники имеют низкие лбы и в большинстве своем подпадают под уже описанный в свое время Ломброзо тип. У космонавтов на лице обязательно запечатлевается добродушная безмятежная улыбка, как у Гагарина: мол, мы там были, можно не волноваться, Бога нет, все дозволено. Оперным певцам необходимо быть как можно более жирными, так как их тело представляет собой что-то вроде корпуса рояля, с которым должны резонировать издаваемые ими звуки. Это понятно. Прибегающие к помощи микрофона эстрадные исполнители, к примеру, могут позволить себе сидеть на диете и, наоборот, часто стремятся стать похожими на фотомоделей. Философы практически на всех портретах имеют удручающе тупой вид. Этот феномен я для себя так пока и не смогла прояснить.

Однако самое гнусное выражения лица бывает у писателей. Причем не тупое или там хитрое, а просто на редкость противное. Чем это объяснить, я тоже пока не поняла. Всех писателей, в принципе, до самого последнего времени объединяло вожделение рукой по бумаге. Но вот уже, вроде бы, достаточно много лет они стучат пальцами по клавиатуре, а их внешний вид совсем не изменился, разве что в худшую сторону. Поэтому, даже если писателю глубоко плевать на читателей, но он, как любой нормальный полноценный человек, хоть немного заботится о своей внешности, то ему необходимо что-то с ней делать. Например, проанализировав опыт предыдущих поколений и с учетом нынешней ситуации, можно отказаться от клавиатуры и попробовать писать мышью на экране, не в ворде, а в формате джпг, и не как обычно, а в обратном порядке, справа налево, или даже освоить зеркальное письмо. Можно ежедневно отводить на такую процедуру какое-то время и выполнять ее в качестве своеобразной зарядки. А потом подходить к зеркалу и смотреть на результаты, завести специальный дневник наблюдений...

Не уверена, что это поможет, но в любом случае, первое, что сейчас жизненно важно сделать каждому писателю - это как-то стать не похожим на писателя. Удастся же, в конце концов, разведчикам и агентам под прикрытием проникать во вражескую среду и сливаться с чужим коллективом. Например, прошедший специальную подготовку, коварный и искушенный, как Новалис, немецкий диверсант, только что приземлившийся в соседней роще на парашюте, вполне способен прикинуться заблудившимся туристом и, приблизившись к ночному костру, взять гитару и исполнить заранее заготовленную для такого случая песню про тайгу и комаров. После чего сидящие вокруг геологи сразу же проникнутся к нему глубочайшей симпатией. Такой опыт писателям тоже не мешало бы перенять.

«Британские ученые заявили о своем очередном сенсационном открытии. Благодаря «масштабным» исследованиям Оксфордского университета, выяснилось, что самыми умными четвероногими животными являются собаки. А самыми глупыми – носороги, тигры и ... кошки».

Ну вот, теперь моя теория несовместимости красоты и ума получила еще и научное подтверждение. Правда, признание самыми умными именно собак выглядит как-то уж совсем неприлично. Невольно напрашивается аналогия с литературными премиями и теми, кого там поощряют. Все-таки ученым свойственно переносить свои обывательские представления о жизни не только на искусство, но и на природу.

Если уж говорить о фундаментальных общечеловеческих ценностях, то с ними, наконец, следует поступить так, как обычно разумные проектировщики садов и парков поступают с газонами: сначала смотрят, где люди протаптывают в траве дорожки, а потом уже их

асфальтируют. Совершенно очевидно, что за прошедшие тысячелетия сложилась вполне законченная антиномия, в рамках которой каждый сознательный человек и вынужден теперь делать свой выбор.

Либо ты за добро, правду и уродство, либо тебя больше прельщают зло, коварство и красота.

Наконец-то прогресс дошел и до меня. От разговоров о неизбежной гибели печатных изданий перешла к делу и отправила на дачу практически всю свою библиотеку вместе со шкафами. Оставила только антиквариат, французские книги и с подписями. Последних оказалось больше всего – целый стеллаж. Мои собственные, включая переводы и переиздания, поместились на трех полках, правда, часть пришлось ставить в два ряда.

Вместе с книгами избавилась и от всех DVD. Таким образом, моя дача постепенно превращается в подобие археологического музея. Там ведь у меня еще хранится довольно большая коллекция пластинок вместе с доисторическим проигрывателем. В мире техники, увы, происходит не менее жестокая борьба за выживание, чем в природе. Целые ветви эволюции вдруг оказываются тупиковыми и вымирают прямо у тебя на глазах. Многие даже не успев толком развиться. Такая преждевременная кончина в свое время постигла поляроиды, если кто-то их еще помнит. Они сегодня стали почти столь же экзотическим феноменом прошлого, как динозавры. А есть еще и технические мамонты, саблезубые тигры и птеродактили. Сейчас не только книги, но и телевизоры, стационарные телефоны и даже классические фотоаппараты фактически обречены. Невозможно без грусти смотреть на их агонию. Особенно, конечно, это касается литературы. Поскольку пользователи поляроидов все же не так сильно переживали за их судьбу, как писатели пекутся теперь о пыльных фолиантах, бережно хранящихся в громоздких книжных шкафах. Хотя, по сути, исчезновение литературы - это тоже чисто техническая проблема. И у владельцев мгновенных бумажных снимков было не меньше оснований гордиться своим превосходством над теми, у кого их почему-то в тот момент не оказалось, чем у авторов напечатанных на бумаге литературных произведений. Глубоко заблуждаются те, кто продолжают считать литературу чуть ли не олицетворением мировой духовности. Она исчезнет вместе с печатным станком и именно как вид. Скоро о ней вообще никто не вспомнит, кроме узкого круга специалистов и музейщиков. Не думаю, что из этого нужно делать трагедию. Писатели уже сейчас по многим признакам напоминают мне австралопитеков.

Когда я, например, недавно смотрела фильм про Достоевского, то несколько раз ловила себя на мысли – а сколько, интересно, займел бы этот классик читателей, заведи он себе сегодня какой-нибудь уютный бложок. И с учетом той ахинеи, которую он постоянно изрекал с экрана, неизменно приходила к самому неутешительному для него выводу. А Толстой? Мне почему-то кажется, что ни тот, ни другой не набрали бы и тысячи. Правда, Толстой был еще и чрезвычайно наглым типом. И это качество, в отличие от его высоконравственных рассуждений, относится к разряду вечных и не теряющих актуальности во все времена. Поэтому на его счет у меня есть некоторые сомнения. Но от подобного сопоставления все равно теперь уже никуда не деться. Не только нынешняя, но и классическая литература в ее лучших образцах, перейдя на электронные носители, постепенно растворится в безграничном цифровом хаосе.

Хотя загородная жизнь, это да, просто идеально подходит для старого кино, книг и пластинок. Только в такой обстановке и можно почувствовать себя далеким от цивилизации обитателем деревни.

Поняла, кого мне больше всего напоминают растения на даче. Актрис сериалов. С каждым новым сезоном все более явственно заметны следы увядания.

Посмотрела вчера фильм про Гэйси, 2003 года. Он оказался милым толстячком, который любил наряжаться клоуном. Покойников зарывал прямо в подвале своего дома, а нескольких, кажется, утопил. Всего их было где-то двадцать пять: тех, что потом откопали, во всяком случае. Последнее, что он сказал перед казнью: «Поцелуйте меня в зад!». Голос диктора за кадром, произносивший эту фразу, прямо весь задрожал от удовольствия. Вообще, фильм, как мне показалось, снят с большой любовью и симпатией к главному персонажу. Кроме того, обнаружила у себя диски с фильмами про Старкуэзера, Берковица, Эда Гейна и Генри Ли Лукаса, про которые дома я почему-то совсем забыла.

Нет, что бы там ни говорили, но в Америке ценят и, я бы даже сказала, лелеют своих маньяков. Все их биографии подробнейшим образом изучены и изданы отдельными томами, кроме того, существует множество справочников и энциклопедий. Их фанаты объединяются в специальные сообщества в сети. И про всех сняты фильмы. Про Джеффри Дамера, например, я знаю не меньше трех. О таких как Тэд Банди и говорить нечего, как-никак, на его счету полторы сотни трупов. А у нас до сих пор так и не смогли создать ни одного приличного триллера. Просто колоссальное отставание. При этом Россия собирается в ближайшее время вступить в ВТО.

Страны в этом смысле очень похожи на людей. Некоторые личности, стоит им немного потереться возле тебя, сразу решают, что они такие же, как и ты. Хотя реальная пропасть в развитии от случайного соседства в пространстве вроде бы никуда не делась. Но ее они почему-то перестают замечать. Вот это меня в последнее время больше всего и раздражает в окружающих.

У Дамера, кстати, была мечта – создать нового человека, что-то типа Франкенштейна или зомби. Для этого он даже тщательно изучил анатомический атлас и, установив в голове точку, отвечающую за принятие решений, просверливал в черепе своих жертв дырочку и закачивал туда кислоту, чтобы выжечь мозг и заполнить освободившееся пространство новым разумом.

Обратила внимание, что животные за последние годы сильно обнаглели. Не только люди. Помню, прошлым летом в Сестрорецке мне попала на редкость бойкая белка, которая лезла своим рылом ко мне в пакет с хлебом. Ворона в Михайловском саду чуть ли не пыталась согнать меня со скамейки. Воробьи, голуби, галки, кроты, ежи, буквально все. О собаках и говорить нечего.

Видела вчера жирного дауна, который упорно сопротивлялся уговорам своей мамочки зайти в магазин: «Нет, нет, не пойду, там ведь ступеньки, сначала спускаться, потом подниматься, не пойду...» И правильно! Я тоже ненавижу магазины в подвалах, но обычно все равно туда захожу. Видимо, мне просто не хватает своеволия, которое есть у даунов.

Осы в августе предельно агрессивны. И правильно! Приближается их конец: если им удастся кого-нибудь ужалить, значит, они прожили свою жизнь не напрасно. А большинство людей так и не осознали своего предназначения.

Когда слышишь, как звучат языки некоторых народов, то невольно ловишь себя на мысли, что в этом мире не только лучшие территории, но и более-менее благозвучные фонемы достаются сильнейшим. А остальным приходится пользоваться тем, что осталось. Надо же где-то жить и изъясняться на своем наречии, чтобы отличаться от других и не быть понятным враждебному окружению. Когда сидишь в засаде в лесу или в канаве, то важно, чтобы тебя ни с кем случайно не перепутали. Вот и приходится булькать и хрипеть, будто ты подавился бутербродом. Поскольку все, что хоть немного ласкает слух, уже разобрано. Я имею в виду времена, когда у тех или иных групп людей возникла необходимость отделиться от других.

Французы, например, оттяпали себе самые лучшие земли в Европе, и язык у них тоже вполне благозвучный. У немцев местность похуже, и во время разговора им приходится слегка подгавкивать. Итальянцы неплохо так обосновались на южном побережье, круглый год загорают на пляжах, да еще и называют себя вызывающе громкими именами типа Микеланджело Буонаротти. А какого бы высокого мнения ни были о себе поляки, но выход к морю им достался только после войны и исключительно благодаря СССР. И тоже вынуждены пришепечивать. Климат в России во многих районах не ахти, но размеры ее территории, во всяком случае, впечатляют. И речь у русских, в принципе, достаточно плавная. Особенно по сравнению с тем, как приходится общаться между собой обитателям бесплодных степей и засушливых пустынь по соседству. Заглянула сейчас для интереса в Яндекс: «Ыгдыр, Ызаколь, Ыйджонбу, Ынталы, Ынторсура, Бузэулуй». Это же просто ужас какой-то!

о чистоте жанра

Не знаю, правда ли, но недавно услышала, что в Швеции к могиле автора мирового бестселлера про девушку с татуировкой чего-то там чуть ли не толпы его поклонников совершают паломничество. Сам писатель, как я поняла, умер от сердечного приступа, так и не дождавшись издания своей книги. И если это действительно так, то получается, что человек поставил себе вполне циничную цель, состряпал детективный триллер, но по случайному стечению обстоятельств не дожидаясь его издания, то есть не сумел срубить бабла, хотя и собирался. И теперь такая вот «трагическая участь» творца вдохновляет многочисленных почитателей на поездку к его могиле. Забавно.

Я прекрасно отношусь к детективам и с удовольствием их читаю, особенно когда долго не могу заснуть. Однако у меня еще ни разу не возникло желания ознакомиться с перипетиями жизни тех, кто их сочинил. Часто я даже не помню их имен. И это вполне объяснимо. У такого рода книг просто не должно быть авторов. За полное самоотречение, собственно, им и платят, причем, как правило, совсем неплохо. Этого требует чистота жанра, в конце концов. Официант в ресторане или же гардеробщик в театре не должны отвлекать на себя внимание публики. Их задача – обслуживать других, а не красоваться на сцене или же за столом. На внимание читателей вправе рассчитывать только гении. Но гении никого не развлекают и не обслуживают. По этой простой причине не существует детективов, созданных гениями.

Если же, как в данном случае, автор детектива все-таки начинает привлекать внимание публики к своей неудавшейся судьбе, то созданное им произведение сразу же перестает быть невинным чтением на ночь, а превращается в крайне вредную книгу, посягающую на самые глубокие основы мироздания.

Такие произведения вместе с телами их усопших создателей следовало бы незамедлительно сжигать, а прах развеивать по ветру.

Шла сейчас по Невскому за влюбленной парой. У парня ноги были настолько искривлены, что образовывали гласную «о», а у его подруги, наоборот, вогнуты внутрь буквой «х». Через некоторое время передо мной стало отчетливо маячить слово «ох». Не хватало только инвалида, который в качестве восклицательного знака скакал бы рядом на одной ноге, отбросив костыли.

удивительное рядом

У писателей есть еще и читатели.

Оказывается, недавно на ОРТ поп-звезды пели арии классического репертуара. Как жаль, что я все пропустила! Меня уже давно удивляет, почему до сих пор никто не додумался поставить оперу, где все партии исполнялись бы с микрофонами. Иоланту, к примеру, могла бы спеть Валерия или еще кто-нибудь из отечественных или зарубежных знаменитостей. Наличие голоса ведь еще не делает человека интеллектуалом. Большинство оперных певцов вообще только и делают, что квасят. С какой стати у них тогда монополия на классику?

9-11

Единственное, чего я так и не поняла: закончился одиннадцатого сентября две тысячи первого года постмодернизм или нет. Все специалисты по этому вопросу, особенно во Франции, уверяли меня, что именно эту дату можно считать своеобразным рубежом, с которого начался отсчет новой эры. Но вот если посмотреть на российскую политику за прошедшие десять лет, то сразу бросается в глаза обилие цитат из прошлого, которыми находящиеся у власти личности все это время активно пользуются. То есть, им достаточно вытащить из пыли портрет Сталина, например. И все. Этого вполне хватает, чтобы подданные присмирели и почувствовали серьезность происходящего вокруг. Самим, в сущности, можно даже и не напрягаться. А все началось со старого гимна, насколько я помню, и тоже в новой, слегка ироничной и облегченной аранжировке. Разве это не постмодернизм?

Писатели в этом отношении находятся в крайне невыгодном положении по сравнению с политиками. Если кто-то вдруг и решит сейчас блеснуть эрудицией, испугать окружающих каким-нибудь именем или же многозначительной литературной цитатой, то

это, как правило, абсолютно никого не впечатляет. Проблема в том, что самых страшных книг и авторов обыватели просто напросто не знают и не читали. Обидно.

Десять лет назад, кстати, как раз накануне 11.09, мне приснился Исаакиевский собор, купол которого как-то странно перекошился набок. Так что если что, можно ко мне обращаться по поводу будущего. Всегда буду рада поделиться и предостеречь. Хотя с тех пор подобных символических снов мне больше не снилось. Но ничего особенного в этом мире больше и не произошло.

Говорят, что в будущем людей начнут телепортировать по проводам или даже прямо по воздуху посредством радиоволн. То есть самолеты, поезда, теплоходы и прочие транспортные средства исчезнут, ну разве что останутся велосипеды и малолитражные машины для поездок на дачу и в магазин. В принципе, я себе такое вполне представляю. Научились же передавать голос и изображения при помощи телебашен и приемников. А для человека просто потребуется более мощное устройство. Сначала надо будет сдать информацию о себе в виде анализов, отпечатков пальцев и ДНК, а потом ее в цифровом виде будут хранить на разных дисках частями. Все вместе держать нельзя, так как полная информация о человеке уже и будет им самим. А это значит, что как только количество такой информации достигнет предельной черты, то может произойти примерно то же, что бывает с атомной бомбой, когда превышает критическая масса радиоактивных веществ. Нет, взрыва, конечно, не будет, но если какой-нибудь субъект вдруг возникнет прямо на жестком диске внутри компьютера, то он мало того что ударится башкой о верхнюю крышку его корпуса, но еще и разнесет своим телом всю технику прежде, чем его успеют доставить в нужное место. Поэтому, если кому-то вдруг срочно понадобится попасть, к примеру, в Австралию, то его необходимо будет передавать строго частями через специальные файлообменники с соблюдением определенных предосторожностей. И только в конечном пункте вся информация сольется воедино, и из сканера выскочит заново собранный индивид. Одежду, думаю, пересылать с ним не будут, чтобы не засорять диски лишней информацией. Проще уже на месте выдать новую. Так что сканер, генерирующий телепортированных людей, может быть устроен по образцу тобогана в бассейне, по которому вновь прибывшие будут съезжать нагишом и плюхаться в воду. Мне почему-то он представляется именно так.

Единственная проблема, которая может возникнуть при таком в высшей степени надежном и удобном способе транспортировки, мне кажется, заключается в том, что делать с оставшимися в пункте отправления людьми. Поскольку после завершения процедуры телепортации они автоматически становятся двойниками заново собранных личностей. Скорее всего, их придется как-то безболезненно усыплять. Иначе вся эта совершенная технология лишается смысла. Не может же, к примеру, человек, который таким образом доставил себя на курорт, продолжать в то же самое время мерзнуть и дышать выхлопными газами, оставаясь у себя дома в Магадане. Ему и самому будет обидно. Причинно-следственные связи нормальной человеческой жизни не должны нарушаться. Если уж ты отправился на юг, к морю, то там и находишься. Да и Земля уже и так перенаселена, а тут еще люди начнут двоиться. Представьте себе одновременное сосуществование в этом мире сразу нескольких абсолютно идентичных субъектов, претендующих на одну и ту же жену, детей, недвижимость, наконец. К чему это приведет?

Поэтому параллельно с развитием информационных технологий ученым уже сейчас следовало бы озаботиться разработкой максимально безболезненных и комфортных способов усыпления людей. Многим, наверное, не очень понравится перспектива оказаться на месте домашних животных и подвергнуться усыплению. Но некоторые и

сейчас испытывают определенные опасения при необходимости лететь самолетом. Важно, чтобы никто не сомневался в том, что заново появившийся на другом конце провода субъект окажется полностью тождественен тому, кто находился в самом начале транспортировки. Все должны быть уверены, что они провожают и встречают одного и того же человека. Точно так же, как это было при традиционных путешествиях на поездах и самолетах. В принципе, добиться этого будет не так уж сложно. Первые энтузиасты, отважившиеся на экспериментальную телепортацию, возможно, поначалу и будут казаться окружающим кем-то вроде космонавтов. Но потом, когда они периодически станут выступать по телевизору, встречаться в различных шоу с близкими и знакомыми, и те, в свою очередь, подтвердят, что видят перед собой именно брата, мужа и друга, которые прекрасно помнят все детали их предыдущей жизни, так как их мозг вместе с памятью тоже целиком был воссоздан заново, тогда все сомнения постепенно рассеются. Если же в программу передачи данных добавить еще и небольшую опцию коррекции поведения личности, избавляющую переправляемого в виде файлов индивидуума от вредных привычек, типа пристрастия к алкоголю и наркотикам, тогда родственники и вовсе будут счастливы, что получили дорогого им человека в улучшенном виде, а прежний пьяница и дебошир остался в прошлом вместе со своими проблемами. Это обстоятельство также, наверняка, будет способствовать популяризации данного способа передвижения в массах.

В некоторых случаях, возможно, работодателям было бы удобней отправлять сотрудника в командировку, тот встречается с бизнес-партнерами, заключает контракт, а потом его за ненадобностью утилизируют, чтобы не оплачивать его возвращение назад. К тому же, оставшийся двойник продолжает работу на месте за ту же зарплату. Но, по моему, это было бы чересчур аморально. Человечество на такое никогда не пойдет.

Все-таки Библия на редкость тупая книга. Надо бы ее немного подредактировать, что ли. А то как-то даже неловко чувствовать себя умнее Бога. Но приходится с этим жить.

Когда возвращалась вчера из магазина, мне дорогу перебежала черная кошка. Вечером на три часа во всем доме вырубил свет. Черт! Неужели где-то там наверху, действительно, есть некто, кто отслеживает подобную ерунду, вроде проблем с электричеством, и посылает людям предостерегающие знаки? Похоже, я до сих пор так и не сумела постичь меру вещей, в соответствии с которой устроен этот мир.

Скачала фильм про Карлоса. Как хорошо делать революцию! На нее кто-то постоянно дает деньги, и в большом количестве. Может, мне тоже стать революционеркой?

Уже все лето мраморную лестницу в моем подъезде ремонтируют. Повсюду стоят леса, под ногами валяются куски штукатурки и мела. Практически невозможно пройти, чтобы не покрыться белой пылью. А ведь еще даже не начали красить, представляю, что будет тогда. Но надо сказать, что делают все основательно, сначала сняли старый слой краски,

потом тщательно все заштукатурили, даже в ступеньках выпилили наиболее поврежденные участки и запилили туда новые куски мрамора, сейчас вот восстанавливают лепнину. На профессиональном языке составные части лестницы называются забавными словами типа «балясины», «косоуры» и т.п., все же когда-то мне доводилось водить экскурсии. Но больше всего меня поразило, как рабочие снимали краску: при помощи специальной машинки в одной руке ее разогревали и буквально сантиметр за сантиметром стамеской тут же тщательно соскабливали. Месяца три, наверное, только этим и занимались. По-моему, это все равно, что зубной щеткой мыть Дворцовую площадь. Первое время меня сильно удивлял столь тщательный подход, пока я наконец не поняла, что лестницу, видимо, не просто ремонтируют, а реставрируют. На эту мысль меня навел еще и непривычно интеллигентный вид рабочих, по возрасту и манерам больше похожих на студентов художественных вузов. Сейчас, правда, их уже сменили традиционные гастарбайтеры. Вероятно, студенты подрабатывали на каникулах или даже проходили тут практику. Но хоть это и реставрация, а все равно скульптуры в пустых нишах над лестницей вряд ли появятся, все-таки их там нет уже со времен революции. Я, во всяком случае, на это не надеюсь. Когда-то в одной из этих ниш фотографировалась Медведева для интервью. Залезть туда ей стоило большого труда, журналисту пришлось тащить стул, однако фотография в газете, издававшейся репринтом, получилась такого плохого качества, что разобрать какие-нибудь детали было практически невозможно. Так что напрасно она старалась.

Но вот чего я совсем не представляю, так это того, что будет после, когда работа закончится. Стены, перила и ступеньки засверкают ослепительной новизной – в это я охотно верю. Но что-то я еще ни разу не встречала в Петербурге лестницы, стены которой не были бы полностью исписаны всевозможными признаниями в любви, неприличными словами и названиями рок-групп. И я уже даже заранее чувствую, как всем будет обидно увидеть на свежеразкрашенной стене что-то вроде «ЦОЙ ЖИВ!», да хотя бы и «БИЛАН МУДАК», какая разница. Поэтому, чтобы избежать подобного разочарования, я уже решила для себя, что сразу после окончания ремонта, сама ночью или поздно вечером незаметно проберусь на лестницу и напишу там на самом видном месте «ХУЙ ВАМ!». На меня все равно вряд ли кто подумает, зато всякий раз, проходя потом мимо исписанных стен, я, по крайней мере, буду испытывать хоть какое-то удовлетворение, что не отношусь к числу униженных и оскорбленных жильцов подъезда, а была первой в ряду вандалов. Более того, за мое преступление не последовало бы абсолютно никакого наказания. Главное теперь – не упустить момент.

Иногда мне хочется быть совсем простой или даже умственно отсталой. Тогда этот мир казался бы мне загадочным, и я не понимала бы поэзии нобелевских лауреатов.

Я думаю, что человеку свойственно испытывать не только физический, но и информационный голод. В частности, я заметила, что если ты не знаешь или почему-то не помнишь, как выглядит тот или иной исторический персонаж, то, стоит прозвучать его имени, сразу же возникает инстинктивное желание найти еще и картинку с его портретом. И так происходит до тех пор, пока в голове не сформируется окончательный образ заинтересовавшей тебя личности. И все, после уже никакая дополнительная информация изменить сложившиеся представления о данном индивиде не сможет. Твой мозг

насытился, и новые сведения ему больше не нужны. Например, у меня есть четкое представление о том, как выглядели Селин или Цветаева, и теперь любые открытые в архивах фото, в самых неожиданных, удачных или, наоборот, невыгодных для них ракурсах, ничего нового в их облик для меня уже не внесут. И даже если бы я сама очень этого хотела, то все равно мой мозг меня не послушается. Люди напрасно думают, что это они управляют своей головой – на самом деле, она им совершенно не подчиняется.

С литературой, в сущности, происходит то же самое. Первое время те или иные авторы волнуют твое воображение, а затем ты вдруг узнаешь про них абсолютно все. После этого они продолжают что-то сочинять и издавать, но, в принципе, могли бы этого и не делать. Изменить ничего уже не удастся.

Забавно, что большинство писателей тупо стремятся к известности, и их почему-то совершенно не пугает перспектива примелькаться и стать предметом интервьюера, на который уже никто не обращает внимания. Вероятно, они глядят на этот мир с другой стороны, как бы с экрана телевизора, и поэтому видят перед собой кучу незнакомых лиц, из-за чего им начинает казаться, что и они сами такие же, как и те, что за ними наблюдают: таинственные и необычные.

Жительница австрийской деревни Наташа Кампуш провела в специально оборудованном под гаражом бункере больше восьми лет. В момент похищения ей было десять. После того, как она наконец сбежала, ее похититель со звучным именем Вольфганг Приклопил бросился под поезд. А вдохновил его на похищение пример знаменитого бельгийского маньяка-педофила Марка Дютру, о котором он узнал из телевизионных новостей. Правда, Дютру девочек мочил, а его главной целью, как я поняла, было воспитание из похищенной идеальной жены. После того, как мемуары Наташи были опубликованы, она получила множество писем от немецких мужчин с предложениями выйти за них замуж. Все они, видимо, решили, что она прошла прекрасную многолетнюю подготовку и теперь полностью созрела для создания крепкой семьи. Идеальная жена, короче. Вполне в немецком духе, по-моему.

еще и

Судя по фильму «Девушка с татуировкой дракона», в Швеции после смерти Бергмана позакрывали все театральные вузы и училища, не осталось даже кружков. Каким бы ужасным не было отечественное кино, но я не представляю, чтобы актеры даже в самых дурацких фильмах у нас присутствовали в кадре с такими вот неподвижными каменными лицами. Элементарные профессиональные навыки на инстинктивном уровне не позволили бы им так сниматься в кино. А тут? Разве что главная героиня еще более-менее ничего, прическа, по крайней мере, забавная.

Тем не менее, фильм я досмотрела. И, наверное, из этого материала можно было бы сделать вполне приличный триллер. Хотя... Помню, я как-то участвовала в круглом столе с деятелями культуры СПб, организованном радио Франс Культур. И, отвечая на заданный мне вопрос, вскользь и, видимо, с некоторым пренебрежением, упомянула фильм «9-ая рота», который я в тот момент, на самом деле, еще не смотрела, просто, не вдаваясь в детали, привела его в качестве примера современного соцзаказа. И тут, совершенно неожиданно для меня, сидевший напротив меня кинокритик разразился тирадой, какой это

великий и важный антивоенный фильм. И тогда у меня в ответ на его слова невольно вырвалось: «А-а-а, он еще и антивоенный». Больше мне нечего было ему возразить, поскольку сам фильм, как я уже сказала, я еще не видела. Вот и произведение Ларссона, судя по всему, помимо прочего, «еще и антифашистское».

Наверное, в жизни есть что-то и от шахмат, но больше она все же похожа на игру в карты. Сначала, когда ты еще почти ничего не понимаешь, происходит раздача, а потом уже приходится тянуть по одной из колоды. И каждый берет взятки в соответствии с тем, что у него оказалось на руках. Эта случайность, в сущности, и есть высшая справедливость.

Ключевой в фильме «Елена», безусловно, является сцена с медсестрой, в течение нескольких минут заправляющей пустую постель. Но не снимать же, в самом деле, кино ради того, что можно запросто изложить в нескольких словах аннотации. Если бы не эта сцена, я бы сейчас жалела о попусту потраченном времени. Главная героиня, как я поняла, тоже была медсестрой. Теперь же меня определенно заинтересовал режиссер Звягинцев, и я с нетерпением жду, чей образ ляжет в основу его следующего творения. Учительницы, горничной, стюардессы, секретарши или японской школьницы? А может, кто-то из них уже был в его предыдущих фильмах? Я, к сожалению, их не смотрела.

Осень, в принципе, не самое худшее время года, получше, чем весна. Даже ноябрь не такой грязный, как симметричный март. Листья на деревьях тоже были бы ничего. Жаль, что Пушкин так все опошил.

Проходя вчера вечером по Обводному, в одном из окон на уровне асфальта я увидела мужика в кальсонах, сидевшего за столом с грудой грязной посуды. За спиной у него прямо на полу было разостлано несколько матрасов, покрытых ватными одеялами без пододеяльников, под одним из которых, как мне показалось, кто-то лежал. После этого я старалась больше не смотреть в зажженные окна, и направила свой взор на другую сторону канала, где из двух огромных, тонущих в полумраке кирпичных труб струился дымок, который, поднимаясь вверх, постепенно растворялся среди ажурных облаков, изящно обрамлявших голубую полоску, обозначенную на небе последними лучами заходящего солнца. Такие трубы неизменно наводят меня на мысли о крематории, из-за чего дым сразу же превращается в зримый образ человеческих душ, ускользнувших из адского пламени в голубую прохладу вечности. В это мгновение душа подвергшегося кремации покойника, наверное, испытывает столь же приятные ощущения, как человек, выскочивший из парилки и нырнувший в прорубь.

Если бы я снимала кино, то использовала бы, вероятно, именно такой ландшафт. Как на Обводном. Красные кирпичные стены заброшенных или отданных под офисы фабрик, странные цилиндрические сооружения то ли складских помещений, то ли водокачек, дома с металлическими наружными винтовыми лестницами, поднимаясь по которым их

обитателям, видимо, приходится попадать к себе в квартиру через балконную дверь, и бесконечный монотонный гул машин вместо музыки. Для триллеров, правда, еще лучше подошли бы некоторые районы возле Волковского кладбища. Там можно найти отличные, стоящие на отшибе, некогда выкрашенные в желтый и потемневшие от гари трех-четырехэтажные здания с видом на могилы. А на окрестных улицах в радиусе нескольких кварталов даже днем обычно нет ни души.

И все же, таких жутких мест, как в Париже, я не видела даже в Петербурге. Помню, у меня была назначена встреча с молодым писателем, который приехал из провинции, поэтому выбрал себе жилье подешевле: у метро Урк. Дверь в подъезд оказалась сломана и едва держалась на петлях. Поднявшись по скрипучим ступенькам деревянной винтовой лестницы, я уткнулась носом в заколоченную досками квартиру. Это навело меня на мысль, что я перепутала нумерацию этажей – так как «третьим» во Франции называют тот, который в России является четвертым – и поэтому мне надо подниматься дальше. Наверху мне открыл тощий юноша с серьгой в ухе, который дергался всем телом, приплясывал и скакал на двух ногах, так ему было весело. Зрачки у него были подозрительно расширены, и о том, кто мне нужен, он ничего не знал. В это время из квартиры напротив высунулся китаец, который всем своим видом выражал готовность мне помочь. Я опять пошла вниз, объясняя ему по ходу, кого я ищу. Китаец кивал головой и следовал за мной. Снова оказавшись на нижней площадке, я еще раз изложила ему ситуацию, а он все продолжал кивать и приближаться ко мне, и тут до меня вдруг дошло, что он не понимает ни слова из того, что я говорю. В это мгновение я отчетливо увидела перед собой лицо сумасшедшего с застывшим взглядом, который, методично покачивая башкой, медленно, но верно надвигается на меня сверху. К счастью, я даже не успела толком испугаться, потому что дверь напротив заколоченной квартиры отворилась, и на пороге появился улыбающийся юный писатель. Видимо, я автоматически позвонила и ему. На обратном пути я решила прогуляться до другой станции метро, чтобы сесть на нужную мне линию, не делая пересадку. Было уже довольно темно, и в момент, когда я вышла на набережную протекавшего там канала, откуда-то из-под моста вдруг вылез жуткий тип с полностью забинтованными головой и лицом. Некоторое время он шел за мной, правда, перемещался при этом абсолютно равномерно, совершенно не ускоряя шаг, совсем как зомби или луноход, поэтому я без особого труда от него оторвалась. К тому же, как раз в это время к противоположному берегу причалил катер с рабочими, возвращавшимися после вечерней смены, и только что бывший абсолютно безлюдным мост заполнился толпой, в которой я затерялась.

По вечерам, где-то около одиннадцати, под мостом к фешенебельному острову Сен-Луи, фактически рядом с домом, где живет бывший министр иностранных дел Ролан Дюма, замотанные в тряпье детишки выгуливают собаку. С противоположной набережной кажется, что это силуэты карликов. А собака, наоборот, выглядит огромной, так как достигает им до пояса. Они появляются, как будто ниоткуда, и так же бесследно исчезают. Но если спуститься туда днем, то можно обнаружить запертую на ржавый замок дверь, неплотно прилегающую к каменной кладке стены. В образовавшуюся между стеной и дверью щель отчетливо видны столик, кресло и прикрытая рваным покрывалом кровать. Похожие убежища имеются почти под каждым мостом через Сену.

Взрослые могут располагаться и прямо на набережной, а несовершеннолетним приходится скрываться от органов опеки. Наиболее ушлые из туристов, кстати, умудряются сэкономить бабки, питаюсь вместе с бомжами. Главное – информация, потому что передвижные пункты питания для бездомных постоянно меняют свою дислокацию. Таких, что сэкономили бы еще и на жилье, ночуя под открытым небом, я среди них, правда, не встречала. Зато дети выходцев из Румынии спят прямо в телефонных будках.

Однажды на площади неподалеку от парка Монсо, у входа в отделение Банк Насьональ де Пари, группа захвата в штатском скрутила троих грабителей с пистолетами прямо у меня на глазах. Разобраться, кто есть кто, было практически невозможно до тех пор, пока на рукавах у полицейских не появились повязки, которые они ловко повытаскивали из внутренних карманов своих пиджаков, продолжая другой рукой прижимать преступников к земле. В другой раз карманник выхватил сумку у стоявшей передо мной пожилой японской пары и выскочил из уже тронувшегося с места вагона эроер. Проститутки в китайском квартале даже днем открыто стоят возле супермаркетов и подъездов домов. Пару раз я проходила мимо, внимательно их разглядывая, на третий – они стали со мной здороваться. Больше я старалась там не появляться. Два года назад, соблазнившись скидками в магазине Фнак, я купила себе Samsung Galaxy и несколько раз порывалась заснять на видео витрины салонов красоты вдоль бульвара Мажента, рядом с которыми черные сутенеры в узких клетчатых брюках и остроносых ботинках часами ожидают своих заплетающих бесчисленные косички девочек, но так и не решилась к ним приблизиться.

Бездомные тут повсюду лежат прямо на тротуарах, а площадь Республики зимой напоминает пересылочный пункт из фильмов про войну. Стоит тебе только расположиться в каком-нибудь сквере, как на соседней скамейке начинает голосить очередной ненормальный. В метро голоса таких блуждающих везде безумцев становятся еще громче, так как акустика там лучше. В подъездах, где нет консьержек, в нос ударяет разительный запах мочи. В парке Ля Вилетт, в районе бывших городских боен, бродят опасные маньяки. В канале Сен-Мартен, по утрам всплывают утопленники, про печальную судьбу которых можно потом услышать в новостях. Девушки помоложе, впрочем, предпочитают бросаться с верхнего этажа Центра Помпиду. Ближе к ночи стаи арабских подростков снуют по вагонам метро, пугая припозднившихся одиноких пассажиров перочинными ножами. На Блошином рынке «наперсточники» зазывают своих клиентов. А у входа в метро Порт де Монтрей кучкуются подозрительные личности в квадратных пиджаках и темных очках. И буквально на каждом шагу тебя преследуют попрошайки...

Всякий раз, когда я сюда приезжаю, я как будто возвращаюсь в девяностые.

В течение многих веков люди таскались по балам, мочили друг друга, устраивали оргии, созерцали свой пупок, тешили себя мечтами о загробном мире, исследовали абсолютный дух и критиковали чистый разум. И что? Почти полжизни у меня не было пульта ДУ, и я была вынуждена вставать перед сном, чтобы выключить телевизор. А ведь начнись прогресс лет на двадцать раньше, мне бы этого делать не пришлось.

Чтобы достичь известности, писателю следует смирить свою гордыню и давать окружающим как можно больше поводов говорить про себя гадости. Металл используют для того, чтобы передавать электричество, а человеческая среда способна пропускать через себя исключительно негативную информацию. Нежелательных последствий опасаться не стоит. Мозг наиболее совершенных существ, подобно трансформатору, будет сам преобразовывать отрицательные оценки и суждения в положительные. Добиваться же, чтобы тебя изначально все хвалили – это все равно, что подключать провода к дереву.

мыслить как писатель

Джонни Депп, кажется, был приятелем Хантера Томпсона. Только этим можно объяснить его присутствие в «Ромовом дневнике». Видимо, согласился сняться подешевле, по дружбе, так сказать. Но лучше бы он этого не делал. Это же, по-моему, экранизация произведения, написанного совсем еще молодым человеком, практически юношей. А пятидесятилетний Депп, мечущийся по свету в поисках собственного литературного стиля с томиком Кольриджа в кармане, производит, мягко говоря, удручающее впечатление. Меньшиков у Михалкова в роли юнкера и то выглядел более органично. Однако режиссер, судя по всему, считает, что и вполне зрелый на вид автор способен выстукивать на машинке фразы типа: *«Краб посмотрел на него и подумал: Люди – единственные живые существа, которые нуждаются в Боге, но ведут себя так, будто Бога нет»*. Еще бы, именно с таким размахом и должен мыслить настоящий писатель. Поэтому по количеству изреченных банальностей и штампов герой этого фильма вполне мог бы составить конкуренцию Достоевскому из недавнего отечественного сериала. От Достоевского он отличается разве что еще и рассуждениями о профессионализме, да намерением сделать по-настоящему хорошую и нужную людям газету, куда он устроился работать. Однако плохие личности, которые не хотят платить налоги и при помощи СМИ манипулируют толпой, вовлекают его в свои нехорошие дела, воспользовавшись его склонностью к употреблению спиртных напитков и похмельным замутнением сознания. Протрезвев, правда, ему все равно толком разрушить их планы не удастся, по причине все того же пьянства. Но чтобы чувствовать себя хорошим и настоящим, насколько я поняла, больше ничего от человека в этой жизни и не требуется – достаточно квасить или употреблять наркотики. Ах, да, еще можно печатать на машинке, тогда ты тоже становишься хорошим, в силу своей высокой духовности. Те же, кто всего этого не делают, и являются плохими. Другого объяснения данного феномена в фильме я не обнаружила. Нельзя же всерьез считать таким уж большим пороком неуплату налогов. Писателя, пишущего про размышляющих о Боге крабов, в столь тенденциозном понимании нравственности заподозрить невозможно. Писатель – это же не депутат, в конце концов. Полиция и другие правоохранительные органы ему не подчиняются, а, наоборот, преследуют его самого за хулиганство в нетрезвом состоянии. Финальная надпись на экране, впрочем, вселяет оптимизм. Из нее следует, что главный герой *«нашел свой стиль, женился и стал одним из самых знаменитых журналистов Америки. Мерзавцы этого мира обрели в его лице серьезного противника»*.

Нет никакого смысла говорить об исчезновении литературы в будущем времени. Уже сейчас писатель является точно таким же шарлатаном и случайным осколком навсегда канувших в небытие представлений об окружающем мире, как астролог или же алхимик. Ну, разве что алхимики, шаманы и колдуны не встречаются в наши дни с президентами своих стран. Зато они, хотя бы, привораживают и гадают, облачившись в экзотические костюмы. А чем еще отличаются сегодня писатели от остальных граждан, кроме этих встреч? Чьи, кстати, интересы и чаяния они на них представляют? Видимо, коллективов издательств, запустивших их произведения в тираж.

И если уж говорить о литературе, то почему бы тогда не обращаться напрямую к ее подлинным творцам, каковыми и являются сейчас издатели. Отпечаток их образа жизни, вкусов и уровня интеллекта лежит на всех выходящих в свет книгах и, по сути, формирует то, что во все времена называлось в искусстве стилем. Теперь среди литераторов уже не встретишь «символистов», «акмеистов» или «романтиков», зато есть авторы, печатающиеся у Галлимара и издающиеся в Эксмо. Показательно, что художественные объединения и течения, хотя бы отдалено напоминающие те, что присутствовали в былые эпохи, стали вновь появляться только в советском андеграунде, когда часть писателей оказались на время отлучены от печатного станка. Но затем опять все встало на свои места.

С этой точки зрения меня даже несколько удивляет скромность издателей, которые почему-то в большинстве своем предпочитают избегать публичности и остаются в тени. Их имена, как правило, не известны ни рядовым гражданам, ни депутатам парламента, ни президентам, из-за чего те продолжают пребывать в заблуждении насчет литературы и ее настоящих производителей. Поэтому я думаю, что было бы логично как-то вполне официально, де юре, обозначить, наконец, фактически существующее положение вещей, повысив статус издателей, например, до того, каким наделены в современном мире режиссеры театра и кино. Что не только бы в полной мере удовлетворило амбиции современных «инженеров человеческих душ», но и повысило бы их ответственность перед теми, кто сейчас потребляет плоды их работы. Все-таки, тогда бы они стали ощущать себя прямыми наследниками Эйзенштейна, Толстого, Достоевского, Ван Гога, Микеланджело, Шекспира, Гомера и других классиков мировой культуры. А это ко многому обязывает.

Что касается писателей, то их место в искусстве сегодня трудно сопоставить даже с тем, что обычно отводится актерам. Мне они, скорее, напоминают воробьев, готовых скакать вокруг заботливо поставленной высшими существами кормушки, или даже мошкату, порхающую на любой огонек в виде призрачных премий и грантов. Правда, такое понимание роли писателя автоматически снижает и статус издателей до дрессировщиков в цирке или пчеловодов. Поэтому начинать все же лучше именно с издателей, а после того, как те осознают себя полноценными творцами культуры, возможно, и писатели вслед за ними поднимутся хотя бы на одну ступеньку вверх.

Забавно, что даже такие вроде бы совсем уж простые и очевидные вещи, как фильм «Елена», вызывают столь бурные дискуссии. О наградах на фестивалях я даже не говорю... Но столько разговоров? И о чем? Режиссер может уже покупать себе машину, квартиру с раздвижными дверями и соковыжималку за пять тысяч рублей, как у него в фильме. Надевать темные очки и садиться к стойке бара, потягивая через соломинку коктейль и со значением поглядывая по сторонам. Его жизнь удалась.

Читая произведения Барта и другие образцы научной мысли, понимаешь, почему ученые столь сильно отстают в развитии от остальных людей. Так обсасывать и исследовать каждую деталь самых тривиальных актов говорения и процессов мышления – это все равно, что ползти по жизни, наподобие улитки, вместо того, чтобы просто идти, как делают большинство человеческих особей. Естественно, что с привычкой подобным образом мыслить, притормаживая и останавливаясь практически перед любой ерундой, какая только попадется у тебя на пути, далеко в познании этого мира не продвинешься. В принципе, и представители точных наук, если их голова подолгу занята решением отвлеченных задач, рискуют превратиться в даунов. На примере того же Перельмана это прекрасно видно. Но обычно физики и математики занимаются своими делами в рабочее время и в этом отношении мало отличаются от других граждан. А вот так называемые гуманитарии не способны пропустить мимо своего внимания ни одного слова, речевого оборота или даже фонемы. Их интересуют и артикуляции, и чем «а» отличается от «о», и вообще черт знает что, причем не только на работе, но и дома, поскольку буквы и слова, в отличие от синхрофазотрона и теоремы Ферма, являются неотъемлемой частью человеческого быта.

По этой причине, если мне кто-нибудь звонит и представляется лингвистом или филологом, я сразу же инстинктивно готовлюсь встретить очередного клинического идиота, который не понимает самых элементарных вещей, потому что у него просто не было времени о них подумать.

А от философов я вообще стараюсь держаться как можно дальше.

Седающая изможденная старуха в доме напротив целыми днями сидит у окна и глядит на улицу. Это ненормально, по-моему. Обычно так делают коты, а пенсионеры должны смотреть телевизор. Для них снято множество сериалов.

Ничто не бывает таким далеким друг от друга, как то, что кажется близким. Те же родственники, например. Журналисту крайне сложно, почти нереально, переквалифицироваться в писателя. Хороший театральный актер способен испортить своей игрой самый совершенный во всех остальных отношениях фильм: театральность еще более враждебна кинематографу, чем журналистика – литературе. Француз или итальянец способны заговорить, как уроженцы Петербурга, а известный писатель Горький окал до самой смерти. Тексты на украинском практически неперевоимы на русский. Работа преподавателем вырабатывает у человека привычку мыслить стереотипами и уже готовыми формулировками, поскольку ему все время приходится излагать их студентам, не знакомым с достижениями прошлого. Чтобы родить нечто новое и оригинальное, Ницше, который, как известно, тоже был профессором, пришлось сойти с ума...

Между тем, люди годами у себя дома и на даче вынуждены тереться рядом с мамашами и тетями, которых они, вопреки очевидности, упорно называют «своими близкими». Журналисты чаще, чем кто бы то ни было еще, берутся за написание художественных

произведений. Сниматься в кино по большей части приглашают именно театральные актеры. А все современные мыслители являются профессорами. Разве что «дивлюсь я на небо» до сих пор, похоже, никто так и не пытался перевести. Последний факт на фоне остального выглядит даже как-то странно.

У меня такое ощущение, что уже который год подряд «мисс мира» признают представительницу Венесуэлы. Странно, а мне казалось, что в Центральной Америке живут одни уроды. Хотя специально я за этим конкурсом никогда не следила. Так что, возможно, реальная статистика там совсем другая, а просто я натываюсь на эту информацию не в те года. Или же Венесуэла не в Центральной Америке? Мексика, например, точно населена исключительно жутиками. Судя по их фильмам, во всяком случае. Там все – как мужики, так и бабы – такие приземистые, квадратные, с короткими кривыми ножками и головой, растущей прямо из плеч. Настоящие ацтеки, короче.

А космонавты – тоже дауны, конечно. Особенно те, что летали на Луну. Тащиться в такую даль, чтобы ткнуться носом в безжизненную грудку камней. Не понимаю.

Возможно, они просто решили заработать бабки, чтобы затем слетать на Канары. Но деньги потому и являются злом, что служат оправданием любой глупости.

Нельзя сказать, чтобы шахматы играли главную роль в жизни абсолютно всех людей. Но каждый, кто садится за доску, должен будет закончить партию или признать свое поражение. В полной мере это относится и к искусству.

люди становятся все шире и шире

Иногда мне начинает казаться, что пафос – это что-то вроде абстрактного зла, которое осуждают все кому не лень. Однако, что конкретно под этим злом подразумевается, никого особенно не волнует. Между тем, пафос – это всего лишь шлейф не пережитых тем или иным человеком смыслов, который тянется за произносимыми им словами. Слова, при этом, совсем не обязательно должны быть исключительно возвышенными и как-то специально артикулироваться голосовыми связками. Присутствие пафоса в больших количествах в письменном тексте точно так же производит эффект вполне реально ощутимого информационного гула. Это обстоятельство позволяет мне предположить, что личности, порождающие подобные шумы, страдают достаточно распространенной, но ускользающей от определения формой глухоты. Вроде бы напрашивающаяся аналогия с отсутствием музыкального слуха, к сожалению, тут не годится, поскольку написанные по всем правилам сонаты и симфонии очень часто тоже бывают исполнены ложной многозначительности. Единственное отличие музыкантов от поэтов заключается в том, что для первых обязательно наличие способности различать ноты, а поэтами едва ли не в

первую очередь становятся теперь те, кто отмечен описанным выше дефектом восприятия слов.

Показательно, что именно наблюдение за поэтами привело некоторых современных мыслителей к парадоксальному выводу, будто вовсе не люди пользуются словами для выражения своих мыслей и чувств, а уже сам «язык говорит через человека». Мне эта формулировка всегда напоминала диагноз, который заботливый доктор, не желая огорчать своих тяжелобольных пациентов, постарался облачить в максимально приятную для них форму. Разумеется, как и все подобные, ласкающие человеческое ухо, обобщения - типа «человек - это звучит гордо», «широк человек» или «рукописи не горят» - данное умозаключение, оторвавшись от первоначального контекста, глубоко укоренилось в сознании наиболее доверчивых и падких на лесть индивидуумов. Многие, судя по всему, и вовсе склонны воспринимать его чуть ли не как сигнал к действию. В результате, болезнь все больше начинает напоминать эпидемию.

По крайней мере, одно преимущество перед покойниками у меня точно есть: я их не вижу. А видят ли они меня – мне не известно. Поэтому мне приятно представлять, что умершие смотрят на меня из потустороннего мира и в бессильной злобе, подобно мухам о стекло, бьются лбами о разделяющую нас невидимую перегородку, когда я поливаю их дерьмом и топчу ногами все те достижения, которыми они при жизни так гордились. Возможно, всего этого нет, и, растворившись в небытии, я сама уже ничего не увижу. Но так будет еще лучше, потому что никто из них уже никогда не сможет реализоваться по отношению ко мне даже в мыслях, как это делаю сейчас я. А о том, как себя будут вести те, кто придут после меня, я никогда не узнаю.

Книга Каррера про Лимонова получила премию Ренодо. А ведь лет десять назад на его имя во Франции было практически наложено табу. Добро в этом мире всегда побеждает зло. Главное - вовремя сориентироваться.

Не только людям, но и нациям, если они переживают не лучшие времена, стоило бы, вероятно, сидеть и не высовываться. Вот шведы, например, сначала засветились со Стигом Ларссоном, а теперь еще этот нобелевский лауреат. Просто тихий ужас какой-то!

Досмотрела сейчас где-то до половины сериал «Убийство», а потом случайно перечитала аннотацию и обнаружила, что это американский ремейк шведского фильма. И тут меня охватило ужасное сомнение, что два главных подозреваемых, кандидат в мэры и школьный учитель, которые по законам жанра в любом нормальном триллере оказались бы маньяками, здесь вполне могут так и остаться положительными персонажами. Один заботится об одиноких старушках, готов пожертвовать своей карьерой ради буквы закона и вкрадчивым голосом рассказывает избирателям, что не стоит предавать свои мечты, а другой пишет своим ученицам высоко духовные письма и приглашает их к себе домой почитать Коран. Классические маньяки! Тем не менее, в данном случае труп школьницы в машину кандидата в мэры (там такая завязка) вполне могли подкинуть и его циничные

конкуренты. А что? Герои фильма говорят по-английски, но ведь это всего лишь копия, а оригинал-то шведский.

Перечитала, правда, потом более внимательно аннотацию еще раз и поняла, что оригинал все-таки больше датский, и только при участии шведов. Однако это не отменяет вышесказанного.

Посмотрела пока всего шесть серий из тринадцати и даже не знаю, есть ли смысл продолжать.

Летом на даче, где у меня ограниченный интернет и ловится два канала ТВ, я несколько раз смотрела программу под названием «Суд истории». Точнее, один раз я посмотрела ее более-менее целиком, а потом уже только начало и конец. Там, как я поняла, берется какой-нибудь исторический персонаж или событие, и одни выступают в качестве их защитников, а другие, наоборот, приводят факты и доказательства, представляя интересы стороны обвинения. Ну, а телезрители, соответственно, тоже высказывают свою точку зрения в интерактивном режиме, голосуя «за» или «против». За судью там, по-моему, Сванидзе, а остальных участников я сейчас уже даже не помню. Но это все не так и важно.

Я вспомнила сейчас об этом потому, что в какой-то момент почувствовала тогда, что где-то со второго или третьего раза наблюдать за этими голосованиями мне стало совсем неинтересно, настолько предсказуем и предопределен был их итог. То есть, если, к примеру, на повестку выносился вопрос: «Представлял ли реальную опасность для государства Манделштам, и правильно ли поступил Сталин, применив к нему карательные меры?», - то, как минимум, девяносто процентов телезрителей отвечали на него утвердительно. И так буквально по любому поводу: соотношение голосов неизменно было где-то десять к одному во всех похожих ситуациях. Возможно, мне просто не очень повезло, но, я думаю, примерно такой расклад голосов по любому из таких вопросов в реальности сейчас и существует. Более того, я практически в этом уверена. При этом во Франции, например, подобным образом на аналогичные вопросы мог бы ответить разве что Жан Жене, а больше я даже себе не представляю кто.

Поэтому мне кажется, что Гоголь все же либо заблуждался насчет русских людей, либо ситуация с тех пор сильно изменилась. В России сейчас, на самом деле, существует только две проблемы: *дороги и гении*.

несколько слов о гипотезе Пуанкаре

Допустим, кто-нибудь решил ограбить банк. Мотив поведения такого индивида настолько очевиден, что подвергается категорическому осуждению и отрицанию со стороны общества и окружающих его людей. А чем занимается, например, математик Перельман? Что движет им? Для того, чтобы это прояснить, требуется громоздкая система выработанных веками существования человеческой цивилизации доводов и аргументов. Не случайно ведь ему уже при жизни посвящают книги, содержанием которых является все та же туманная, уходящая вглубь тысячелетий демагогия, которая, по сути, мало отличается от абстрактных лозунгов и призывов, предлагаемых спускающимся в забой шахтерам или отправляющимся на войну солдатам. И самое печальное, что он и сам, видимо, толком не понимает, зачем и почему он делает свое дело, несмотря на видимую сложность решаемых им задач. Если бы он, хотя бы, взял миллион вознаграждения, но даже это ему не очень нужно. Работа его мозга - это какой-то странный, почти

компьютерный цикл на очередном витке истории ради глобального развития человечества. И в этом отношении он, опять-таки, напоминает мне все тех же солдат, рискующих и даже жертвующих своей жизнью при выполнении задач, обеспечивающих безбедное и благополучное существование совсем других людей. А все посвященные ему книги и статьи – это что-то вроде помпезных монументов с вечным огнем, призванных стимулировать непрерывный приток «пушечного мяса», во все времена необходимого определенным группам человеческих особей для осуществления их целей. И цели эти обычно очень мало разнятся от тех, что ставят перед собой грабители банков. Просто последние чаще действуют без посредников.

То же самое я могу сказать и про литературу, где у таких, как этот математик, имеются многочисленные двойники, вроде поэта Хлебникова или прозаика Платонова. Мозг этих даунов как бы по инерции рождает кучи в той или иной мере сложно организованных фраз и слов, как с рифмами, так и без, но для чего они их производят, они не знают, и не особенно задумываются. У них на это, видимо, просто не хватает места в мозгу. Да я и сама, честно говоря, затрудняюсь сказать, кого они способны всерьез заинтересовать. Разве что наиболее экономных работодателей в качестве примера для подражания из-за своей готовности работать предельно бескорыстно. Однако мне достаточно видеть, как мало возражений и сопротивления вызывают их произведения у окружающих меня людей, и, наоборот, как много сил и слов тратится на оправдание их существования в этом мире, чтобы навсегда утратить к ним всякий интерес.

В связи с недавним юбилеем Достоевского я вдруг поняла, что уже почти совсем не помню его произведений. Зато в последнем фильме о нем есть довольно забавная сцена, где он читает вслух свой текст и говорит, что, если бы люди сказали о себе все, о чем они обычно молчат, то в этом мире произошли бы абсолютно невероятные потрясения. В это мгновение присутствующая в зале публика начинает смотреть на него с повышенным вниманием, все ждут, что вот сейчас он что-то скажет, и нечто такое ужасное произойдет. Но нет, Достоевский заканчивает чтение, закрывает книгу, и слушатели расходятся, с любопытством оглядываясь на того, кто отныне запечатлелся в их памяти как носитель страшной тайны.

А почему в лице Орбакайте так много скрытой печали? У нее, что, какие-то семейные проблемы? Или болят зубы? По-моему, такого рода певцы, раз уж им платят неплохие бабки, должны быть бодрыми и жизнерадостными дебилами: как Киркоров, например, или Моисеев. Когда, наконец, на ТВ возродят художественные советы и начнут за этим следить? Никому не интересно постоянно наткаться на экране на чьи-то кислые физиономии.

просветление и наказание

У Достоевского в фильме что ни фраза, то банальность. Просто какой-то Козьма Прутков, а не Достоевский. Ну а всем своим обликом и манерой держаться он больше всего

напоминает мне Ленина. И режиссер тут не при чем. Именно так и должен вести себя человек, озабоченный судьбами человечества.

В кино про Баадера-Майнхоф мне было бы очень сложно обнаружить хотя бы десять отличий от сериала про Карлоса. Прямо какие-то фильмы-близнецы. Террористы квасят, сношаются друг с другом, берут заложников, кого-то мочат, подкладывают бомбы, ездят обучаться к арабам, кто-то из них гибнет, а кого-то арестовывают. Режиссеры, похоже, вообще не считают нужным иметь собственное отношение к происходящему на экране. И получается, совсем как в анекдоте про человека будущего, которому в столовой предлагают просто «еду». Или же про книгу, которая и так уже у всех есть.

А может быть, это, как сейчас говорят, такой новый тренд в мировом искусстве? Я недавно проходила по площади Александра Невского и как раз подумала об этом. Там теперь тоже появился некий обтекаемый со всех сторон конный монумент. Я даже как-то пропустила момент, когда он там возник. Сколько было шума по поводу газпромовской башни, а тут, на тебе, статуя, которая устраивает абсолютно всех. И действительно. Александр Невский сидит на лошади ровно, не подкопаешься. Если зайти сзади, например, и мысленно провести вертикальную линию по центру, то она разделит его строго пополам. Пропорции соблюдены идеально. Видно, что работали настоящие профессионалы. А сбоку, если смотреть в сторону Невы, хвост лошади направлен вниз, перпендикулярно постаменту, и параллелен ее удлинненной книзу морде, чуть согнутая и приподнятая над землей передняя нога образует овал, перекликающийся с круглым задом. Сам всадник с пикой в руке всем туловищем чуть подался вперед и, подобно богатырю Васнецова, как бы всматривается в тревожную даль, откуда в любой момент могут появиться враги. Весь силуэт прекрасно дополняется проплывающими над Невой свинцовыми облаками, которые, в свою очередь, тоже принимают очертания самых необычных существ и животных, от слонов и жирафов до популярных ныне тапиров. Глядя на это гармоничное, дополняемое небесными видениями, произведение искусства, каждый человек может немного помечтать и расслабиться, вспомнить предков и мысленно отдать им должное, а в чем-то даже и взять с них пример. Но самое главное, и тут надо уже отдать должное общественности, как раз с этой стороны, по переулку, ведущему из сада, лицом к Неве и всаднику, скорее всего, и должны выходить пациенты, только что выписавшиеся из расположенной неподалеку психиатрической больницы, а также навещавшие их там в дни посещений родственники. И даже страшно подумать, что где-то там, вдали, на фоне этой умиротворяющей фигуры, вместо резвящихся в небесах слоников и жирафов, маячила бы сейчас громадная фаллосообразная башня. Какие мысли она могла бы пробуждать в едва оправившемся от галлюцинаций мозгу и на какие непредсказуемые поступки провоцировать! Не буду даже говорить о том, насколько ничтожными и униженными они все должны были бы себя ощущать при виде этого воплощенного в стекле и бетоне символа мирового неравенства.

Так что у такого рода произведений, вроде этого всадника или упомянутых выше фильмов, тоже есть свои плюсы и просто блестящие перспективы для развития в будущем.

Видела вчера по пятому каналу репортаж с похорон семидесятилетнего диджея, который умер, потому что трое суток не спал, ухаживая за своей девяностодвухлетней мамой.

Интересно, хорошо ли осмотрели в его доме ванную, а также чердак и подвал? Мне кажется, там должны быть мумифицированные трупы баб. А то картина какая-то получается неполная.

Вот украинцы, к примеру, все понимают русский, но усилием воли заставляют себя говорить на мове. Этим они напоминают мне русских аристократов девятнадцатого века, которые тоже считали нужным делать над собой некоторое усилие и изъясняться по-французски. Помню, когда меня пригласили в Форос прочитать несколько лекций, то там попадались настолько утонченные существа, что требовали для себя еще и английского переводчика. Поэтому я почти не сомневаюсь, что будущее за украинцами.

Если я когда-нибудь соберусь написать такое же великое и масштабное произведение, как «Война и мир» (не такое тупое по содержанию, разумеется), то самые изысканные страницы из жизни петербургского общества, посвященные презентациям пива Miller или духов от Герлен и Буррбери, показу мод от Бухинника, открытию торгового центра на Васильевском, вернисажу в Мраморном дворце, премьере в Мариинке, собранию союза писателей или заседанию городской думы, там должны быть написаны исключительно на украинском. Я уже знаю несколько фраз и оборотов, которые остались у меня в памяти еще со времен моего пребывания у бабушки в Шепетовке, поэтому остальное мне будет не так уж и сложно наверстать. А поскольку книг, особенно размером с «Войну и мир», обычно никто не читает, то отдельные недочеты, если такие там и будут, скорее всего, останутся незамеченными.

У меня, кстати, есть сильные сомнения, что Толстой вообще знал французский. Во всяком случае, глядя на его заросшее мохнатой бородой лицо, такого не скажешь. Не могу себе представить, как такой вот бородатый тип в косоворотке и лаптях открывает рот и произносит изящные французские фразы. Просто в голове как-то не укладывается. Чехов еще куда ни шло, но Толстой... Вот Гоголь имел утонченный профиль и, по крайней мере, один иностранный язык, украинский, знал точно. А за Толстого французские вставки в романе вполне могла делать и жена. Просто, перепечатывая рукопись, она заметила, что некоторые куски ее мужу явно не удались, и решила таким образом их слегка замаскировать, чтобы вместо дауна он предстал перед публикой в качестве полиглота.

Зато в то, что Толстой сбежал из дома, я охотно верю, так как постоянно встречаю на столбах фотографии о пропаже пенсионеров, которые уходят в магазин и не могут найти дорогу назад. И далеко не всех из них, между прочим, находят, потому что обычно они забывают не только свой адрес, но и как их зовут. Так что Толстому еще повезло, что его тогда обнаружили и опознали. Тут ему очень помогла его известность.

Каждый писатель, если он собирается жить так же долго, как Толстой, должен постараться, чтобы его узнавали на улице как можно больше людей. Только личности, которые ненавидят писателей и желают им зла, могут советовать им вести себя скромнее и не гнаться за популярностью.

Мое использование украинского языка в собственном творчестве помимо очевидных эстетических преимуществ, способно принести немало выгод и тем, кто последует моему примеру. А у меня, я практически в этом не сомневаюсь, сразу же появятся многочисленные подражатели и последователи. И я не исключаю, что таким образом постепенно все высшие слои населения России, а за ними и другие, начнут учить украинский, из-за чего вскоре все они перестанут отличаться от тех, кто живет на Украине. Тогда населению Украины, чтобы хоть как-то отдалиться от русских, не отдавать им Крым и пр., ничего не останется, как совсем забыть русский язык. А это, ясное дело, вовсе не так просто, поскольку выучить язык все-таки гораздо легче, чем забыть тот, что уже знаешь.

Для этого пока еще не разработано никаких методик, не говоря уже об учебниках или преподавателях. Но даже если им это, в конце концов, как-то и удастся, при помощи Кашпировского, например, то и тогда они всего лишь опустятся до состояния нынешних русских. В то время как сами русские, выучив украинский, вернут себе утраченный аристократизм и, соответственно, снова обретут ту Россию, которую они потеряли и о которой некоторые из них до сих пор так грустят.

.

Мне нравится, как звучащий за кадром «Подпольной империи» интеллигентный голос переводчика, не меняя размеренных интонаций, периодически произносит вкрапленные в текст матерные слова типа: «блядь», «нахуй», «впизду» и т.п. В принципе, мафиози из фильма примерно так и должны изъясняться, но у переводчика, все равно, это получается очень трогательно.

Чем-то мне это даже напоминает поведение поэта Бродского, который, судя по появившимся в последнее время воспоминаниям очевидцев, тоже мог, вопреки своему внешнему виду и репутации, вдруг неожиданно подойти к собеседнику вплотную, взять его за грудки и, приблизившись к его лицу, начать изъясняться исключительно на блатном жаргоне. А потом снова вернуться к разговору в своей обычной немного subtilной манере. Тоже забавно.

Единственное, меня огорчает, что ни Бродский, ни другие личности, вроде Горького или Леонова, какие бы новые факты о них сейчас ни появлялись, сколько бы их биографии заново ни переписывались, так и останутся навечно всего лишь Бродским, Горьким и Леоновым. Никто и ничто им уже не поможет. Они свой шанс упустили. Хотя, судя по некоторым фактам, вроде того, что я привела выше, каждый из них, кажется, хотел бы стать кем-то совсем другим.

Больше всего меня отталкивает в религии отсутствие в ней даже слабого намека на какую-либо тайну или мистику. При этом в храмах обычно бывает довольно много декораций, чуть ли не больше, чем в театрах. Но все равно, этот фокус уже разгадан, и почему он еще на кого-то действует, я не понимаю. Скорее всего, это такой трюк, который обычно пытаются осуществить одновременно сразу множество исполнителей, каковых со стороны кто-то может принять за зрителей. Но их-то как раз уже давно и нет. Вот как сейчас в Москве с этим поясом Богородицы. Собравшиеся к нему в очередь люди явно хотят кому-то что-то продемонстрировать.

Семнадцать часов на морозе? Я в свое время зимой, а не в ноябре, стояла на улице сутками, когда закрывались магазины «Березка» и «Альбатрос», и мне было нужно срочно реализовать доставшиеся от родителей сертификаты и бонусы, чтобы они не пропали. И ничего. Даже в газетах, по-моему, об этом не писали.

Все беды этого мира – в графомании. Читатели доверчиво внимают откровениям автора, а тот в душе мечтает стать великим писателем. Поэтому давно пора отменить все критерии истинности и нравственной ценности любых высказываний о судьбах цивилизации, путях выхода из кризиса, особенностях человеческой психологии и прочих волнующих

население планеты проблемах. И оценивать их исключительно по наличию или отсутствию в них чисто литературных достоинств.

Помимо очевидной пользы такого подхода, который поможет людям избежать многих ошибок и опрометчивых поступков, он еще приблизит их к красоте и позволит возвыситься над рабской моралью и банальностью большинства истин.

Только раз в жизни я жалела, что не являюсь режиссером. Очень давно, кажется, еще в советские времена. Я стояла у окна и смотрела на ночные фонари с высоты четвертого этажа. В этот момент я заметила мужика, который стремительно бежал по противоположной стороне пустынной улицы, скрываясь от преследовавшего его милицейского уазика. Немного не добежав до перекрестка, он вдруг резко свернул в подворотню углового дома. Уазик тут же притормозил, из него вылезли два милиционера и направились вслед за беглецом. Они перемещались совершенно неторопливо и как бы даже несколько лениво, с таким видом, будто выполняют абсолютно будничную и многократно повторяющуюся процедуру, исход которой им заранее известен. Уазик тронулся с места и тоже очень медленно, на предельно низкой скорости, покатился к углу перекрестка. И тут я увидела, как из подворотни, выходящей на улицу, перпендикулярную той, по которой продолжала плавно перемещаться милицейская машина и которая из моего окна тоже прекрасно просматривалась, выскочил беглец и стремительно понесся по диагонали к углу дома на противоположной стороне. Расстояние, которое ему предстояло преодолеть, раза в три-четыре превышало то, что оставалось до угла уазика, однако он бежал изо всех сил, а уазик еле двигался, почти полз, и поэтому достиг угла перекрестка буквально в то же самое мгновение, когда убежавший скрылся за домом. Доехав до угла перекрестка, патрульная машина остановилась. Через некоторое время из подворотни, откуда недавно выскочил тот, кого они преследовали, появились оба милиционера. Посмотрев в сторону стоявшего на углу уазика, они немного потоптались на месте и снова исчезли во дворе. Тем временем из уазика вылез еще один милиционер и все так же не спеша направился к подворотне, в которой первоначально скрылся убежавший.

Никогда не стоит недооценивать человеческую глупость. С тех пор, как я стала следовать этому правилу, я еще ни разу не ошиблась.

Давно не звонила мамаше. Поэтому с первых слов поняла, что у нее было время хорошо подготовиться. Не успела я открыть рот, как услышала, что она собирается отправиться в иной мир уже в самое ближайшее время, и нам с братом придется скоро с ней попрощаться навсегда. Но деньги на похороны у нее уже отложены, так что нам останется только купить ей красивый гробик, такой полированный под темное дерево и с золотыми ручками. Сверху на него можно будет набросить велюровый коврик или же темную шелковую шаль, ну и подобрать могилку поуютней, можно начинать работать в этом направлении уже прямо сейчас. Венков бы ей хотелось не очень много, двух-трех будет вполне достаточно, из цветов она предпочитает розы и георгины. Только не гвоздики! А

нарядить ее следует в платье, которое лежит в верхнем отделении шкафа в спальне, туфли стоят там же внизу, в коробке из-под видеомэгнитофона Sony... Черт! Хорошо, что сейчас не весна, а ноябрь и слякоть. А то мне, наверняка, было бы опять предложено тащиться на кладбище к отцу, который снова ей приснился и очень там соскучился.

Вот чего я совсем не пойму. Если можно было заменить пальмовые ветви на вербы с учетом растительности, произрастающей в данной местности, то зачем в январе всем обязательно нырять в прорубь? Просто постоять под душем нельзя? Почему в этом случае климатические условия не учитываются?

Когда натыкаешься на такие нестыковки, как-то особенно остро ощущаешь обреченность человеческого интеллекта в схватке с совершенным умом компьютеров. Хотя в применении к человеку о каком-либо разуме говорить вообще не приходится. Элементарная животная хитрость, жадность и наглость. Прыгнул в прорубь, преисполнился самомнения и побежал бороться с абортами, укреплять нравственность. И это относится не только к верующим, просто у них это получается наиболее символично.

Не сомневаюсь, что если бы этот мир был машиной, то он бы вообще никуда не поехал, а сразу бы развалился на шестеренки и подшипники. Настолько все тут не подогнано и не доделано. Представляю, как бы все заскрипело, заскрежетало и посыпалось. Удивляет, что внутри людей все механизмы типа сердца, печени, желудка и легких еще как-то работают. За исключением мозга, естественно.

По своему внутреннему устройству животные мало отличаются от человека. Но у животных есть, по крайней мере, одно достоинство по сравнению с людьми - они хотя бы никого не обличают, а молча подстерегают своих жертв, руководствуясь куда более глубокой и лишенной каких-либо противоречий логикой. Животные почти так же совершенны, как компьютеры будущего.

Но самое печальное, что именно в неспособности довести до конца практически ни одну мысль или идею большинство людей до сих пор склонны видеть чуть ли не главное свое достоинство. Они находят эту черту очень трогательной, так как почему-то чрезвычайно гордятся тем, что являются живыми. На этом основании они подчинили себе животных и управляют безупречными машинами.

То тут, то там я периодически натыкаюсь на выразительные глубокомысленные цитаты, принадлежащие Монтеню, Кафке, Ларошфуко, Лейбницу, Паскалю, Прусту и даже Горькому. Из-за чего в мою душу порой закрадывается сомнение. А может, я напрасно считаю всех писателей прошлого крестинами? Может, были какие-то исключения?

Что за нечеловеческая фамилия у нашей бывшей соотечественницы, которую англичане обвинили в шпионаже после того, как уличили в связи с каким-то крупным чиновником! Все время приходится перечитывать. Хотя Затуливетер – это что-то вроде Подопривога, да? Все же так гораздо проще разобраться. А то я все время путаю ее с нобелевским лауреатом из Швеции Транстремером.

Не понимаю, почему мужчины так не любят гомосексуалистов. Всякий раз, когда я встречаю каких-нибудь опустившихся небритых личностей или дурно пахнущих бомжей, я ловлю себя на мысли, что только гомосексуалисты и в состоянии разглядеть в них какую-нибудь трогательную черточку. Больше они никому не нужны и не интересны. А преступники? Кто еще способен сочинить Балладу Редингской тюрьмы и воспеть приговоренного к казни? И такая черная неблагодарность и, можно сказать, тупость в ответ. По-моему, это все равно, что рубить сук, на котором сидишь.

Женщины так вообще ненавидят мужиков, как, впрочем, и те – баб.

Из животных только коты подчинили себе человека: лежат, ничего не делают, а их так называемые «хозяева» за ними ухаживают. Люди вообще простоваты и слишком доверяют словам. Для них главное, как их называют, а что за этим скрывается, они обычно понять не способны.

Гении, к примеру, не жалея себя, трудятся на благо человечества, в то время как более ушлые личности незаметно отодвигают их от кормушки, чтобы где-нибудь в самом конце жизни, или даже лучше после смерти, отметить их заслуги. Понятно, что именно такой тип всем и нужен в качестве примера для подрастающего поколения, чтобы максимально ослабить конкуренцию за бабки и другие атрибуты безбедного существования.

Моя бабушка в Шепетовке терпеть не могла котов, называла их «дармоедами» и гоняла страшной метлой. Она сумела поставить себя выше котов. Правда, по воскресеньям она повязывала на голову вышитую хустку и отправлялась в церковь. Это, пожалуй, был ее единственный недостаток.

Зато она была очень злой. И это понятно. Продавщица сельпо вышла замуж за высокопоставленного военного, а тот бросил ее с маленьким ребенком на руках ради интрижки с сестрой Якира. В результате ей пришлось сойтись с машинистом паровоза и уехать из Киева в такую дыру как Шепетовка, на родину Николая Островского. Ясно, что планы на жизнь у нее были несколько иные. Вот она там и закалилась, как сталь. Возьмись она за роман с таким названием, у нее, наверняка, получилось бы получше, чем у Островского.

Островский вообще был закомплексованным дебилом. К тому же, еще и слепой. Достаточно сравнить его с Ленни Рифеншталь, которая работала в схожем жанре, чтобы понять, насколько женщины круче мужчин. Рифеншталь и жила до ста лет, не то, что этот убогий инвалид.

«Жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы». Как это трогательно! Такое, определенно, мог сказать только тот, кто рассчитывал стать гением. Странно, что Островского до сих пор не признали таковым. Но зато ему удалось задать неплохие ориентиры.

Жизнь надо прожить так, чтобы Николаю Островскому даже на том свете стало за тебя мучительно стыдно.

Выборы, революции, войны и прочие катаклизмы позволяют обывателям почувствовать свою значимость, поэтому они меня так и раздражают. Впавшие в маразм пенсионеры, домохозяйки, кассиры, продавцы, начинающие журналисты, литераторы, недоучившиеся студенты и школьники собираются в толпы, размахивают плакатами, вопят о смене власти или же с диким шумом скачут вокруг разрушенных взрывами и цунами домов, рухнувших на землю и еще дымящихся самолетов. Столько эмоций и энергетических затрат, и все с единственной целью - привлечь к себе внимание и попасть в объектив. Некоторые из них

только что потеряли своих близких, и их отчаяние выглядит таким искренним и правдоподобным...

Поэтому я предпочитаю, чтобы все они поскорее успокаивались и расходились. Меня и без того крайне редко приглашают на телевидение и снимают для газет. Зачем мне еще целые толпы конкурентов?

на мемуары потянуло

О презентации *«Смерти в кредит»* в газете «Смена» в разделе «Новости культуры» появилась крошечная благожелательная заметка, правда, сам роман там почему-то был назван *«Сверх кредит»*, а его автор не указан. И несколько этих строчек стали первым и последним откликом на это издание в печати. Мне, во всяком случае, больше ничего не попадалось. Хотя *«Смерть в кредит»* была опубликована с размахом, свойственным тому времени: тиражом шестьдесят тысяч экземпляров. И это было первое издание Селина после шестидесятилетнего перерыва. *«Путешествие»* в переводе Корнеева появилось чуть позже. Зато в галерее Борей на Литейном, где проходила презентация, было не протолкнуться. Франсуа Жибо приехал вместе с совсем еще юным Филиппом, который, волнуясь, произнес короткую речь «от лица французской молодежи». Руководство же Французского института презентацию проигнорировало, прислав вместо себя какую-то бабу с авоськами. Этот факт Жибо почему-то воспринял особенно болезненно и тем же вечером позвонил Люсетт. А буквально через пару дней показал мне заметку из «Фигаро», где писалось, что в России столетие Селина отмечается со свойственным русским людям размахом, в то время как соотечественники великого писателя всячески это событие саботируют, как у себя на родине, так и за рубежом. Юнеско, кстати, также не включило тогда столетие Селина в свой ежегодный перечень памятных дат и юбилеев. То, что «Смерть в кредит» по-русски вышла именно в год столетия Селина, в общем-то, чистая случайность.

Потом Люсетт в моем присутствии довольно забавно отреагировала на рассказ Жибо о презентации в Петербурге, перебив Франсуа и воскликнув: *«Как? Какой-то серб представлял великую Францию!»*. Чуть позже Филипп приехал в Медон, захватив с собой томик Селина, и протянул его Люсетт, чтобы та его ему подписала. Как только дарственная подпись была получена, Филипп деловито убрал книгу в сумочку и произнес: *«Спасибо! Я все равно ее читать не буду, но потом это будет дорого стоить»*. Филиппу в тот момент был – 21, а Люсетт – 83.

В сентябре 2009 года Филипп Николич умер от передозировки снотворного, а Люсетт недавно исполнилось 100 лет.

никогда не любила героев

Никогда не любила героев. Еще в детстве меня занимал вопрос, почему у них обычно бывают такие отталкивающие физиономии, дурные манеры и унылая, лишенная каких-либо интересных событий, жизнь. Вот поэты, должна признаться, мне раньше даже нравились. Маяковский, например, высокого роста, с выразительным бритым черепом и эффектной папироской в зубах, Есенин тоже ничего, курчавый и с голубыми глазами, даже Пушкин, хоть и не красавец, но, по крайней мере, одет более-менее прилично, с тростью в руке – со спины способен произвести вполне благоприятное впечатление. А к памятникам героям хоть сзади, хоть спереди подходи – один хрен, никаких приятных ощущений не получишь. Обычно они стоят на постаменте, гордо выпятив грудь и с высоко поднятой

квадратной головой или же, еще хуже, скрючившись в неестественной позе, с зажатой в руке гранатой, как бы готовясь к последнему прыжку. И самое главное, в их облике я всегда улавливала некий немой укор самой себе, из-за чего мне сразу хотелось отойти от этих статуй как можно дальше. А когда мне в школе или дома начинали рассказывать про те замечательные поступки, которые они совершили, то я вообще старалась незаметно заткнуть уши и смотреть куда-нибудь в окно на плывущие по небу облака, только чтобы ничего не слышать и не видеть снимков с могильными плитами, под которыми покоятся их растерзанные врагами тела.

В результате, я сейчас, по-моему, вообще не помню, как конкретно выглядели герои гражданской, отечественной и других войн – они все в моем сознании слились в один лишенный каких-либо индивидуальных черт монумент. Ну, я знаю, конечно, что Павлик Морозов был маленьким мальчиком, а Сусанин – крестьянином с бородой и в лаптях, а вот об облике Александра Матросова, Зои Космодемьянской, сгоревшего в печке Лазо, летчика Гастелло, подводника Кузьмина, Лени Голикова и других у меня в сознании не сохранилось даже таких общих сведений. Кажется, психологи называют подобное явление «вытеснением». Поскольку, по их мнению, некоторые особенно неприятные факты и события способны бессознательно вытесняться из памяти человека, и таким образом он избавляется от связанных с ними травмирующих его психику воспоминаний и ассоциаций. И действительно, кому интересно воображать себя прыгающим грудью на амбразуру с пулеметом, когда тебе навязчиво пытаются представить совершившего подобный поступок субъекта в качестве примера для подражания. Естественно, что ты постараться об этом поскорее забыть и переключиться на более приятные мысли. Каким бы бессмысленным не было стихотворение «Я помню чудное мгновение», но лучше уж мысленно декламировать его, чем видеть себя в грезах изрешеченной пулеметной очередью или же корчащейся от боли в пыточном кресле в гестапо, где тебе вгоняют под ногти огромные иглы. Бр-ррр-р! И ради чего? Чтобы закрыть собой амбразуру или же не выдать врагу так называемых «товарищей по оружию», которые, как это обычно и делают коллеги по работе – что на войне, что в офисах – постоянно плетут вокруг тебя интриги, сплетничают, пытаются подсидеть и вообще всеми мыслимыми и немыслимыми способами тебя достают, в том числе и непосредственно своими рожами и голосами? И из-за них так мучиться? По-моему, это уже совсем верх извращения. Единственный, кто в подобной ситуации способен получать хоть какое-то удовольствие – это тот, кто ставит другим всех этих героев в пример, предлагая тем, самым, всем хотя бы мысленно вообразить себя на их месте. Вот таких личностей я, по крайней мере, еще понимаю. И вполне могу себе представить, какой кайф они ловят от своих нравоучений.

И еще мне совершенно непонятно: что во всех этих героических поступках такого уж сложного. Чисто технически, я имею в виду. Чтобы взорвать себя, нужно просто выдернуть чеку и все. Ничего запредельного в этом телодвижении нет, его способен осуществить каждый, в том числе и ребенок. То же самое можно сказать и о прыжке на амбразуру: подбежал и оттолкнулся ногами. Никаких проблем. И в кресле, когда тебя пытаются, нужно просто сидеть и молчать. Кричать, в принципе, тоже можно. Главное - не выдавать явки и пароли. Но сам процесс все равно сводится к банальному сидению, а не хождению по воде или горловому пению. Разве что требуется обладать еще достаточной мерой тупости, чтобы подвергать себя мучениям ради придурков, которые являются твоими согражданами или состоят вместе с тобой в партизанском отряде. Поскольку поддаться минутному порыву – это одно, а когда у человека имеется некоторое время на размышления – это уже несколько другое. В любом случае, в простоте и общедоступности подобных поступков в общем-то и заключается объяснение того, почему они до сих пор пользуются определенной популярностью в широких массах.

Но именно по этой причине обыватели, поучаствовавшие в каких-либо исторических событиях, катаклизмах, или пережившие катастрофу, вовсе не перестают после этого быть теми, кем они являлись ранее. Следует раз и навсегда развеять иллюзии на этот счет, если

они у кого-то еще остались. Поучаствовав в войне или спасшись с тонущего корабля, большинство граждан, как правило, возвращаются к размеренной жизни и снова сливаются с толпой. И только у некоторых из них все-таки хватает наглости доставать потом окружающих своим творчеством, основанном на их «необычном», как они уверяют, жизненном опыте. Так десятилетиями вели себя, например, советские писатели и поэты-фронтовики. Вот они, собственно, и являются ярчайшим олицетворением героизма. Однако сочинить книгу или стихотворение – это уже далеко не то же самое, что нажать на курок, выдернуть чеку или даже помечтать несколько часов, сидя в кресле для пыток. Тут уже нужны еще кое-какие способности. В результате, по-настоящему напрягаться и пересиливать себя приходилось уже тем, кто должен был читать и изучать их сочинения. Героизм, к сожалению, всегда порождает героизм, которому не видно конца.

Герои – это индивидуумы с ограниченными способностями, достигшие вершины и, я бы сказала, квинтэссенции своего существования. На большее никому из них в этой жизни рассчитывать не приходится. Поэтому обычно громче всех восхищаются героями обыватели, мечтающие стать знаменитыми. Более полноценные личности не способны совершать над собой столь героические усилия.

единственная проблема, которую я до сих пор так и не смогла для себя разрешить
Искусство находится в непримиримом противоречии с жизнью. Кому жизнь в самый раз, в мире прекрасного тому места нет - он там всегда будет чужим. Что бы ты ни делал, любая уступка жизненным интересам и достижению успеха требует от тебя принесения в жертву эстетики. Можно было бы, наверное, сказать, что художник является кем-то вроде жреца смерти, которую принято считать отрицанием жизни. Однако смерть банальна, так как рано или поздно настигнет каждого, и каждый вправе этим гордиться. С таким же успехом можно было бы поставить себе в заслугу и акт своего появления на свет. Поэтому подлинным отрицанием жизни все-таки является искусство.

Коммунисты, например, были настоящими некрофилами. Они обожали смерть, воспевали героизм, рыли могилы, разжигали на них вечные огни и с детства готовили человека к принесению себя в жертву своей избраннице. Столь же сильно они ненавидели искусство. И больше всего их раздражало, что искусство, в отличие от смерти, невозможно сделать достоянием всех.

Какой-то даун, видимо, с похмелья перепутал номер и разбудил меня сегодня утром. Ладно. Я все понимаю. Но почему у тех, кто звонит тебе по ошибке, всегда такие гнусные голоса? С такими интонациями и тембром, что прямо тянет блевать? Подобным личностям, вероятно, просто больше нечего противопоставить своим родственникам, сослуживцам и начальству, которые их раздражают, поэтому им и приходится доставать всех своим голосом. А что им еще остается? Хотя можно еще и перекошенной физиономией, грязными ногтями и чавканьем за столом. Как вариант я могла бы предложить им еще месяцами не мыться, не стирать одежду и побольше жрать. Тогда их огромные туши будут наполнять контору, где они работают, приятнейшими ароматами, и справедливость в отношениях с начальством и коллегами окончательно восторжествует.

Хорошо. Но вот почему у писателей такие мерзкие рожи? Они же, вроде, имеют возможность досаждать читателям своими книгами? Или им этого недостаточно? Загадка.

светлый образ гения

Все-таки в гипертрофированном преклонении советских писателей перед Пушкиным было нечто иррациональное, такое, что трудно свести к чисто идеологическим причинам. Мимолетная близость к декабристам? О ней, конечно, довольно много говорилось в школьной программе, но Пушкин ведь в зрелом возрасте придерживался достаточно консервативных взглядов и, скорее, был монархистом, чем революционером. В этом отношении он разительно отличается от того же Некрасова, например. Однако Некрасову в СССР так не поклонялись, особенно в среде писателей.

Помню, много лет назад я присутствовала на вечере известного писателя Б. на филфаке университета. Вечер был приурочен к очередному дню рождения Пушкина. И более двух часов присутствующие в зале студенты и знакомые выступавшего были вынуждены слушать перепевы из кусков «Медного всадника», «Евгения Онегина» и других с детства набивших оскомину произведений великого поэта. Б. специально к знаменательной дате нарыл где-то целую кучу пушкинских черновиков и набросков, устроив из них что-то вроде джазовой импровизации в собственном исполнении. Выглядело все это примерно так: «Люблю тебя Петра творенье», «Я люблю тебя творение Петра», «Люблю и восхищаюсь Петра твореньем», «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи два часа», «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи три часа» и т.д., и т.п. Где-то к концу второго часа подобных импровизаций я почувствовала, что больше просто физически не могу слушать эту бодягу, начисто лишённую даже малейших проблесков смысла или хотя бы юмора. Однако покинуть зал у меня не было никакой возможности, так как я принадлежала к числу знакомых выступавшего и сидела в первом ряду. Сам же писатель, похоже, вовсе ничего не замечал вокруг себя и, периодически прихлебывая из фляжки коньячок, с упоением продолжал декламировать различные варианты пушкинских стихов. Прошло еще полчаса и оратор, вероятно, еще и под влиянием выпитого, окончательно впал в состояние, близкое к сомнамбулическому, наподобие того, в какое обычно погружаются шаманы народов Крайнего Севера, и стал произносить слова все менее и менее внятно, отчего их поток окончательно смешался в бесформенную словесную кашу. И тут я наконец поняла, что для него этот процесс является чем-то вроде медитации, смысл которой сводится примерно к следующему: *если Пушкин, которого я сейчас вам читаю – гений, а вы все это прекрасно знаете, то тогда и я, известный писатель Б., вовсе не занудный мудака, как кое-кто из вас, возможно, про меня думает, а тоже кое-что из себя представляю.*

Вечер, в конце концов, все-таки завершился. Ничего особенного тогда там не случилось, но я все равно его почему-то очень хорошо запомнила. Так бывает, когда тебя угостят какой-нибудь тошнотворной едой, и по этой причине у тебя потом отчетливо запечатлется в памяти именно данное застолье, тогда как другие, куда более приятные, забудутся или сольются с массой таких же веселых и беззаботных событий. Кроме того, благодаря этому мероприятию, я, похоже, впервые сумела приблизиться к разгадке таинственного обожествления Пушкина советскими писателями, ускользавшей от меня ранее, поскольку поэзия Пушкина по большей части у меня самой всегда вызывала достаточно сильную скуку. Окончательный ответ на этот вопрос я смогла найти для себя сравнительно недавно.

Ключевым моментом для понимания утрированного культа Пушкина в те годы мне представляется его дуэль с Дантесом. О ней, кстати, тогда и писали на порядок больше, чем о юношеской симпатии поэта к заговорщикам, вышедшим на Сенатскую площадь. Этой дуэли посвящались стихи, многочисленные научные исследования, прозаические произведения, пьесы и фильмы. Помимо прочего, та роковая дуэль, я думаю, могла бы стать поворотной и для самого Пушкина. Поскольку в тот момент у него все же еще был шанс не целиться, превозмогая боль в животе, в своего противника, а взять, например, и пустить себе пулю в лоб, или же, что тоже неплохо, пристрелить кого-нибудь из стоявших

поблизости секундентов, или, еще лучше, забить на все и сбежать к себе в Михайловское... Тогда бы, возможно, не только на его репутацию, но и на его стихи легла бы легкая тень, и те, если и не стали бы вдруг совсем уж гениальными, то приобрели бы хоть какой-то дополнительный, не совсем банальный, смысл. Но ничего такого, увы, не случилось. Пушкин так и остался в глазах потомков героическим персонажем, вступившимся за честь, я уже сейчас даже точно не помню чью, свою или жены, поскольку все эти детали, в сущности, сегодня уже не имеют особого значения.

Вот за это, я думаю, советские писатели его так и ценили, причем совершенно искренне – в этом я вообще ни секунды не сомневаюсь. Пушкин был для них, как и для описанного выше писателя Б., своего рода светом в конце темного туннеля культуры, где все они чувствовали себя крайне неудобно. На Пушкина же они могли смело и безбоязненно ориентироваться, более того, каждый из них не терял надежды когда-нибудь к нему приблизиться. Потому что он, конечно же, был пообразованнее, и гораздо лучше, чем они, умел рифмовать слова, но, по сути, был абсолютно таким же простым и понятным, как и они сами. Все его записные книжки, даже черновики были досконально изучены, в его биографии не было ни одного темного и способного насторожить кого-либо из них пятна. Жена, любовницы, четверо детей, множество друзей, с которыми можно при встрече выпить и побеседовать - все ясно, и все в точности, как у них самих. И плюс ко всему, он был еще и признан гением, причем знающими людьми, а не только партией и правительством. Всего шаг в сторону - и там уже какие-то темные личности типа Лермонтова. Таким образом, Пушкин олицетворял собой для советских писателей едва ли не единственную надежду на гениальность. Как же им было после этого его искренне не любить и не боготворить? А рифмовать слова, если что, всегда можно было подучиться в Литературном институте.

Позвонила мамаше. На сей раз она была настроена не столь агрессивно, как в прошлый раз. Пожилой сосед с верхнего этажа, переводчик с немецкого, оказывается, откуда-то меня знает и, спускаясь по лестнице, вдруг ей сказал: «Передавайте поклон своей дочери от Саркози!» Поэтому мне повезло: мама была в хорошем настроении. Она, по-моему, вообще не в курсе, что у меня выходили еще какие-то книги, помимо переводов. За исключением «Голубой крови», по поводу которой даже полуслепая тетя Кира звонила ей и интересовалась, где можно срочно ее приобрести. Однако книги нигде не оказалось. Мамаша ее тоже не читала, а поскольку это было очень давно, она про нее сейчас, скорее всего, уже забыла. И это только к лучшему. Иначе, боюсь, моя жизнь превратилась бы в полный мрак. Представляю, сколько полезных советов мне пришлось бы выслушать, как мне следует писать и находить в людях положительные стороны, а не только смаковать всякие гадости и мерзости. Вокруг так много хорошего. В мире полно добрых людей, нельзя полностью замыкаться в себе и не видеть дальше своего носа, так поступают только крайне ограниченные люди вроде меня. Сама она сейчас преисполнилась негодования по поводу прошедших выборов и долго расписывала мне махинации партии жуликов и воров. Даже телевизор она теперь перестала смотреть и слушает исключительно «Эхо Москвы»: «Ах, какой замечательный Венедиктов! И какую прекрасную радиостанцию он сумел создать, как это важно...» Честно говоря, я от нее такого не ожидала. Про полированный гробик с золотыми ручками и то было слушать поинтересней.

Вообще-то, она, конечно, порой бывает даже более злобной, чем бабушка в Шепетовке. И я совершенно не понимаю, почему. Она-то вроде совсем неплохо устроилась. Практически никогда не работала. В советские времена несколько лет провела в дипломатической резиденции в Манагуа, где у нее были несколько самых настоящих слуг, а вокруг дома бегали два страшных пса, признававшие только отца. Поэтому она до сих

пор так и любит Хулио Иглесиаса и латиноамериканские сериалы про рабыню Изауру. Скорее всего, злость – это ее природный дар, который почему-то не передался мне по наследству. Я, мне кажется, до сих пор как-то слишком добра.

Для чего писатели объединяются? Если бы я страдала паранойей, переходящей в манию величия, то я бы, вероятно, думала, что они объединяются против меня. А так, остается только предположить, что им просто приятно общаться и видеть друг друга.

Профессионализм – это фетиш посредственностей. Лучшие художники, которых я знала, практически нигде не учились. О литературе и говорить нечего. Перевод в большей степени является ремеслом, но, все равно, так называемые «хорошие» переводы обычно бывают самыми худшими, особенно это касается стихов. Даже профессиональные преступники – и те мало отличаются от обывателей, так как имеют свою мораль и идеологию. Разве что профессиональные нищие вызывают у меня некоторую симпатию, поскольку ими больше, чем другими, движет не старательность и желание угодить окружающим, а цинизм и презрение к добру.

Бывают, кстати, еще фильмы, где главную роль исполняет баба, в которую все остальные персонажи влюблены, хотя она явно не отличается какими-то особыми внешними данными, да и лет ей уже хорошо за сорок. Просто по сценарию она – красавица. Обычно интрига в подобных фильмах отсутствует, но актеры, я заметила, играют с особым вдохновением. Сразу видно, что им не так уж часто удается по-настоящему достать зрителей, да еще таким изощренным способом.

Как писательницу-постмодернистку меня, вероятно, могли бы заинтересовать сейчас следующие темы для романов:

Черный квадрат или власть тьмы.

Навстречу утренней заре.

Тошнота-2.

Там вверху и наоборот.

Вишневый сад-3.

Преступление без наказания.

По направлению к савану.

Я - чайка. Перехожу на прием.

Русские мужчины.

Война миров и воскресение живого трупа.

Субботу опять перенесли на понедельник.

Быть Богом просто: все дозволено.

Дневник милиционера.

Кирилл из Бреста.

*Двое в комнате: я и Лени.
Бархатное подполье революции роз.*

Пожертвовала тридцать евро Википедии, а то они там какие-то все истощенные. Особенно одна старушка, сочинившая несколько тысяч статей. Боже мой, в жизни всегда есть место подвигу! Вот она, по-моему, достигла уже последней стадии дистрофии. Меня всерьез беспокоит, что ее фото давно не вывешивали. Жива ли? В ответ от них я получила трогательное послание про девочку, которая дала им пять фунтов. Но мне, собственно, не составило это большого труда, так как я все равно хотела закрыть свою карту, чтобы покончить наконец с покупками в интернете и с Нового года начать жизнь заново, стать более духовной. И лучше уж подарить бабки интеллигентным людям, чем каким-нибудь алкашам. А то у меня от тряпок уже ломаются шкафы и я, действительно, перестала понимать, что с ними делать. Можно, конечно, и прямо на помойку выносить. Но, тем более, непонятно, зачем их тогда покупать.

Не так давно я встретила на улице бабу, перешившую мой старый цветастый махровый халат с аляповатыми разводами, который из-за них ни с чем не спутаешь, в прекраснейшую телогрейку, подшив к нему изнутри остатки чьей-то шубы. Довольно мило получилось. Не помню уже, когда я этот халат выбросила, лет шесть или семь назад, по-моему. А еще одну я периодически встречаю в своем пиджаке. Он мне был где-то до середины бедра, а ей – ниже колена, и вполне заменяет пальто. Вообще, когда встречаешь личностей в своих бывших тряпках, то чувствуешь себя немного странно. Я все время начинаю думать, что они по каким-то признакам могут меня опознать, подкрадутся сзади и начнут этими лохмотьями душить. Как в кошмарном сне, короче. По этой причине я бы, пожалуй, даже предпочла не выносить свои старые вещи на помойку, а бесследно уничтожить. Но не разводить же, в самом деле, на улице из-за этого костер?

Очень давно, еще в другой жизни, моя парижская знакомая отвела меня к бабе, у которой недавно повесилась сестра. И та предложила мне какие-то вещи из гардероба покойной, поскольку по своим габаритам она была примерно, как я. И у нее, действительно, были довольно хорошие тряпки, поэтому я кое-что из них себе отобрала. Платья от Ланвен, пиджак Шанель, брюки и несколько юбок. Долгое время они оставались моими лучшими вещами, а одна кофточка до сих пор лежит у меня на даче. И самое главное, я точно знала, что никогда в этом мире не встречу их бывшую хозяйку. Эта мысль меня всегда утешала.

Возле Эрмитажа опять длинная очередь. Интересно, до какой степени отчаяния надо дойти, чтобы снова начать посещать музеи?

Мысленно представила себя стоящей возле картины Ван Гога с кустом сирени: когда он его рисовал, у него окончательно поехала крыша. В это мгновение мне даже захотелось смахнуть набежавшую слезу... Нет, все-таки, недаром музеи называют храмами искусства.

Забавно читать старые книги про писателей и философов девятнадцатого века. Каких бы взглядов любой из них ни придерживался, его мировоззрение практически всегда сводится к преобладающей у него на родине религии. К примеру, Ницше – типично протестантский мыслитель, потому что родился в Германии, где распространено лютеранство. И так почти про всех. Придерживаясь этой логики, я должна быть глубоко коммунистической писательницей, так как появилась на свет и воспитывалась в СССР. Но так ли это? Каким

образом господствующая в обществе идеология вообще способна оказывать влияние на сознание того или иного индивида? Как авторы подобных исследований себе это представляют? Очень хотелось бы это понять.

Бабушка Ницше водила его в детстве за ручку в церковь, и это наложило неизгладимый отпечаток на его неокрепшее сознание? А я, соответственно, посещала первомайские демонстрации и слушала призывы с трибун? На мой взгляд, даже если бы Ницше не отзывался о религии с презрением, а, действительно, постоянно заявлял о своей вере в Бога, то и в этом, случае, все равно, подобная особенность его мировоззрения имела бы ничтожное значение для понимания его личности. И это относится абсолютно ко всем людям, а не только к литераторам и мыслителям. Я еще могу понять, когда говорят, что любовь к пиву делает представителей какой-нибудь нации чуть более заторможенными по сравнению с другими людьми. Но приверженность к протестантству, православию, иудаизму, коммунизму или фашизму – это просто смешно. Все эти глобальные декларации, возможно, и позволяют отдельным особям почувствовать свою значимость и причастность к решению проблем мирового масштаба, но абсолютно ничего ни о ком из них не способны сообщить, никакой существенной информации. Ну, разве что являются свидетельством их ограниченных умственных способностей.

перечитывая заново

Открыла сегодня утром в метро «Американского психопата» у себя на телефоне. Пробежала глазами несколько строчек - ну, думаю, в таком ужасном переводе я этот текст читать не смогу. А потом смотрю – да это же эпиграф из «Записок из подполья». Что-то мне даже немного стыдно стало. Хотя фразы у Достоевского, действительно, на редкость корявые. Странно, что в юности я этого совершенно не замечала.

А сам перевод вполне адекватный, по-моему.

Испанцы, кстати, стали снимать неплохие триллеры. А раньше они мне казались умственно отсталой нацией, что-то типа норвежцев.

Нынешний декабрь в Петербурге теплее, чем в прошлом году в Париже. Но все равно этот город гораздо хуже приспособлен для обитания в нем бездомных. Во-первых, климат тут все-таки куда более суровый. Сегодняшняя погода – это всего лишь исключение из правил, а не норма. Здесь отсутствует традиция бродяжничества, поэтому общественное мнение настроено к бомжам крайне негативно. Здесь на тротуарах нет отапливаемых снизу решеток, на которых даже зимой в Париже можно запросто ночью спать. И наконец, здесь и близко нет таких прекрасных помоек. Русские люди, скорее, удавятся, чем вынесут из магазина на улицу просроченные продукты. А когда они садятся обедать, то сжирают буквально все, что перед собой видят, тщательно обгладывая каждую косточку, совершенно не заботясь о тех, кто мог бы потом найти остатки еды в мусорном баке и доест. Ко всему прочему, в Петербурге до сих пор живут те, кто перенес в свое время блокаду, а также их дети и внуки, которым с малых лет родители внушали, что выбрасывать недоеденный хлеб и прочие остатки пищи - чуть ли не самый страшный грех и преступление. «Что ты делаешь? Как тебе не стыдно! Да этот кусочек мог бы спасти жизнь брата твоей бабули!» Последнее обстоятельство фактически обрекает любого жителя Петербурга, кто оказался по стечению жизненных обстоятельств без крыши над головой, на голодную смерть.

Вляпалась перед праздниками в жуткую историю. Зашла в Ашан и в отделе посуды увидела салатницы, которые по своим габаритам как раз подходят для заливного, которое я наметила сделать на Новый год. Причем одни – французские и с пластиковыми крышечками, а другие – наши, без крышек, но в остальном точно такие же, кроме цены, так как французские стоили на сто рублей дороже. И всего из-за каких-то жалких кусочков пластика! Поэтому я решила взять десять штук наших, а потом подумала, что крышки мне тоже пригодятся - с ними все же заливное гораздо проще переносить до подоконника, пока оно не застыло. Однако не переплачивать же за такую ерунду целую тысячу! И я поступила так, как сделал бы на моем месте любой здравомыслящий человек. Просто переставила десять крышечек на уже лежавшие в моей тележке дешевые тарелочки и двинулась к кассе. Но тут меня вдруг охватили сомнения: не слишком ли получилось явно, кассир ведь может обратить на них внимание. Тогда я решила подстраховаться, сняла все крышки и, оглядевшись по сторонам, спрятала к себе в сумку. На кассе, как я и предполагала, никто ничего не заметил. Однако, когда я, уже окончательно успокоившись, направлялась к выходу, ко мне вдруг подвалил прыщавый тип в форме охранника и подчеркнуто вежливо предложил проследовать за ним. При других обстоятельствах я бы, наверняка, выразила громкое негодование по поводу столь бесцеремонного посягательства на мою свободу перемещения, но в данном случае от сознания, что у меня в сумке лежит десять противозаконно присвоенных крышечек, на меня напало настоящее оцепенение. Но как они догадались? Во-первых, там по всему магазину развешаны объявления: «Улыбнитесь! Вас снимает видеокамера», - а я почему-то не придала им никакого значения. Кроме того, рядом со мной в отделе посуды довольно долго крутилась похожая на крысу старуха, которая мне сразу не понравилась, а антипатия, я заметила, почти всегда бывает взаимной. Так что она тоже запросто могла отследить мои манипуляции с крышками и пойти на меня наступать. Все же, решившись на столь серьезный поступок, мне следовало быть предельно осторожной и при первом же подозрении вернуть все на место. А я поступила, как настоящий лох, практически как профессор из фильма про Штирлица, который не обратил внимания на предупредительный цветок на подоконнике и попал в руки гестапо. В детстве меня этот персонаж больше всего раздражал своей безмятежной тупостью и невнимательностью, а теперь меня, вероятно, саму отправят в милицию, где я и проведу новогоднюю ночь...

В крошечной комнатке, недалеко от входа в магазин, меня уже ждала сидевшая за столом девица в очках: «К нам поступили сведения, что у вас имеются неоплаченные в кассе товары, поэтому мы хотели бы провести досмотр ваших вещей». Я не возражала, так как решила больше вообще ничему не противиться и ничего не говорить, воспользовавшись дарованным мне американскими сериалами правом хранить молчание. Между тем, исчезнувший на время охранник снова вернулся и встал возле дверей, видимо, чтобы я не сбежала. Теперь я смогла его получше разглядеть: лицо у него оказалось вовсе не прыщавым, а просто было все изъедено оспой. Совершенно отвратительный тип, классический извращенец, какие обычно подстерегают маленьких девочек у подъездов домов. Странно, что он устроился охранником в магазин, а не в школу, где бы ему, наверняка, было поинтересней. Плюс ко всему, от него еще и ужасно воняло – это я заметила сразу, как только он ко мне подошел. Такое впечатление, что он уже несколько месяцев не мылся. Но самые жуткие рожи глядели на меня с противоположной стены, где была представлена целая галерея тех, кто когда-либо пытался совершить кражи в этом магазине. Там, точно, были собраны фотографии всех окрестных бомжей и алкоголиков. Я сразу же представила себе, как чудесно будет смотреться мое фото среди этих уродов и даунов. По сравнению с такой перспективой даже праздничная ночь в милиции стала казаться мне безобидным приключением.

В принципе, у меня с собой было удостоверение Международной федерации журналистов, у которого из всех имеющихся у меня подобных документов наиболее

внушительный вид. Самое главное, что там на обложке крупными серебряными буквами вытиснено слово «ПРЕССА». Поэтому я всегда и ношу его с собой, просто на всякий случай. Обычно, оказавшись в какой-нибудь затруднительной ситуации, я его даже не предъявляю, а начинаю рыться в сумочке в поисках носового платка, например, и как бы невзначай выкладываю на стол. И, как правило, этого бывает вполне достаточно. В последний раз я так поступила в Гостином Дворе, чтобы вернуть деньги за туфли, у которых в первую же неделю сломался каблук, когда заметила, что продавщица не расположена брать у меня заявление. Но на сей раз даже трюк с удостоверением проделывать было бессмысленно. Наоборот, информация, что к ним в руки попался не очередной бомж, а публичный человек, который должен дорожить своей репутацией, могла только простимулировать этих личностей окончательно вцепиться в меня мертвой хваткой. И тогда новогодняя ночь в милиции будет мне практически гарантирована, а так, я еще не теряла надежды как-то с ними договориться и все утрясти. Они ведь не в курсе, что я пишу такие книги и перевожу таких авторов, что мои читатели, узнав о совершенном мной хищении десяти пластиковых крышечек в гипермаркете, проникнутся ко мне еще большим благоговением. А любая огласка этого факта, в свою очередь, способна привести к значительному росту тиражей моих книг. Куда там! У меня не было ни малейшего сомнения, что ни стоявший у дверей маньяк, ни сидевшая напротив меня сотрудница магазина никогда в жизни даже не слышали слова «постмодернизм». Последняя, конечно, была в очках, но те только еще больше делали ее похожей на дауна.

Тем временем, девица берет у меня чек и начинает последовательно выкладывать из моего пакета продукты на стол, сверяя каждый из них с соответствующей графой в чеке. После того, как все, включая десять отечественных салатниц, оказалось полностью мной оплачено, она, уже почти не скрывая своего злорадства, просит меня показать ей сумочку. По-моему, она даже специально оттягивала этот момент, чтобы слегка продлить удовольствие от предчувствия своего окончательного торжества. Я протягиваю ей сумку. Она вытаскивает оттуда крышки и без видимого интереса произносит: «А-а-а, это крышки от этих салатниц». Я, естественно, утвердительно киваю головой. Она их пересчитывает: все правильно, десять штук. «А что там у вас еще?» Я демонстрирую ей остальное содержимое – больше ничего интересного там не оказывается. После чего на ее лице отражается страшное разочарование, и она утрачивает ко мне всякий интерес. Все, теперь я могу идти. Она приносит мне свои извинения, но к ним, видимо, поступила неверная информация и т.п. И тут наконец до меня доходит, что мне, вероятно, просто не следовало прятать крышки в сумку. Это была моя главная ошибка. Именно это действие и зафиксировали камеры наблюдения, а что конкретно я туда положила, они не разобрались. Черт! А я еще сомневалась. Стоит ли сразу брать все десять крышек, не слишком ли это будет? Может, сначала взять пять, а в следующий раз добрать остальные? И если бы я так поступила, то меня теперь, скорее всего, ждал бы провал. Кроме того, у меня до самого последнего момента в голове вообще не было никакой отступной легенды на случай, если бы она вдруг меня спросила, а что это за крышки, и почему они у меня в сумке. Она сама все за меня озвучила, а я ведь в ответ на ее вопрос, если бы таковой вдруг был задан, могла сказать вообще неизвестно что, начать оправдываться, и тогда меня тоже бы, наверняка, разоблачили. Но тут вдруг все так удачно завершилось и совершенно неожиданно для меня. Как будто я села играть в карты с достаточно высокой ставкой, и вот партия подошла к самому концу, и я вижу, что у меня на руках осталась некозырная семерка, так что рассчитывать мне фактически не на что, а остается просто сидеть и со смирением ждать неизбежной развязки. И тут твой противник выкладывает шестерку, причем в масть. Короче, этот Новый год я справилась в хорошем настроении.

В чувстве прекрасного так много общего с чувством юмора, что их очень часто путают. Поэтому сатирики, когда читают свои тексты, обязательно делают выразительные паузы, давая возможность публике посмеяться. Им важно, чтобы все поняли, что они шутят, так как юмор - это признак ума, а красота – общеизвестный атрибут легкомысленности и глупости.

любите ли вы Вагнера?

Всякий раз к концу года меня охватывают сомнения, а стоит ли платить взносы во все эти союзы, в которых я сейчас состою. Суммы-то продолжают увеличиваться, а зачем мне это надо, я так и не поняла. Для того, чтобы пользоваться поликлиникой ВТО, например, вполне достаточно быть членом СК, так как он хотя бы позволяет еще и бесплатно посещать Дом кино. А остальные, мне кажется, давно пора послать на фиг. Писательские и журналистские удостоверения в любом случае можно будет себе оставить, чтобы при необходимости предъявлять наиболее надоедливый даунам. Но платить за них бабки вовсе необязательно. Даунам вполне хватает слова «ПРЕССА» на обложке – внутрь еще никто ни разу не удосужился заглянуть, чтобы поинтересоваться фотографией и, тем более, датой продления. При таком раскладе я вообще могла бы спокойно приобрести себе похожие «корочки» в переходе метро, и они бы мне, точно, гораздо дешевле обошлись. А быть писателем в наше время и вовсе бессмысленно, даже членский билет мне еще ни разу, по-моему, не пригодился. По этой причине я его обычно с собой никогда не ношу: так и валяется где-то на дне коробочки с документами. И какой с него толк? Не говорить же, в самом деле, кассиру в магазине: «Вы меня обсчитали, и я теперь опишу вас в своем романе». Просто не представляю, кого сегодня может впечатлить то, что ты – писатель. Переводчик - еще куда ни шло. Ему, по крайней мере, нужно знать языки. А писатель? Водит себе рукой по бумаге, и все. Это несерьезно.

Кроме того, помимо удостоверений у меня все-таки есть еще и орден. Тем более, все эти союзы и взносы мне теперь не особенно нужны. Правда, я до сих пор так и не решила, как мне его носить, чтобы не быть похожей на выживших из ума ветеранов ВОВ, которые обычно обвешиваются наградами с ног до головы. Сам по себе мой орден, конечно, гораздо красивее, чем их дешевые побрякушки. Он сделан из настоящего серебра, покрыт тонкой эмалью и имеет форму изящного восьмиконечного креста. Это вам не плешивая башка на красном знамени! Надо отдать должное французам – с чувством стиля у них все в порядке. Но как мне его носить? Тимур Петрович постоянно ходил во фраке и с тросточкой, поэтому мог себе позволить огромную восьмиконечную звезду на лацкане. По-моему, это была какая-то бижутерия, но на нем она вполне органично смотрелась. Однако я так не одеваюсь. Можно было бы, наверное, ограничиться узенькой орденской планкой: прицепить ее на краешек воротника и ходить, со значением поглядывая по сторонам. В Париже я бы, вероятно, так и поступила, но у нас такую тонкую изящную полосочку элементарно никто не заметит. Иначе бы ветераны не обвешивали себя медалями с ног до головы, а тоже ходили бы с необременительными тряпочными ленточками, полосками и ромбиками. Зачем им таскать такую грудку металла на себе? В их-то возрасте? Однако весь их богатый жизненный опыт подсказывает им, что в России иначе нельзя. И в каком-то смысле я их понимаю. Но уподобляться им мне почему-то все равно не хочется. И мне, кстати, не совсем ясно, откуда у них столько медалей и орденов. Они, что, действительно, замочили столько фашистов и совершили столько подвигов? Причем, я заметила, чем больше после окончания войны проходит времени, тем обильнее грудь оставшихся в живых ветеранов покрывается наградами. На День победы у

некоторых из них они свешиваются уже чуть ли не до колен. Может быть, они раскапывают могилы своих умерших товарищей, вскрывают гробы и присваивают их ордена себе? На месте правоохранительных органов я бы обратила на этот факт более пристальное внимание. Хотя вряд ли кто захочет связываться с героями войны. Если что-то подобное и обнаружится в реальности, то всю информацию об этом, наверняка, сразу постараются замять. Должны же в обществе оставаться хоть какие-то идеалы и примеры для подрастающего поколения. Правда, чтобы притащиться ночью на кладбище, разрыть захоронение и залезть в гроб с полуразложившимся трупом, тоже нужно обладать немалым мужеством. Я бы, пожалуй, на это не решилась. На такое способен только закаленный в боях человек. Об этом я, собственно, и говорю.

Ну, ладно. Допустим, я все-таки нацеплю на себя орден. Зимой, в принципе, под верхней одеждой на улице никто ничего не заметит, даже если бы я шла с Железным крестом вермахта на груди. Но куда я в таком виде пойду? Может быть, на собрание писателей? Ну, уж нет. Они меня и без того ненавидят, а когда увидят орден, то, наверное, вообще захлебнутся от злобы. К писателям с орденом я не рискну пойти по соображениям безопасности. Не говоря уже о том, что, стоит мне немного зазеваться, как кто-нибудь из них, наверняка, постарается у меня этот орден спиздить. Так что данный вариант я полностью исключаю. В театр? Это уже более реально. Но тогда уж лучше в оперу. Все-таки, когда люди поют или танцуют, они становятся чуть меньше похожи на самих себя – в такие мгновения в них пробуждается что-то сверхчеловеческое, объединяющее их с животными и птицами. Раньше мне вообще очень нравилась опера, а кривляния актеров на сцене меня никогда особенно не прельщали, разве что в школе, когда я с несколькими своими одноклассницами постоянно таскалась в ТЮЗ, где тогда играл высокий блондин, забыла уже его фамилию, в которого одна из моих подруг была влюблена. Но теперь, правда, и опера мне порядком осточертела. Особенно меня раздражает дирижер со своей идиотской палочкой. Из-за нее он напоминает мне учителя с указкой, а сидящие перед ним в оркестровой яме музыканты становятся похожи на послушных учеников, с трепетом следящих за каждым движением руки своего наставника. Глядя на них, я просто физически не могу заставить себя воспринимать всерьез изливающиеся из-под их смычков звуки, какими бы трагическими они ни были по замыслу композитора. Эта кучка старательных обывателей все портит. Так и представляешь себе, как мамы водили их в детстве в музыкальную школу, где они с утра до вечера долбили нотную грамоту, чтобы потом поступить в консерваторию и, наконец, устроиться на «теплое место» в одном из престижных театров страны...

Но, предположим, что я все-таки пересилю себя и отправлюсь слушать оперу. И если уж я решусь на такой шаг, то, скорее всего, пойду на Вагнера. Во-первых, билеты в театр сейчас стоят недешево, а раз уж ты идешь туда исключительно для демонстрации своих наград, то лучше выбрать такое представление, которое длится максимально долго, как у Вагнера, чтобы окружающие имели возможность тебя как следует рассмотреть. Кроме того, его музыка в основном состоит из дребезжания и боя литавр, поэтому, я заметила, что многие слушатели, особенно неподготовленные и пришедшие в театр просто за компанию с женой или друзьями, уже в самом начале начинают ерзать в кресле и озираются по сторонам. То есть происходящее на сцене таких личностей особенно отвлекать не будет, и поэтому, по крайней мере, некоторые из них смогут получше разглядеть меня и мою награду, а потом, возможно, еще и расскажут своим знакомым, что видели в театре бабу с необычным украшением на груди, похожим на иностранный орден. А вдруг это та самая дама, о которой в последнее время все вокруг так много говорили? Представляю, как они будут довольны, что не зря потратили свое время и сходили в театр.

И наконец, Вагнера поддерживал Людвиг Баварский. Поэтому, пусть и не в его музыке, но в звучании его имени все-таки есть что-то приятное. Лучше уж потом всем говорить, что ты была в театре и слушала Вагнера, чем какого-нибудь Моцарта или Глинку. Поэтому,

если я в ближайшее время и соберусь куда-нибудь пойти, то, скорее всего, это будет Вагнер.

Удивляет такое ничтожное количество смертей в январе. Казалось бы, после всех этих праздников, каникул и обильных возлияний писатели и актеры должны отправляться в мир иной пачками. Но нет, по моим наблюдениям, чаще всего они умирают где-то в марте-апреле. Видимо, от недостатка витаминов.

Видела сегодня афишу с Борисом Моисеевым: «Король эпатажа вернулся!» Откуда вернулся? С Луны? Кажется, я что-то пропустила.

На месте Бога, если таковой существует, я бы отправила всех верующих во главе со святыми в ад. Хотя бы за то, что они навязывают остальным людям представления о нем как о носителе истины и идеале красоты. Практически любой политик или бизнесмен может позволить себе быть тупым уродом. А Бог, что, обязан быть прилежным учеником и фотомodelью?

Журналисты, конечно же, еще тупее, чем писатели. Но дело в том, что само слово «журналист» уже является нарицательным и означает что-то вроде «олигофрен». По этой причине большинство людей, когда его употребляют, стараются избегать тавтологии и говорят просто: «журналист». Из-за этого у подрастающего поколения, видимо, и возникает иллюзия, будто это чрезвычайно престижная профессия, которая ни у кого не вызывает нареканий. Этим же можно объяснить и то, что конкурс на факультетах журналистики университетов сейчас гораздо выше, чем в Литинституте.

Поп-звезды постоянно поют про любовь и, судя по всему, нисколько не сомневаются, что эта тема во все времена волновала лучшие умы человечества. Своей непосредственностью они больше всего напоминают мне Достоевского, который с таким же упорством и усердием писал про Бога и искренне верил, что тот является чем-то исключительно значимым и необходимым для людей. Это сходство лишний раз указывает на то, что Бог и любовь, действительно, могут быть чрезвычайно важны и полезны, так как помогают отличать наиболее доверчивых и наивных индивидуумов от тех, кто превосходит их в интеллектуальном и духовном развитии.

В кабинете поликлиники ВТО, где берут кровь из пальца, сидят три бабы в белых халатах, каждая размером со шкаф – в ширину, по крайней мере. Даже странно, что они как-то умещаются на вращающихся стульчиках на тонкой ножке. И у всех багровые лица и синие губы. Жуть. Хорошо, что кровь сдают утром, а не на ночь. А то бы я плохо спала.

Было бы, кстати, забавно реконструировать ситуацию, когда Солженицын и другие диссиденты из Советского Союза в семидесятые годы притащились на Запад, прихватив с собой Бога, нравственную проблематику и прочую рухлядь. Какой эффект их появление должно было там произвести? Приоткрытого сундука с тараканами, гнилью и плесенью, не иначе.

Хрущев и Брежнев на их фоне выглядят сегодня продвинутыми авангардистами.

любовь к дальнему

И все-таки, надо было родиться и вырасти за «железным занавесом», чтобы долгое время воспринимать Японию исключительно как страну Акутагавы, а Швецию – как родину Стриндберга. Более близкое знакомство с зарубежными странами повлекло за собой неизбежную череду разочарований. Французы предстали мало похожими на Рембо, но, по крайней мере, вежливыми. Об остальных я вообще молчу. Ну и, конечно же, самой неожиданной стала встреча с Россией, «которую мы потеряли». Это если не считать китайцев, и вовсе оказавшихся самыми что ни на есть тупыми чурками.

Зашла вчера в магазин на Садовой, чтобы купить себе носки. Девка с круглым, как блин, лицом, что называется «русский тип», подскочила ко мне и стала демонстрировать самые уродливые образцы их продукции. Давно заметила, что как только так называемые «простые люди» видят на тебе очки, то почему-то сразу решают, что ты их клиент и тебе можно втюхать все, что угодно. Я хотела уже послать ее, как тут подошла еще какая-то баба в черном суконном пальто с прилипшими к спине белыми нитками и сказала: «А покажите мне, пожалуйста, вон те, с клубочком». И тут продавщица вытаскивает с нижней полки пару черных носков с миниатюрным серым котенком, который, действительно, держал в лапках совершенно микроскопический клубок ниток. Как его можно было увидеть с такого расстояния – не представляю. Я и вблизи-то его разглядела с трудом.

Всю дорогу домой потом об этом думала. Мне кажется, они специально сговорились и разыграли эту комедию, чтобы меня достать.

Главный и единственный смысл политики и религии заключается в том, чтобы отвлекать на себя всеобщее внимание. Если бы, говоря о своих эстетических предпочтениях, люди мучились и опасались осуждения окружающих, как при совершении нравственного выбора, то эстетика стала бы такой же бессмысленной, как и мораль. Человек способен сообщать о себе нечто важное только до тех пор, пока не придает этому никакого значения.

Человек, наделенный чувством юмора, чаще других рискует быть не понятым окружающими. И чем тоньше его шутки, тем выше степень риска и уже круг посвященных. Серьезность – это шутка, смысл которой понятен только ее автору. Поэтому быть серьезным далеко не так просто, как многие думают.

Что-то я совсем перестала понимать, зачем нужно так называемое мировоззрение. Возможно, политикам без него нельзя или там священникам – им за это платят. Но если кому-то так повезло, что он может в зависимости от настроения смотреть на мир с совершенно разных точек зрения – с какой стати он должен себя ограничивать какими-то рамками? Между тем, многие писатели и художники почему-то считают себя чуть ли не обязанными примкнуть к «левым», «правым», верующим или же атеистам. У меня такое ощущение, что для людей искусства мировоззрение – это примерно то же, что машина или дача для обывателей. Без него они чувствуют себя недостаточно солидными.

Все-таки, Евангелие – одна из самых жизненных и правдивых книг. Сколько раз я приходила в какую-нибудь контору или издательство и слышала: «Ну что же вы не зашли вчера, у нас как раз была крупная партия бабок, которые мы не знали, куда пристроить. А сегодня, увы, уже поздно. Но нам, конечно же, очень интересно то, что вы предлагаете. Загляните где-нибудь недельки через две...»

Вот так и Иисус Христос. Вчера воскрешал мертвецов, несколько дней назад ходил по воде и превращал воду в вино, а в решающий момент, надо же, оказался на кресте.

Зато через пару дней, когда зрители разбрелись, у него опять, по слухам, все стало о'кей.

Когда я слышу, как литераторы мужского пола с гордостью оповещают своих читателей, что у них трое и более детей, мне почему-то всегда хочется уточнить: «А от скольких жен?» Дело в том, что где-то годам к пятидесяти у писателей обычно их число существенно возрастает. Количество детей, соответственно, тоже. Правда, гордиться этим фактом становится неприлично. Так было даже в советские времена, хотя в парткомах тогда за подобными вещами достаточно строго следили. Это с точки зрения обывателей. А для человека искусства и дети от одной жены – это моветон.

Культура, созданная многодетными родителями, блокадниками, ветеранами войны, ликвидаторами и прочими категориями граждан, замеченными в каких-либо общественно-полезных делах и поступках, ужасна.

Не только Пушкин непереволим. Например, исключительно деревенские девки, которые, сидя на завалинке, лузгают семечки и, глядя, как случайно заехавший к ним в глушь городской модник в клетчатых штанах спотыкается о кочки на проселочной дороге, прикидывают между собой, что такой у них мог бы стать разве что пастухом, способны понять, какие чувства я испытала, когда, приехав в Париж и, зайдя в издательство Галлимар, открыла рекламный буклет, где натолкнулась на писателя Прилепина, решившего поделиться с французскими читателями своими соображениями о тонкостях перевода.

Из педофилов получают лучшие учителя, а из людоедов – прекрасные правители. В этом смысле, Библия права: без любви к тому, с чем ему приходится иметь дело, человеку сложно справиться со своими обязанностями.

Я в детстве воровала краски в универмаге. Надо было мне, наверное, становиться художницей, а не писательницей.

Чем умнее человек, тем больше он похож на идиота. А все потому, что ума, в отличие от красоты, в природе просто не существует. Однако некоторые люди настолько глупы, что этого не понимают.

В последнее время я в общественном транспорте почти не езжу, предпочитаю ходить пешком. Но сегодня пришлось тащиться в Купчино. Оказывается, я за всю жизнь там еще ни разу не была. Видимо, в честь расположенной неподалеку улицы Гашека сразу при выходе из метро «Купчино» натыкаешься на металлический памятник bravому солдату Швейку, в человеческий рост и с блестящим носом, потереть который стараются практически все прохожие. Даже шедшие передо мной две благовидные старушки в платочках и те, вытянувшись на цыпочках, совершили местный обряд. Я ждала, что после они начнут кланяться и креститься, но этого почему-то не произошло. Хотя было бы логично, вообще-то. Я же этого делать не стала, поскольку обычно хожу тереть пяточку на барельефе памятника Петру возле Инженерного замка. В какой-то момент я тоже едва не поддавалась искушению, но потом одумалась и решила, что нельзя столь легкомысленно предавать объект своего преклонения, из-за этого меня может постичь ужасная кара. К тому же Гашека с его солдатским юмором я всегда терпеть не могла. Так что с моей стороны прикосновение к носу данного персонажа было бы еще и проявлением лицемерия.

А пока ехала в вагоне метро, наслушалась ужасов про некий универмаг «Народный», которыми с диким хихиканьем делились между собой четверо молодых людей. Все они побывали в нем, насколько я поняла, по заданию своих бабушек, потому что продукты там стоят гораздо дешевле, чем в других магазинах. Но не все так просто. Этот универмаг полон безумных пенсионеров, которые носятся повсюду с тележками, используя их, как тараны, орут и ругаются матом. Полки с продуктами почти мгновенно пустеют, а в оставшиеся пакеты вцепляются сразу по несколько человек, из-за чего повсюду можно наблюдать борющихся друг с другом и даже катающихся по полу стариков среди

безжалостно раздавленных яиц, рассыпанной крупы и растоптанных овощей. Но больше всего меня впечатлила история о том, как на дне огромного контейнера с луком однажды был обнаружен труп девушки...

Уже третий день на крыше дома напротив копошатся рабочие, периодически подползая к самому краю и ощупывая стоки водосточных труб. Интересно было бы посмотреть, как кто-нибудь из них соскользнет и полетит вниз с высоты шестого этажа. Это внесло бы в мою жизнь немного разнообразия.

Есть вещи, которые я вероятно, уже никогда не пойму. Тот же Маркс, например. Даже на расстоянии видно, что он был не особенно умен. Однако это вовсе не мешает ему иметь статус гения и кучу поклонников. И все потому, что он написал толстую книгу с экономическими выкладками и глубокомысленными рассуждениями о судьбах человечества. А то, что ее автор был дурак, никого не волнует.

Главное – научиться преодолевать тошноту, которую у тебя вызывают люди. Единственный навык, который может по-настоящему пригодиться в жизни. Как в фильме про крушение самолета, где выжили только те, кто смог заставить себя есть мясо умерших. Самолет упал в горах, среди вечных льдов, поэтому тела тех, кто погиб, прекрасно сохранялись, как в холодильнике, и не представляли никакой опасности для желудка. Однако пересилить себя смогли далеко не все.

Прочитала где-то, что «Бог часто является людям через безумие», и поняла наконец, почему всякий раз, когда я вижу сумасшедшего, мне так хочется дать ему в лоб.

В «Поколении убийц», судя по всему, так и будут одни сплошные разговоры. Пять серий я терпеливо ждала, когда кто-нибудь совершит убийство или прибежит хоть к небольшому насилию, а теперь чувствую, что дальнейшее ожидание лишено всякого смысла. В этом фильме подобные сцены, видимо, не предусмотрены бюджетом.

Зато благодаря всем этим бесконечным разговорам о валяющихся вокруг жертвах оставшихся за кадром баталий я вдруг открыла для себя подлинный смысл войны. Насколько это приятное занятие. Раньше я почему-то об этом не задумывалась. С удовольствием бы сейчас взяла автомат и пошла всех мочить. И самое главное, что тебе за это ничего не будет.

Удивительно, но много лет назад я чуть ли не часами могла ждать автобус, чтобы проехать какие-нибудь жалкие пятьсот метров, которые сегодня я спокойно прохожу за пять минут. Вроде бы и сил тогда у меня было больше, а все равно. Возможно, это из-за того, что в молодости окружающий мир кажется тебе полным загадок и уходящих в таинственную темноту перспектив, а с годами все пропорции максимально приближаются к реальности. Особенно если постоянно гулять по городу пешком и измерять их собственными шагами.

Между тем, я всегда инстинктивно старалась избегать чрезмерного проникновения в какую-нибудь сферу, будь то наука, кино или даже литература. Наверное, мне хотелось, чтобы вокруг меня всегда оставалось как можно больше загадок и тайн. А о таких простых вещах, как прогулки пешком по городу, и их последствиях я никогда даже не задумывалась. Более того, теперь не только Петербург и Париж, но весь земной шар кажутся мне совсем крошечными и тесными. Похоже, отказавшись от погружения в одну из областей человеческой деятельности, я как-то незаметно для себя стала, если так можно выразиться, «специалистом по всему». Уж лучше бы я блуждала сейчас где-нибудь в дебрях лингвистики или филологии. Пусть я знала бы много лишнего про фонемы и писателей, зато остальной внешний мир до сих пор оставался бы для меня окутанным таинственным полумраком.

А так, не только Иисус Христос, но даже математик Перельман не несут в себе больше никакой тайны.

уроки классики

В этом году исполняется двести лет Гончарову. В детстве он мне, скорее, нравился, да и сейчас не вызывает никаких особых отрицательных эмоций. Тем более странно, что в «Моей истории русской литературы» отсутствует специально посвященная ему глава, а я упоминаю его там, кажется, только в связи с Тургеневым. На информацию о его юбилее я случайно наткнулась в сети, когда ненадолго заезжала в город, и еще тогда поймала себя на мысли, что практически ничего не знаю об его жизни. Удивительно, но в школьной программе, в отличие от других русских классиков, Гончаров почему-то присутствовал исключительно в виде своих текстов, главным образом, романа «Обломов», а про факты его личной жизни ученикам никто ничего не рассказывал. Интересно, почему? Конечно, Шолохов, Фадеев, Твардовский и прочие советские писатели тоже были представлены только своими произведениями, но права на личную жизнь им как бы не было предоставлено по существовавшей тогда негласной субординации. Последними, кому дозволялось иметь биографию, стали Есенин и Маяковский, которые тоже, пусть и с некоторой натяжкой, причислялись к классикам. Это как раз понятно.

Но что случилось с Гончаровым? Все представители русской классической литературы девятнадцатого века находятся в сложных драматических отношениях с царем, страдают от взбалмошных жен, обзаводятся любовницами, а он, такой же точно классик, как и они, скромно скрылся за текстом своих романов. И в результате, я до сих пор ничего о нем толком не знаю. К сожалению, сейчас на даче у меня нет возможности заглянуть в гугль и восполнить этот пробел. Но когда я приеду в город, я обязательно это сделаю. Наверняка, тут кроется какая-то страшная тайна.

Кстати, именно в четко выстроенной иерархии духовных ценностей и в последовательном соблюдении вытекающих из них субординаций заключается главное достоинство советской школьной программы по литературе. Тот, кто прошел подобный курс обучения, уже никогда не сможет избавиться от некоторых фундаментальных представлений об окружающем мире, до которых самостоятельно ему было бы гораздо сложнее дойти. И помимо упомянутых выше сложностей, с которыми сталкивается писатель при обретении права на интересную окружающим биографию, там есть еще

много чего поучительного и интересного. Например, благодаря этому курсу, все знают, что существуют классики, вроде Пушкина, Толстого или того же Гончарова, которые представляют собой нечто вроде воплощенного идеала, каковому все так или иначе стремятся подражать, однако рядом с ними присутствуют еще и личности вроде декабристов или же Чернышевского, далеко не столь гениальные, зато более нравственные и глубже постигшие истину. И эта коллизия в том или ином виде постоянно повторяется на протяжении всей русской истории. Например, Горький, с одной стороны, менее совершенен, чем Толстой, и этого никто не скрывает, все это признают, включая и самого Горького, но с другой стороны, именно Горький гораздо больше всего понял и осознал... Таким образом, лично я, вероятно, уже никогда не сумею избавиться от ощущения, что, чем сильнее тот или иной человек сумел приблизиться к конечной истине бытия, чем выше он поднялся по ступеням нравственного развития, тем он бездарнее. И должна сказать, что эта открывшаяся мне еще в школьные годы парадоксальная закономерность на протяжении всей моей жизни еще ни разу меня не подвела.

Хорошо, когда тебе поклоняется толпа. Тогда ты не зависишь от мнения отдельных личностей: на место одних всегда придут другие, а возмущенные и восторженные голоса сливаются в монотонный гул.

Только вознесшийся над массами писатель может быть по-настоящему свободен.

волшебные слова благодарности

Увидела сегодня в витрине букиниста детскую книжку Осеевой «Волшебное слово» и сразу вспомнила почему-то, как много лет назад, чтобы поступить в секцию перевода СП, мне не хватало одной рекомендации, и я решила попросить ее у известного московского писателя. Он был франкофон, всегда восхищался моим переводом «Смерти в кредит» Селина и, к тому же, был у меня в долгу за небольшую услугу, которую я ему ранее оказала. Короче, он сразу же согласился, но в самый ответственный момент, когда все остальные документы были мной уже собраны, вдруг перестал подходить к телефону: как ни позвоню, все время трубку снимает его жена и говорит, что он только что вышел. В конце концов, мне это надоело, да и времени для поиска других вариантов у меня уже не оставалось, поэтому я решила сочинить себе рекомендацию сама, просто поставив под ней какую-нибудь закорючку и выдав ее за подпись этого писателя. Все равно ведь он живет в Москве и вряд ли когда-нибудь об этом узнает, а графологическую экспертизу тоже проводить никто никогда не будет. Так я тогда думала, да и сейчас, честно говоря, продолжаю думать.

Однако для верности я все же решила немного подстраховаться. Писатель был значительно старше меня, поэтому я подумала, что, если когда-нибудь вдруг до него дойдут слухи по поводу якобы написанной им рекомендации, было бы неплохо, чтобы он считал, что действительно мне ее дал или же, на худой конец, не был точно уверен в противоположном. Люди с возрастом, приближаясь к маразму, часто не способны восстановить в памяти все детали своих поступков в прошлом, особенно если они их когда-то только обсуждали или намеревались совершить. И для того, чтобы в глубине бессознательного у писателя запечатлелось как можно больше ассоциаций, связанных с данным событием, я на всякий случай еще раз позвонила ему в Москву. Как я и ожидала, к телефону опять подошла его жена, и я, стараясь говорить как можно более выразительно и разборчиво, произнесла в трубку: "Передайте, пожалуйста, NN, что я ему очень-очень

признательна за то, что он для меня сделал! Я ему этого никогда не забуду!" После чего я, исключительно для страховки, переспросила, хорошо ли меня поняли, и еще один или даже два раза отчетливо повторила те же самые слова. Закончив разговор, я сразу же села печатать себе рекомендацию, но не успела дойти и до половины, как раздался звонок из Москвы. Звонил писатель, который к моему глубокому изумлению вдруг стал передо мной извиняться, умолять меня, чтобы я на него не обижалась и т.п. Судя по всему, он был явно напуган, и даже голос его довольно сильно дрожал от волнения. Ну а через несколько дней я получила по почте и нужную мне бумагу.

Рано или поздно искусство станет новой религией. Начнут возводиться храмы, посвященные Селину и Жене. Распутина, наконец, причислят к лику святых. А предметом всеобщего поклонения станет красота, с которой будет соперничать взявший на себя функции дьявола юмор. И только отдельным посвященным будет доступно понимание тонкого различия между ними.

Символом новой веры я бы сделала человеческое лицо. Гримаса смеха не позволяет простым смертным разглядеть: скрывается за ней красота или уродство, мужчина или женщина.

На каждого Сталина у интеллигенции всегда найдется свой маркиз де Сад. Главная проблема политиков заключается в том, что, как бы они ни извращались и ни пытались продемонстрировать свою крутизну, им все равно приходится выступать за добро, боженьку, детишек и прочую слюнявую хрень. И это исключительно проблема жанра. Если бы поп-певец перестал петь про любовь, он стал бы рок-звездой.

Одним из незабываемых воспоминаний прошлого лета стал писатель Проханов на канале Россия. Так уж вышло, что телевизор я включаю главным образом на даче. Оказывается, в юности он какое-то время жил в русской деревне, среди замечательных русских людей, ходил в русский лес, любовался на русские поля и купался в русских озерах и реках. А переехав в Москву, стал посещать андеграундную тусовку из окружения Мамлеева...

Забавно, но понадобилось двадцать лет, чтобы я наконец поняла, почему Маша Мамлеева в 91-м в Париже, чуть ли не в момент нашего знакомства, поинтересовалась у меня, как я отношусь к Проханову. Тогда, честно говоря, ее вопрос застал меня врасплох, поскольку в то время он был для меня всего лишь одним из многих советских писателей, которых я вообще с трудом различала. Естественно, я и представить себе не могла, что он станет потом таким декадентом, в некотором смысле, даже покрусче Мамлеева. Ах, да, и в Литгазету, кстати, куда в советские времена начинающему писателю и журналисту было невероятно сложно попасть, его тоже взяли исключительно потому, что он знал много русских песен.

парадоксы времени

После встречи с писателями поневоле начинаешь чувствовать себя гением. Глядя на верующих, осознаешь себя чуть ли не святой.

Даже если не пить, просто по закону сохранения энергии, на смену духовному подъему всегда приходит упадок сил, и наоборот, чем хуже настроение у тебя сейчас, тем лучше оно будет завтра. Поэтому состояние депрессии меня радует, а прочих приятных ощущений я стараюсь избегать.

Оказывается, черные блестящие ботинки «Доктор Мартенс», которые я купила год назад, любят скинхеды. На самом деле, я и сама так подумала, прежде чем мне об этом сказали. Они, должно быть, представляют, что Гитлер победил, и эти ботинки шьют в Африке из натуральной человеческой кожи. И называются они, естественно, «Доктор Менгеле», а «Доктор Мартенс» - это, как его, забыла... эвфемизм. Было бы, кстати, прикольно приобрести себе именно такие ботинки. Обуваешься и садишься писать роман.

Мелочь, казалось бы, но сразу чувствуешь прилив вдохновения.

У одиночества множество достоинств, но есть и свои минусы. Чем меньше ты знаешь людей, тем реже тебе приходится радоваться их уходу в мир иной.

«Широк русский человек», – льстил Достоевский своим читателям, чтобы заработать на рулетку. И вот результат. В смысле, у мелочных французов, например, все расписано по часам. Если тебя пригласили к восьми вечера, то можешь рассчитывать на обед, а днем – только на чашку кофе. Но если ты идешь к русским, пусть даже из «белых», то время не имеет никакого значения – все равно ты даже воды не дождешься. А должна сказать, что во время своего первого визита в Париж я постоянно испытывала голод. Тогда я и возненавидела Достоевского, которого раньше очень любила.

В природе нет морали. Поэтому, если бы коты умели писать, они были бы эстетамы. Хотя зайцы, я думаю, все равно стали бы моралистами.

Встретила сегодня на Невском мужика: выше меня ростом, небритый и в рыжем кудрявом парике. Одет в белую блузку без рукавов и короткую юбку, из-под которой торчат волосатые ноги. Мускулистые руки – все в татуировках. Но самое главное, еще и с

огромным животом, в точности как у бабы на последнем месяце беременности. Взгляд совершенно безумный.

Когда-нибудь, когда я, как писатель Лимонов, сяду за мемуары, я, вероятно, буду вспоминать Владика в образе Монро, в длинном вечернем платье, на высоких каблуках и под ручку с Циркулем в форме морского офицера... Да, были люди в наше время, не то, что сейчас.

Всегда думала, что КГБ – лучшее, что было создано в СССР. В смысле, сотрудники этой организации больше других подготовлены к управлению государством в силу своей информированности и циничного прагматизма. А оказалось, что они верят в бога и казаков. И самое печальное, что совершенно искренне.

Трудно понять столь сильную привязанность звезд голубого экрана к пластической хирургии. Ладно, Зверев, он, по-моему, сразу предстал перед зрителями в качестве зомби, это его сценический образ, можно сказать. Но Дибров или Маша Распутина, например. Казалось бы, если человек родился уродом, то перспектива неизбежного увядания должна его радовать: маска из морщин наконец-то скроет его лицо и уравнивает шансы с теми, кто привык гордиться собой. А у страшных баб еще и появляется возможность всем рассказывать, какими они были когда-то красавицами. Но нет, такое впечатление, что эти личности решили законсервировать свой неповторимый облик на всю оставшуюся жизнь, придав ему еще более карикатурные черты. Более того, им настолько нравится доставать зрителей своим видом, что они даже готовы делиться значительной частью своего гонорара с докторами, чтобы те периодически продлевали им это удовольствие.

Не знаю, возможно, я чего-то не понимаю, но лично я не вижу для себя никаких проблем, чтобы в случае необходимости стать верующей. Бабушка в Шепетовке меня, естественно, крестила, однако данный факт не имеет особого значения, поскольку я не думаю, что это сейчас кто-нибудь станет проверять. Так что надо просто заявить, что ты веришь в Бога, и все. Что тут сложного? Кроме того, признав существование Бога, ты не только становишься более духовной, нравственной, приближаешься к истине и т. п., но и, повторив путь описанного в Новом Завете блудного сына, еще и гарантируешь себе путевку в рай.

Гораздо в более затруднительное положение, мне кажется, поставили себя сейчас те, кто при определенном стечении обстоятельств будут вдруг вынуждены отречься от Бога, в которого они в данный момент верят. Во-первых, такой поступок пахнет предательством, потом, мне, например, окажись я на их месте, было бы крайне обидно спуститься с высот морального совершенства, чтобы примкнуть к толпе безнравственных и бездуховных личностей. Плюс неизбежные неприятности в загробном мире, если таковой вдруг существует. Не случайно ведь многие первые христиане с таким трудом отказывались от своих взглядов и часто даже предпочитали пытки и смерть. Их пример, думаю, прекрасно иллюстрирует мои слова.

С этой точки зрения, я не совсем согласна с мнением депутата по фамилии, если не ошибаюсь, Милонов, недавно назвавшего всех, кто не считает себя православными, «идиотами». В России во все времена было достаточно не менее умных, чем он, людей.

Просто, в отличие от него, многие из них предпочитают пока не делать поспешных заявлений.

Одно время меня немного раздражало, когда меня называли «переводчицей». Все-таки, «писательница» звучит внушительнее, а «переводчица», как ни крути, но фигура второго плана: не инженер человеческих душ и не художник, а в лучшем случае что-то типа реставратора. Гений в порыве вдохновения разбрызгивает краски, выдавливая их на холст прямо из тюбика, а он сидит потом и по сантиметру восстанавливает пострадавшее от пожара полотно, тщательно вырисовывая все капельки, подтеки, разводы и пятна. Не слишком приятное занятие, честно говоря, и довольно утомительное. Впервые мои представления об этих, если так можно выразиться, профессиях были поколеблены лет пятнадцать назад, когда я ввязалась в судебные разборки по поводу авторских прав на сделанный мной перевод для одного издателя и по совместительству писателя, который и выступал в том процессе в качестве ответчика. При первой же встрече со мной баба-адвокат, крайне далекая от культуры и никогда ничего не слышавшая о переводимых мной авторах, привела мне совершенно убийственный аргумент, который, по ее мнению, делал мою позицию в предстоящем суде абсолютно непоколебимой и беспрюирышной: «Что вы так волнуетесь? Разумеется, судья будет на вашей стороне, ведь вы же переводчик, вы *Переводите!* – в этом месте ее голос вдруг исполнился торжественного благоговения и даже, как мне показалось, слегка задрожал от неподдельно искреннего волнения и восторга, - А он кто? Писатель, он всего лишь пишет», – ее губы скривились в презрительной гримасе и, вскинув руку вверх, она продемонстрировала мне, как, по ее мнению, обычно водят рукой по бумаге так называемые писатели.

Самое забавное в фильме про Камиллу Клодель, что сумасшедшей была признана именно она, а не поместивший ее в психушку брат, писатель Поль Клодель, который на протяжении примерно получаса экранного времени подробнейшим образом излагает историю своего обращения к Богу. Подобный бред, да еще столь тщательно изложенный, на мой взгляд, не идет ни в какое сравнение с вполне понятными и, наверняка, имевшими под собой основание подозрениями по поводу зависти окружающих, которыми была одержима Камилла.

Жаль, что это противопоставление, кажется, вовсе не входило в замысел режиссера. Мог бы получиться неплохой триллер.

жизнь после Фрейда

Мечеть, казаки, ВДВ... И всего-то? В принципе, все стратегические точки на духовной карте мира уже засвечены. Осталось только сесть в кабину воображаемого самолета и лететь бомбить.

Если красота – это всегда саморазрушение, то почему к старости люди не становятся прекраснее? Тут, по-моему, есть какое-то противоречие, смысл которого от меня

ускользает. С другой стороны, в этом мире нет ничего более антиэстетичного, чем любовь к детям.

мечты сбываются

Когда Александр Дугин баллотировался в депутаты – по-моему, Думы – они вместе с Курехиным, который выступал в качестве его будущего помощника, пришли ко мне в гости. Главная проблема их предвыборной кампании заключалась в том, что Дугина, в отличие от Курехина, широкая публика практически не знала, из-за чего их роли в тандеме многие часто путали, а некоторые и вовсе открыто выражали свое недоумение и даже предлагали им срочно поменяться местами. Однако расклад был именно таков. Мне же вообще все это казалось довольно забавной, но совершенно абсурдной авантюрой. Тем не менее, я договорилась со своим знакомым журналистом, чтобы он тоже зашел и взял у Дугина интервью, дабы таким образом поспособствовать его популяризации в массах. Короче, все пришли, поговорили, однако интервью потом так и не было опубликовано. Не помню уже точную причину, но между журналистом и Дугиным еще во время разговора произошла небольшая перепалка. Кажется, Дугин вдруг выдвинул какие-то предварительные условия публикации интервью, которые оказались для газеты заведомо неприемлемыми. Единственное, что отчетливо запечатлелось в моей памяти – это фраза Дугина: «Вот мы тут с вами сидим, беседуем, а когда-нибудь вы будете записываться ко мне на прием и часами ждать аудиенции в коридоре». Тогда она меня сильно рассмешила, но сейчас я вижу, что, в общем-то, он оказался прав.

В любом случае, я очень ценю его мнение как франкофона о русском издании «Из замка в замок», которое он высказал одним из первых, вывесив у себя в Арктогее: «*прекрасный перевод компетентной питерской дамы (sine qua non)*». {То, без чего невозможно (лат.)}

Мне, естественно, такой отзыв польстил, тем более, что после сорвавшейся публикации того интервью у Дугина, как я думала, были основания испытывать определенную неприязнь ко мне как к человеку, вольно или невольно заставившему его впустую тратить время и силы. Однако по своему тогдашнему легкомыслию я бы, вероятно, не обратила на этот комплимент особого внимания, если бы не Тимур Петрович, который, как только услышал про мою компетентность, так сразу и воскликнул: «О, вы даже не представляете, что значит в устах Дугина слово «компетентный!»». Потом Тимур еще несколько раз возвращался к этой теме, разъясняя мне многочисленные нюансы значения этого слова, намекая, в том числе, и на мои частые визиты во Францию, где, по его мнению, у меня наверняка должны были установиться прочные связи с местными масонами. Так ли было это на самом деле – он не уточнял. Похоже, что сам он в этом несколько не сомневался. В результате это слово, действительно, подобно прошедшему тщательную огранку алмазу, засияло в моем сознании, переливаясь многочисленными красками, оттенками и бликами, превратившись из невзрачного на вид камешка в настоящий бриллиант.

краткий курс мистического атеизма

Это только кажется, что всякие безголосые и непримечательные на вид певцы и певицы мало трудятся и постоянно халтурят. Я давно заметила: чем меньше дано человеку от природы способностей, тем больше он старается этот недостаток восполнить в процессе того, что он считает своей работой. Ради интереса стоило бы поинтересоваться у тех, кому

приходилось соприкасаться с кем-нибудь из характерных представителей современного шоу-бизнеса типа Валерии или же Орбакайте, и я почти уверена, что они все засвидетельствовали бы, насколько трудолюбивыми и старательными являются эти известные певицы, как много дублей они делают, чтобы заснять клип со своим участием, какими требовательными к осветителям, декораторам, костюмерам и звукооператорам они обычно бывают. И все это вовсе не потому, что им так уж нравится доставать окружающих, загружая их лишней работой – им это, прежде всего, нужно самим, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие голоса и бессмысленность исполняемых ими песен. Поскольку, только почувствовав себя настоящими профессионалами, приносящими радость людям, они способны получать удовольствие от бабок, вкусной еды, отдыха на Багамах и других благ жизни, которые они получают в качестве награды за свой труд. Можно себе представить, какую непростую задачу приходится обычно решать исполнительницам песен про «часики тик-так» и «бровки домиком». Когда я об этом думаю, мне даже становится немного не по себе. А уж техническим работникам, в силу обстоятельств оказавшимся вовлеченными в их творческий процесс, остается только посочувствовать.

Я крайне редко включаю телевизор, но за последний год мне все-таки пару раз довелось наблюдать на экране исполнителя по фамилии, кажется, Лепс. Этот уже далеко не молодой господин извивался всем телом, корчась так, будто ему приходится держать на себе неимоверную тяжесть, пот буквально градом катился по его лицу, и при этом он умудрялся издавать какие-то абсолютно несоразмерные своим усилиям слабые звуки, настолько невнятные, что, даже напрягшись, я так и не смогла разобрать ни одного слова из песен, которыми он столь искренне старался – и это было очевидно – порадовать своих слушателей.

Так вот, фигура этого певца представляется мне в высшей степени символической, поскольку мучения, которые он претерпевал на сцене ради пришедших на его концерт и сидящих у экранов телевизоров зрителей, вполне сопоставимы со страданиями принесшего себя в жертву во имя спасения человечества Иисуса Христа. И это сравнение вовсе не кажется мне таким уж сильным преувеличением, потому что, именно наблюдая этого певца я, судя по всему, приблизилась наконец к разгадке смысла религии и ее неугасающей на протяжении многих веков популярности в широких массах. Человеческая история ведь для того и существует, чтобы по ее ходу, не сразу, а постепенно, раскрывалась суть различных явлений. И вот сегодня, судя по всему, наступил такой момент истины для религии.

Должна признаться, что желание почитать стихи сейчас у меня возникает, наверное, еще реже, чем включить телевизор, но, тем не менее. Возьмем какое-нибудь предельно простое на вид стихотворение, хотя бы известное всем со школы «Ночь, улица, фонарь, аптека». Несмотря на кажущуюся элементарность составляющих его слов и незамысловатость рифм, каждый, кто на него натолкнется, вынужден будет признать, что вот так, сходу, создать нечто подобное ему самому вряд ли удастся, а, возможно, даже он не сумеет этого сделать никогда, вне зависимости от степени затраченных на выполнение такой задачи усилий. Кто-то, соприкоснувшись с подобным явлением, признает свое несовершенство, задумывается о необходимости пополнить пробелы в своем образовании, пойдет в библиотеку, а возможно, даже почувствует некоторый мистический страх перед чем-то неведомым и таинственным, чего он своим умом никак не в состоянии до конца понять и охватить. Однако те, кто не питает на свой счет особых иллюзий, я уверена, отправятся напрямик в церковь, где им предложат совершить всего несколько кивков головой, съесть вымоченный в вине кусочек хлеба или окунуться в прорубь, чтобы практически сразу же ощутить себя не только вровень с Блоком, но даже выше его. Если же совсем простых телодвижений и поступков для того, чтобы осознать собственную значительность, кому-то вдруг покажется недостаточно, то он, подобно описанному мной выше певцу, может заставить себя страдать чуть больше, увеличить интенсивность и

число совершаемых им поклонов, строгость воздержания от еды в период поста или длину расстояния, преодолеваемого во время паломничества, а в крайнем случае, если уж совсем станет неумоготу, можно начать хлестать себя хлыстом или поливать мочой... Но и после всех этих мучений можно научиться разве что ходить по воде и воскрешать трупы, однако создать нечто похожее на процитированное выше стихотворение все равно, увы, не получится.

В этом, на мой взгляд, и заключается главное отличие религии от искусства. В ней начисто отсутствуют какие-либо действия и поступки, которые при желании и определенном усердии не мог бы выполнить каждый. С этой точки зрения, меня совершенно не удивляет, почему именно наиболее безголосые и невзрачные на вид представители песенного жанра решили выступить сейчас еще и в качестве духовных пастырей и носителей конечной нравственной и религиозной истины. Ибо я, действительно, не вижу никакой существенной разницы между Иисусом Христом и певцом Лепсом.

Допустим на мгновение, что певец Лепс дает свое представление, стоя на воде. Что от этого изменится? Он по-прежнему будет все так же извиваться всем телом и издавать невнятные звуки. А если воскрешенный покойник тоже окажется человеком столь же средних способностей, что и Лепс? Что будет делать он? Тоже начнет петь или пойдет воскрешать других? И так в геометрической прогрессии? А чем, наконец, занимается теперь в раю Иисус Христос, где некого больше воскрешать и некуда воскресать? Ведь на протяжении всей описанной в Новом Завете драмы он умудрился не изречь ни одной остроумной или хотя бы более-менее оригинальной мысли. В рай же он попал исключительно благодаря своим страданиям. Боюсь, что и на небе он останется таким же бесцветным и занудным существом, каким явился людям. И какая тогда разница - Бог он или просто человек?

Нет, религия – это вовсе не опиум для народа! Народ и наркотики тут не при чем. Скорее, это такой способ самовыражения для личностей с ограниченными способностями, а происходить они могут из совершенно разных слоев общества. Или же, если уж до конца называть вещи своими именами, религия - это искусство для посредственностей. Совсем уж откровенные дураки обычно не бывают чрезмерно прилежными и не стремятся страдать и жертвовать собой ради других людей, ну, и, соответственно, ради последующего вознаграждения в виде Багам или рая.

Вчера по дороге на дачу в автобус ввалилось целое семейство с младенцем. С ребеночком уселись сзади, а похожая на обрубок жирная баба с золотым крестом на шее встала сбоку от меня. Я сразу почувствовала, что ее раздражаю, так как слушала музыку в наушниках и обтачивала ногти стеклянной пилкой со стразами. Поэтому она раза три, наверное, подчеркнуто елейным голосом, и с умилением глядя на свое чадо, обратилась к расположившимся за мной с предложением закрыть форточку, под которой я сидела. Исключительно, чтобы меня достать, поскольку в автобусе было довольно душно. К счастью, тех, что находились сзади, от сквозняка защищал своей спиной какой-то мужчина – так они ей сказали, по крайней мере. А то, я даже не знаю, что бы я могла предпринять, если бы она вдруг потянулась к окну. Бить ее по руке? Но ведь у них там ребеночек – с таким аргументом мне было бы довольно сложно спорить.

Обычно, кстати, подобные недомерки ко мне не доябываются, так как росточком они мне где-то по плечо, и мы с ними, если так можно выразиться, находимся в разных весовых категориях. К тому же, во всех общественных местах, особенно в транспорте, с годами у меня уже выработалось определенное выражение лица, чтобы у них не было

никаких иллюзий на мой счет. Но тут на стороне этой бабы было численное преимущество и, самое главное, ребеночек.

Давно заметила. Когда встречаешь человека, который что-то недоговаривает, например, свою фамилию, а просто звонит тебе по телефону или пишет по мейлу: «менеджер Игорь» или что-то типа того, - значит, ты с большой вероятностью имеешь дело с тем, кто собирается тебя кинуть. Точно так же обычно себя ведут и цыганского вида бабы, которые цепляются к тебе на улице или же звонят в дверь и предлагают не очень понятные товары. Они все всегда «просто Марии», хотя, казалось бы, так несложно назвать себя еще и «Ивановой» или «Петровой» – если уж ты задумал крупную аферу, то подобная мелочь ничего не должна изменить, можно идти до конца. Однако каждый преступник в душе понимает: чем чаще он лжет, подтасовывает, нарушает какие-то границы и табу, тем более серьезное наказание ему может потенциально грозить. Поэтому подобный минимализм является своеобразным фирменным стилем мошенников, даже в тех случаях, когда дополнительная информация в виде выдуманной фамилии не содержит в себе никакой опасности для утяжеления грозящей им уголовной статьи, а, наоборот, способствовала бы усыплению бдительности потенциальной жертвы. Действовать подобным образом им подсказывает инстинкт самосохранения, которому они подчиняются чисто бессознательно и который периодически дает о себе знать в таких вот мелочах.

Именно поэтому, видимо, меня и охватывает трудно преодолимое чувство тревоги всякий раз, когда мой взгляд то тут, то там натывается на фразу, которая содержит в себе совершенно очевидную двусмысленность, можно даже сказать, стилистическую ошибку – ибо по-русски так, вроде бы, не говорят – но при этом она присутствует вовсе не на рекламных плакатах какой-нибудь частной фирмы, предлагающей окружающим свои сомнительные услуги, а красуется на фоне государственного флага целой страны и, судя по всему, постепенно становится чем-то вроде, как теперь выражаются, ее бренда, призванного вдохновлять подрастающее поколение на трудовые и иные подвиги, а предполагаемых инвесторов – на вложение бабок в экономику: *Россия – страна возможностей*.

Гомосексуализм – зло, вера в бога – хорошо, дети – это святое. А вот с наукой все не так очевидно, потому что речь идет об академиках. А значит, ее реформирование не нашло единодушной поддержки среди депутатов и породило серьезные дискуссии.

На даче у меня ограниченный интернет, из-за чего я иногда смотрю новости по телевизору. И поскольку с соседями я там не общаюсь, то, очевидно, именно по этой причине у меня и сложилось устойчивое ощущение, что, уезжая из города, я погружаюсь в мир совсем простых людей, каковыми когда-то, вероятно, действительно являлись деревенские жители.

Жаль, что я только сейчас это поняла. Зачем вообще куда-то уезжать, тратить свои силы и время? Просто включаешь телевизор и отдыхаешь душой от цивилизации.

Наблюдала недавно самое окончание какого-то шоу по ТВ. В кадр попал известный писатель, который очень выразительно, совсем как актер старой романтической школы, произнес небольшой монолог о том, что считает себя сыном божьим, чрезвычайно гордится своей чистотой, величием духа и т.п. Детали, в принципе, не так уж и важны. Куда интереснее, что своим выступлением он еще раз очень наглядно проиллюстрировал то, в чем заключается суть фактически всех мировых религий. Это важно, потому что очень многие люди почему-то до сих пор ее уловить не смогли. Хотя в том же христианстве, к примеру, есть известный всем обряд крещения. Человек просто погружается в воду, и со стороны этот акт именно так и воспринимается, однако сам он переживает его совсем иначе, приписывая этому банальному действию некий не постижимый для посторонних глаз и очень далекий от обычного купания смысл. Вот так и этот писатель прожил, в общем-то, достаточно понятную и очевидную для окружающих жизнь, но это обстоятельство абсолютно не мешает ему считать себя сыном божьим и гордиться величием своего духа.

Вчера утром на даче, не вставая с дивана, привычно потянулась рукой к пульту телевизора, чтобы узнать время и погоду. Было чуть больше семи. И тут на экране возникла белесая баба в клетчатой рубашке и с напором, выразительно артикулируя каждое слово, произнесла: «Мужчины долго спали перед тем, как пробудиться для борьбы со всем плохим за все хорошее. Идет страшная информационная война! А когда родина в опасности, кто встает на ее защиту? Кто должен быть на передовой? Мужчины! Мужики!» После чего в кадре появилась группа казаков, идущих по пыльной дороге в сельской местности.

А потом я опять заснула. Может, мне это приснилось?

Видела еще, как космонавт делился со зрителями впечатлениями от полета в космос: «Когда смотришь сверху на такую красоту, то сразу понимаешь, что все это могло быть создано только богом». А вот Гагарин на небе никакого бога не видел.

В этом мире ни на кого нельзя положиться, даже на таких простачков, как космонавты. Все крайне переменчиво и ускользает, словно ртуть.

Еще меня угнетает на даче присутствие так называемой природы. То есть лес, всякие там облака, поле, трава и прочие кусты. В роман их описание не вставишь – они будут смотреться там так же архаично, как непонятно откуда льющаяся закадровая музыка в фильмах. В девятнадцатом веке писатели почему-то над этим не задумывались. Поэтому не очень понятно, что со всем этим делать. Просто сидеть и тупо любоваться, что ли? Но это надо быть уж совсем полным идиотом.

На обратной дороге с дачи в автобусе совсем не было народу. Я смотрела в окно и слушала Кармину Бурану. Но самое главное, что на сей раз никто не влез со своими визгливыми отпрысками. И почему люди не появляются на свет взрослыми? Тогда этот мир был бы близок к совершенству. Самых уродливых и бесформенных обывателей можно вынести, если они без детей. Любовь к детям способна превратить гения в дегенерата. Невозможно поверить в Бога, который наставляет: «Будьте как дети!» Даже Гитлер утрачивает все свое обаяние из-за привязанности к этим маленьким недоумкам. Дети вечно все портят.

Моя мама говорит, что теперь даже по телевизору предупреждают, что на прохожих на улице, особенно старше сорока, лучше стараться не глядеть. Очень много сумасшедших. И если ты встретишься с ними взглядом, они могут это не так понять и наброситься на тебя. А я и сама уже до такого додумалась и давно ни на кого не смотрю. Какая я все-таки умная! Может, мне пойти в школу преподавать «основы безопасности жизнедеятельности»? По-моему, в программе обучения сейчас есть такой курс.

На самом деле, по моим наблюдениям, большинство людей сходят с ума где-то годам к тридцати. А к сорока многие из них успокаиваются. Но с другой стороны, те сумасшедшие, что перевалили данный рубеж, безусловно, наиболее агрессивны, поскольку к этому возрасту их безумие достигает высшей точки, приближаясь к своеобразному акме, о котором писали еще древние греки. А дальше, даже если сумасшествие продолжает прогрессировать, то физические силы людей слегка ослабевают, что делает их чуть менее опасными. Но и у совсем дряхлого на вид старичка вполне хватит здоровья, чтобы пробить клюкой черепушку какому-нибудь первокласснику. Не говоря уже о младенцах, которых легкомысленные мамы иногда оставляют в колясках возле магазинов. Хорошо если выживший из ума пенсионер просто подойдет и плюнет в розовое личико беззаботно посапывающего на солнышке малыша. В таком случае, можно считать, что его родителям сильно повезло. Кроме того, теперь, после появления мобильных телефонов и блютузов, почти каждый второй прохожий на улице громко разговаривает сам с собой. Что тоже значительно затрудняет распознавание сумасшедших... Короче, есть очень много нюансов, которые детям и их родителям в наши дни полезно было бы знать для обеспечения безопасности своей жизнедеятельности.

Мой брат, тем временем, миновал побережье Сомали. И когда их судно там проходило, к ним прикрепили целый кортеж военных кораблей. Местные пираты там, судя по всему, окончательно слетели с катушек. Но ведь даже голодные волки и медведи представляют для окружающих определенную опасность. Нетрудно догадаться, на что способны изголодавшиеся негры. Нет, я, конечно, не государственный деятель и не политик, но не проще ли было бы просто взять и их всех накормить? Или даже назначить каждому жителю Сомали поощрительную стипендию в размере тысячи долларов? Они ее вполне заслужили, по-моему. Возможно, это бы решило проблему. К тому же, к данному моменту жителей в этой и без того небольшой стране, если они все там так голодают, наверняка, осталось в живых не намного больше, чем моряков на военных судах, вынужденных там сейчас постоянно курсировать. А зарплата-то у моряков, наверняка, повыше.

Мамаша сказала, что на сей раз мой брат пошел в рейс с командой, целиком состоящей из поляков. Он среди них – единственный русский. И по косвенным сведениям из телефонных разговоров чувствует он себя в такой среде не слишком комфортно. И почему-то меня это совсем не удивляет. До сих пор он считал самыми гнусными и вредными личностями из тех, с кем ему приходилось плавать, болгар, которых я, например, раньше представляла себе постоянно загорающими на пляже беззаботными и добродушными дебилами. Тогда как поляки, с которыми я в жизни практически никогда не сталкивалась, даже на расстоянии кажутся мне опасными маньяками.

В детстве я терпеть не могла фильмы про Великую Отечественную войну. Сильнее всего меня отталкивало их унылое однообразие: все герои в одинаковой форме, с перекошенными измазанными сажей или мазутом физиономиями, копошатся в окопах под монотонный гул канонады. И больше в них, по-моему, ничего интересного не происходило. Плюс ко всему, если там и попадался какой-нибудь более-менее симпатичный персонаж, который хоть немного отличался от остальной серой массы, играл на гармошке или же забавно прикалывался над своими боевыми товарищами, то именно его по ходу действия почему-то обязательно убивали. Впрочем, мне сейчас вообще трудно было бы назвать хоть один советский фильм про войну, главный герой которого в конце остался в живых. То есть эти фильмы были еще и некрофильскими. Так что я теперь даже не очень понимаю, по какой причине я в свое время просмотрела их в таком количестве. Видимо, в том возрасте я считала себя обязанной периодически претерпевать до конца полуторачасовое мучение, поскольку личности на экране страдали еще сильнее меня, а именно им, как говорили все вокруг, я была обязана своей свободой и даже жизнью. Соответственно, выключив телевизор или покинув зрительный зал, не дождавшись конца сеанса, я бы совершила по отношению к ним поступок, равносильный предательству. Сегодня я, естественно, так бы мучиться не стала. Все предатели, кстати – власовцы, а также полицаи и старосты, закладывавшие немцам партизан – уже тогда, в далеком прошлом, вызывали у меня вовсе не неприязнь, а тайную симпатию, о причинах которой я, естественно, не задумывалась. Но, скорее всего, я им просто немного завидовала, поскольку они решились на поступок, на который я сама отважиться не могла.

Были, правда, еще и немцы, которые тоже, по крайней мере, своей эффектной черной формой со свастиками на рукавах вносили определенное разнообразие в действие фильма, не говоря уже о бросающейся в глаза необычности их поведении: тяге к пиромании, выразившейся в поджоге сельских домов с соломенными крышами, а также склонности к немотивированной жестокости, садистским пыткам и убийствам мирных граждан. Однако мне все равно было довольно трудно преодолеть ощущение, что именно они являются главной причиной всего остального занудства, которое заполняло большую часть экранного времени. Поэтому немцы мне тоже не особенно нравились. Кроме того, у них начисто отсутствовали смекалка и, я бы сказала, юмор, свойственные русским предателям, которые, совершая свои гнусные дела и поступки, неизменно отпускали какие-нибудь циничные замечания и шутки по поводу людей вообще и своих жертв в частности. Немцы же на их фоне выглядели чересчур прямолинейными и туповатыми. Кроме того, предатели с их стороны разительно отличались от наших старост и полицаев, так как казались крайне испуганными и неуверенными в себе – глазки у них бегали, а на лице блуждала заискивающая улыбка. Короче говоря, по всему было видно, что, покинув ряды самоуверенных и жестоких завоевателей, они полностью созрели для того, чтобы слиться с серой безликой массой по эту сторону линии фронта, а, возможно, даже и пополнить ряды ерзающих на стуле и обреченных на длительное страдание зрителей вроде меня. Про Селина я, разумеется, еще ничего не слышала, поэтому, глядя на наших предателей, я испытывала настоящую гордость за свою страну, ибо они, как я тогда думала, были самыми крутыми в мире. Их присутствие на экране немного облегчало мне просмотр фильмов про Великую Отечественную войну, но, увы, появлялись они там довольно редко.

Зато кино про Гражданскую войну я, наоборот, очень любила. Даже если фильм был посвящен такому невзрачному существу, как Ленин, там все равно было полно всяких колоритных персонажей в самых невероятных причудливых нарядах, которые практически никогда не повторялись. Обвешанные гирляндами пулеметных лент матросы в тельниках, бабы-пулеметчицы в лохматых папахах, сапогах и с папироской в зубах, казаки в фуражках набекрень и штанах с красными лампасами, солдаты в волочащихся по земле потертых шинелях и просто какие-то личности в драповых пальто и кожаных куртках с тяжелыми ружьями за плечами, крестьяне в косоворотках и лаптях или тулупах и

валенках, в зависимости от времени года, беспризорные дети в живописных обносках с чужого плеча и тоже с папиросами, благородные дамы и лишившиеся работы гувернантки в длинных платьях с рюшками и белыми отложными воротничками, офицеры в строгих элегантных френчах и брюках-галифе; воры, карточные шулеры и прочие представители уголовного мира обычно, особенно если действие происходило в Одессе, появлялись в соломенных канотье, но попадались и такие, что носили котелки и даже цилиндры... Однако самыми яркими, конечно же, были анархисты. Их одеяния были настолько экзотическими и необычными, что моего словарного запаса вряд ли хватит, чтобы их описать. Тельняшки на них почему-то были обязательно рваными, а козырьки у фуражек непременно надломлены посередине. В своей одежде они запросто сочетали не только предметы из гражданского и военного гардероба, но не пренебрегали и деталями женского туалета типа туфель на каблуках, шалей, шелковых платков, бус, боа, брошей, розочек в фуражках и перьев на шляпах. Некоторые щеголяли в длинных соболиных шубах, накинутых прямо поверх грязного исподнего. Такое разнообразие нарядов я потом встречала разве что на парижском гей-прайде. Перемещались же анархисты, подобно библейскому царю Давиду, исключительно пританцовывая, под музыку, да еще и с песнями. По степени выразительности с ними могли соперничать разве что белогвардейцы, особенно те из них, что сразу после поражения в Гражданской войне оказались в эмиграции, ютились на конспиративных квартирах, готовя там заговоры против советской власти, или же скитались по лесам в составе недобитых бандформирований. В кадре такие личности чаще всего появлялись с гитарой или же, на худой конец, за роялем, чтобы исполнить какой-нибудь декадентский романс. Странно, но даже в раннем детстве их утонченная грусть меня притягивала и завораживала ничуть не меньше, чем жизнерадостное веселье анархистов.

А самыми унылыми среди всей этой пестрой толпы были, конечно же, большевики. Как правило, они представляли собой коренастых мужиков с квадратными головами, тусклым взглядом и седыми усами. Возможно, на них были кожаные куртки, но я не уверена – у меня они запечатлелись в памяти просто как люди в чем-то темном, то есть не таком черном, как монахи, а чуть посветлее. Главной отличительной чертой большевиков было полное отсутствие у них чувства юмора. Мне казалось, что их даже специально подбирали из особой породы людей, чтобы, ведя переговоры, например, с анархистами они были способны сохранять невозмутимость и солидность. То есть анархисты шутили и веселились, а они ни в коем случае не должны были смеяться, иначе все сразу бы перемешалось и утратило всякий смысл. А уж о том, чтобы расплакаться при виде сидящего за роялем белого офицера и речи быть не могло, но это, как раз, мне было понятно, поскольку я по себе знала, что от слез все-таки бывает гораздо проще удержаться, чем от смеха. Белогвардейцы, кстати, тоже, глядя на анархистов, никогда не смеялись, но исключительно оттого, что они были очень грустными, а не серьезными, как большевики. Анархисты, в свою очередь, при встрече с большевиками вовсе не становились серьезнее, хотя те обычно и намекали им, что пора бы уже прекратить прыгать и скакать и надо взять себя в руки. И такое поведение мне тоже было понятно, гораздо больше меня удивляло, что они и во время печальных романсов белогвардейцев продолжали шуметь и гоготать. Вот этого я уже до конца понять не могла, но ничего не поделаешь, их веселье было не менее основательным, чем серьезность большевиков и белогвардейская печаль. Неудивительно, что при подобном раскладе, представители этих трех групп периодически мочили друг друга. Сами батальные сцены, правда, тут были не слишком продолжительными, и это меня тоже устраивало, поскольку они меня интересовали меньше всего. Но и во время этих сцен в окопах никто особенно не задерживался, а в основном небольшие кавалерийские группы, легко и непринужденно размахивая саблями, наскакивали друг на друга, чтобы практически сразу рассеяться в ближайшем лесу или же скрыться в бескрайней степи за наплывающим на экран облаком пыли. Белогвардейцы, впрочем, еще обожали ходить в атаку широкими шеренгами, со

штыками наперевес и во весь рост, совершенно не обращая внимания на грозящую им опасность в виде встречного огня противника, и лица у них при этом, естественно, были очень печальными и даже трагическими. Удивительно, но обычно серьезные большевики, наблюдая такую картину в бинокли и сквозь прицелы орудий и пулеметов, довольно часто начинали хихикать. Что они находили тут смешного я до сих пор так и не поняла. Скорее всего, они просто чувствовали, что грусть и трагизм в подобной концентрации способны поставить под сомнение их собственную серьезность, и своим смехом старались несколько смазать общее впечатление от того, что перед собой видели, ослабив таким образом конкурентов, так сказать. Именно по причине обостренной ревности к своим соперникам, мне казалось, они больше всего и ненавидели белогвардейцев, никогда не вступали с ними в переговоры, всегда и везде стараясь полностью и окончательно их добить и уничтожить. В отличие от, казалось бы, полностью противоположных им анархистов, с которыми они постоянно пытались наладить контакт, чтобы склонить их на свою сторону. По всему было видно, что они искренне верят в то, что анархисты в конце концов поумнеют и станут такими же серьезными, как они. Но напрасно.

И все равно, несмотря на их унылый внешний вид, мне и за ними было довольно интересно наблюдать. Особенно мне нравилось, как ловко большевики, скрываясь от сыщиков, убегали по лабиринтам проходных дворов или выпрыгивали с идущего на полном ходу поезда. Такие трюки они проделывали практически в каждом фильме, посвященном периоду подготовки к Гражданской войне, и это у них совсем неплохо получалось. Ни разу никто не разбился, насколько я помню.

Главный вывод, который я сделала для себя на основании просмотра подобных фильмов, заключался в том, что Гражданская война – это такой красочный праздник жизни, по сравнению с которым даже новогодние торжества выглядят унылыми буднями, не говоря уже о каком-нибудь 1 мая. Лежа в постели перед сном я часто думала о том, когда же наконец она снова наступит. Ясно, что, чем значительней и веселее праздник, тем реже он повторяется. Обычные выходные случаются каждую неделю, Новый год и дни рождения – раз в году, а столь знаменательное и необычное событие, как Гражданская война, естественно, придется какое-то время подождать. Возможно, такое событие вообще бывает у человека только раз в жизни, да и то не у каждого. Но я не сомневалась, что рано или поздно я все-таки смогу пережить эти прекрасные мгновения, и надо просто запастись терпением, не дергаться понапрасну, а готовиться, подбирая пока себе яркие и необычные наряды.

Еще больше мне нравилось представлять, что было бы, если бы во время уже прошедшей Гражданской войны верх взяли не большевики, а их антиподы-анархисты или же главные конкуренты-белогвардейцы. А поскольку никто из них не уступал в упорстве друг другу, то в случае своей победы, можно было не сомневаться, они, наверняка, перенесли бы на окружающую действительность свойственные им обычаи, наряды и манеру поведения, как это и сделали в настоящий момент большевики, насадившие вокруг уныние и серьезность. То есть, вместо строгих, придиричивых учителей и угрюмых, одетых в серые пальто и костюмы прохожих, повсюду могли быть личности, облаченные в яркие экзотические наряды, рваные тельники, сдвинутые набекрень папахи, соболиные шубы поверх нижнего белья и женские туфли на высоких каблуках, которые везде – на работе, дома и на улице – перемещались бы исключительно приплясывая и напевая веселые песни. Заходит, к примеру, покупатель в гастроном и, прежде чем подойти к кассе, отплясывает перед кассиршей залихватскую чечетку, жонглируя при этом взятыми с полки апельсинами, и таким образом расплачиваясь за приобретенный им товар, а кассирша ему в ответ, вместо сдачи, исполняет какую-нибудь частушку. Деньги в таком случае можно было бы даже совсем отменить. Меня такая перспектива, в принципе, вполне устраивала.

Хотя мне все равно больше нравилось думать о том, как все вокруг наполнилось бы грустной музыкой, с таким едва уловимым надрывом, и все люди с печальными прекрасными лицами перемещались бы по улице очень плавно, слегка подсакивая и

зависая в воздухе, как будто бы они идут не по земле, а пребывают в невесомости, как космонавты на Луне. И если наполнить гелием воздушный шарик, то можно даже на время подняться в воздух и поболтать ногами, а потом продолжить свой путь в школу. Мне казалось, что только легкие и печальные люди с трагическими лицами способны были до конца перебороть воцарившееся вокруг унынье. Недаром же большевики сильнее всего опасались и недолюбливали именно их. В настоящей грусти нет и не может быть ничего серьезного, она обязательно должна быть немного вычурной и жеманной. И если какой-нибудь серьезный тип, спрыгнув с поезда или ускользнув от преследования по подворотням, спрячется где-нибудь в подвале, то, заметив такое изломанное, утонченное создание, не идущее, а буквально порхающее и извивающееся всем телом, он, наверняка, весь от злобы перекосятся и не сможет усидеть на месте, а, выскочив на улицу, набросится на это неземное существо и станет его душить или попытается укусить. Тут-то его самого и повяжут. Таким образом, унынье и серьезность будут окончательно изгнаны не только с хорошо освещенных улиц и площадей, но и из всех тайных укрытий и щелей. Анархисты с такой задачей никогда бы не справились. Громко смеющиеся личности чересчур непосредственны и беззаботны.

Поймала себя сегодня утром на мысли, что являюсь самой титулованной писательницей в Петербурге. У местных литераторов, по-моему, даже и жалких премий-то толком нет, не то, что международных наград. Пора мне, пожалуй, баллотироваться в думу или же хотя бы в законодательное собрание, чтобы бороться со всевозможными извращениями. А их число, на мой искушенный взгляд, в последнее время значительно увеличилось и продолжает стремительно расти. Нынешние депутаты, безусловно, люди очень хорошие и добрые, но их профессионализм и компетентность ничем не подтверждены, никакими особыми заслугами. Поэтому рядовые граждане им и не доверяют.

Встретила вчера на улице бабу, с которой какое-то время работала, правда, очень давно. Тогда она мне казалась огромной и монументальной, как, впрочем, и остальные сотрудницы, которые были еще больше, а главное, шире. А сейчас, боже мой, она идет такая хрупкая и потерянная, росточком мне по плечо, и капли дождя капают ей прямо на растрепанные по башке редкие волосики. Странно, что я ее вообще узнала. А она меня, к счастью, не заметила.

Но, видимо, это просто такой оптический обман. Все обыватели на рабочих местах кажутся солидными и внушительными, а если взглянуть на них чуть под другим углом, в ином ракурсе, так сказать, то они превращаются в крошечных гномиков.

Главная проблема верующих в том, что они какие-то несмешные. Вот Хрущев возмущался абстрактной живописью – это да, там была заразительная непосредственность. А эти просто кривляются. В этом смысле православные являются прямыми продолжателями и, я бы сказала, правопреемниками традиции современного искусства. Особенно по степени скуки, которую они вызывают у тех, кто в силу обстоятельств оказывается по отношению к ним в положении зрителя. Абсолютно не интересно иметь дело с людьми, которые заведомо умнее тебя.

Вспомнила еще одно летнее впечатление от просмотра ТВ. В лесистой местности, по моему, где-то в окрестностях озера Селигер, в просторной палатке установлен большой монитор, перед которым толпится группа молодежи. С экрана бизнесмен Чичваркин довольно долго и обстоятельно рассуждает о свободе слова, правах человека, коррупции, экономических проблемах и пр. После чего корреспондент просит поделиться одного из молодых людей своими мыслями об услышанном. Тот сразу начинает выражать недоумение по поводу того, что у выступавшего накрашены ногти, мол, что бы это значило. И потом, после некоторой заминки, говорит: «Ну, я бы мог с ним о многом поспорить, но вот он, например, заявил, что вернется в Россию из Англии только после того, как здесь состоится первый гей-парад». Я, естественно, жду продолжения, интересно, все-таки, что еще скажет человек. Но нет. На экране появляются ухмыляющиеся физиономии ведущих, мужика и бабы, которые, выдержав многозначительную паузу, продолжают выпуск новостей. Дискуссия закончена.

Не помню точно, но, по моему, Бердяев сожалел, что в России не было рыцарства. Не знаю, но лично мне кажется, что главная проблема России заключается в том, что здесь никого не сжигали на кострах. Все другие виды пыток и казней не столь существенны. Сколько себя помню, мне всегда нравилось представлять, как те или иные личности корчатся в пламени. А стоит приехать в Париж, например, как это ощущение куда-то улетучивается.

мое озарение

По дороге домой встретила двух черных котов. Один совсем еще подросток, а другой, в ошейнике, на улице Рубинштейна перебежал мне дорогу, точнее не мне, а бабе, которая шла передо мной, но она сразу остановилась и стала оглядываться по сторонам, делая вид, будто кого-то ищет или не уверена, что движется в нужном направлении. Я, естественно, спокойно прошла вперед. Не понимаю, как можно считать предвестниками чего-либо дурного столь прекрасных существ, как кисуники. Вот если ты встретишь священника – тогда точно ничего радостного не жди. В эту примету я почему-то охотно верю. Или даже просто какого-нибудь глубоко религиозного прохожего, особенно во время поста – поскольку, когда люди голодают, они вообще становятся более раздражительными и озлобленными – тут и вовсе лучше сразу перейти на другую сторону. Как хорошо, что православные и представители других конфессий обвешивают себя крестами и другими опознавательными знаками и предметами! Это существенно облегчает жизнь окружающим и помогает им избежать множества неприятностей.

Помню, много лет назад в Праге мы с Франсуа Жибо решили поймать такси, чтобы добраться до гостиницы. Подъехал автомобиль, у которого на лобовом стекле, прямо перед водителем, болтался на веревочке достаточно внушительных размеров крест. Мне это сразу не понравилось, и я хотела предостеречь Франсуа, но он почему-то, наоборот, тут же залез в кабину и потащил меня с собой: «*Поехали, поехали, это хороший человек, вы же видите у него крест*», – и даже предварительно договариваться об оплате не стал, настолько сильное впечатление, видимо, на него произвел этот крест. И в результате, когда мы добрались до места, шофер назвал сумму, в десять раз превышающую ту, которую мы уже несколько раз платили, перемещаясь точно по такому же маршруту. То есть вместо

тридцати долларов он потребовал триста. У Франсуа глаза на лоб полезли, и он, само собой, заявил, что столько он никому давать не собирается. «Ах, так вы отказываетесь платить, тогда я немедленно отвезу вас в полицию», – заорал таксист. После чего Франсуа уже было потянулся за кошельком, но я его остановила. Автомобиль рванулся с места и помчался в неизвестном направлении. А надо сказать, что вокруг было уже довольно темно, практически ночь. Сидевший за рулем здоровенный мужик с бычьей шеей не скрывал своего раздражения и отчаянно жал на газ. Через какое-то время мы покинули черту города и погрузились в лесополосу, и без того ехавшая на полной скорости машина теперь со страшным дребезжанием стала еще подпрыгивать на рытвинах и ухабах. Наше путешествие начало напоминать гонки по пересеченной местности, а еще больше – аттракцион в парке культуры, не помню, как называется, когда детишек сажают на игрушечные машинки и предлагают им прокатиться по темному лабиринту, где у них на пути периодически возникают различные чудовища, вампиры и хищники с оскаленными зубами. Франсуа, как и я, с трудом удерживавшийся на своем месте, сказал мне, что вот сейчас нас завезут в самую глушь леса, к маленькому домику, где нас, наверняка, уже поджидают сообщники этого бандита, которые нас замочат. И мне, в принципе, нечего было ему возразить. Я даже уже стала сожалеть, что остановила руку Франсуа и не позволила ему расплатиться с этим маньяком. И тут – о, чудо! – машина снова выехала на освещенное фонарями шоссе, вдали замелькали городские пятиэтажки, и буквально через пять минут мы вновь оказались у нужной нам гостиницы, от которой недавно стартовали. Мы вылезли из машины. От денег водитель гордо отказался, а только высунул нам на прощание через приоткрытое окно в дверце автомобиля руку с поднятым вверх пальцем и пробурчал себе под нос: «*Fuck you*». На что я ему, как это и положено делать при прощании вежливым людям, когда они, например, говорят друг другу «до свидания» или «пока», ответила: «*Fuck yourself*». Вообще мы с Франсуа всю дорогу между собой общались по-французски, а с этим придурком за рулем исключительно по-английски. Поэтому он, судя по всему, так и не врубился, что я являюсь его, если так можно выразиться, славянской сестрой и соседкой по социалистическому лагерю и неплохо знаю все местные обычаи и прихваты, некоторые из которых он решил продемонстрировать наивным гостям из «цивилизованного мира». Хотя в данной ситуации мой жизненный опыт мне практически не пригодился. Этот дебил сам довез нас до пункта назначения совершенно бесплатно, а ему, наверняка, пришлось потом разориться еще и на дополнительный бензин.

Что касается всевозможных крестов, то к ним я и раньше относилась с некоторым подозрением, однако после этого случая один только их вид стал неизменно пробуждать в моей душе настоящий мистический ужас. Поэтому не будет, думаю, сильным преувеличением сказать, что я испытала в тот поздний пражский вечер потрясение, подобное тому, что пережил в свое время Паскаль, когда его на мосту понесли лошади в упряжке. Правда, в результате его разум сильно помутился, а я, однозначно, пережила озарение.

Среди людей не так уж много тех, кто имеет какие-либо значимые заслуги перед котами. Помимо Уэйна мне, например, приходят на ум разве что имена Селина и Берроуза. А выжившие из ума старушки, заполняющие коммуналки кошками и делающие условия существования там остальных жильцов невыносимыми, скорее, способствуют распространению неприязни и даже ненависти к этим благородным созданиям.

Ко всему прочему, вчера вечером на углу Фонтанки и Невского ко мне подвалил какой-то грязный мудака и стал чуть ли не тыкать в меня своей ручонкой, повторяя, как попугай: «Дай, дай, дай...» От него жутко воняло мочой и, вообще, по всем признакам он был похож на тех, к кому в свое время явился Христос, поэтому я старалась на него особенно не смотреть. Но у меня было сильное искушение как следует врезать ему по голени носком ботинка, чтобы он заткнулся или, по крайней мере, сменил пластинку и для разнообразия громко завизжал, например, а еще лучше - заскулил, как побитый пес. Последнее бы ему больше всего подошло. Однако вокруг было слишком много людей, поэтому я сдержала себя и просто быстро прошла мимо, даже не посплав его на три буквы. Иногда я и сама удивляюсь своей добротой.

Оказывается, моя мамаша тоже православная. А я и не подозревала. Никогда раньше я в ней никаких признаков религиозности, вроде бы, не замечала. Всего пару месяцев назад, когда я с ней говорила, она слушала «Эхо Москвы» и рассуждала о том, что надо «валить из сраной Рашки». Но следует признать, что ее нынешнее состояние выглядит куда более естественным, а то я уже было подумала, что мир перевернулся. Единственное, чего она не учла, что меня в свое время выгнали из «Исаакиевского собора» за то, что я организовала там забастовку с требованием отменить атеистическую пропаганду. И меня тогда, между прочим, приехал поддержать сам Невзоров. Я ей сразу эту информацию выложила. А сегодня ей позвонила, чтобы поинтересоваться, как она себя чувствует, так как вчера она жаловалась на ноги и просила меня купить тройной одеколон, который в сочетании с найсом и перечным пластырем очень хорошо помогает от суставов. Но она не стала со мной говорить и бросила трубку.

Всякий раз, когда я в Париже пытаюсь пролезть в метро через турникет, находился кто-то, кто любезно протягивал мне руку. А если же, опять-таки без билета, ты решишь проскочить там сквозь захлопывающиеся автоматически дверцы, то идущий перед тобой неизменно придержит их за собой. Это обстоятельство, впрочем, вовсе не гарантирует, что тебя потом не оштрафуют контролеры, на которых ты можешь натолкнуться в любой момент уже внутри метро. И все-таки, именно такого рода вежливость нравится мне во французах больше всего. Ибо только ее и можно назвать утонченной.

Возможно, именно по этой причине во Франции сейчас полно бесцветных и бездарных писателей, не исключая, что даже больше, чем в России. Но я совершенно не представляю там появления кого-нибудь типа Прилепина, которого и президент Путин, по-моему, не устраивает исключительно потому, что тот не такой тупой, как он сам. А по сравнению с Солженицыным даже Хрущев и Брежнев кажутся верхом изящества и остроумия, не говоря уже о Сталине.

Странно, что в последние годы практически не слышно определения Москвы как «большой деревни». А ведь как точно подмечено!

Обыватели искренне верят, будто все гении и классики мировой литературы жили в девятнадцатом веке и ранее. Как я их понимаю! Мне, например, тоже кажется, что все

святые, способные творить чудеса, демонстрировали свои необыкновенные способности исключительно в далеком прошлом. Между религией и искусством, в сущности, так много общего.

Всегда обожала финальные сцены различных детективов и триллеров, где загнанный в угол преступник, отбросив условности, наконец, излагает свое жизненное кредо. Государство – это пустая абстракция, ради которой он не собирается жертвовать личными интересами; как его достали все эти лицемерные рожи вокруг, которые говорят одно, а делают совершенно другое; что никто о тебе не позаботится, если ты не сделаешь этого сам, и еще множество абсолютно верных и, вроде бы, очевидных для всех вещей. После чего внимательно его выслушивавший представитель правоохранительных органов с каменным лицом подходит к нему и, как бы подводя итог всему сказанному, произносит: «Какой же ты подлец, Петров!». И надевает на него наручники.

Однако, если бы акценты в таких фильмах расставлялись иначе, то детективы и триллеры, видимо, совсем исчезли как жанр. Отчего этот мир стал бы еще скучнее.

Вот и в жизни, кстати, законы жанра тоже гораздо важнее любых самых очевидных и вечных ценностей. Поэтому заблуждаются вовсе не личности, которые выступают против истины, а исключительно те, кто путают комедию с трагедией, и наоборот.

Забавно, что даже коммунисты испытывали достаточно сильный страх перед культурой. Иначе трудно объяснить, например, почему они обязывали поэтов писать стихи исключительно в столбик и с рифмами. Ну, можно было еще и лесенкой, как у Маяковского, но опять-таки в рифму. На мой взгляд, это указывает на то, что они совершенно искренне полагали, будто любое другое поведение современного поэта может быть расценено как распушенность и неуважение к его предшественникам. То есть, будучи довольно простыми людьми и оказавшись, образно выражаясь, в плохо освещенном и мало знакомом им помещении, они старались вести себя максимально осторожно, не трогать мебель, не двигать шкафы и не ломать стулья, а предельно соблюдать принятые в чуждой им среде правила поведения – и делали это ровно в той степени, в какой сумели разглядеть их со стороны.

Константин Леонтьев: *"румын шутить этим делом не хотел и шел на прямую опасность; он хотел стреляться. Француз, зная, вероятно, как часто пуля у неискusstного стрелка сама "находит виноватого", боялся пистолетов и требовал поединка на шпагах. Румынские офицеры того времени, вероятно, так же плохо фехтовали, как большинство наших соотечественников, и подобно русским предпочитали фатализм пистолета - рациональным ухищрениям шпаги. Ясное дело, что румын обнаруживал этим самым выбором своим больше истинного мужества, чем француз. Пистолет равнял противников, и, предлагая его, румын и своей жизнью рисковал точно так же, как и жизнью другого; отстаивая шпагу, француз, хорошо ею владевший, был заранее уверен в победе и вообще в том, что противник будет, так сказать, в его распоряжении, что при таком неравенстве сил от него одного будет зависеть выбор между великодушием и жестокостью"*.

То есть, румыны и русские на протяжении всей своей жизни, прекрасно зная о возможной дуэли, палец о палец не ударили, чтобы обучиться фехтованию. Зато в решающий момент рассчитывают на благородство противника. А зачем тогда,

спрашивается, француз тратил свое время? Может быть, румыну и русскому стоило просто вести себя поскромнее или даже попросить прощения у француза? Такая мысль в голову Леонтьеву почему-то не приходит. Странно.

Ясное дело, что француз еще и придерживался нетрадиционной сексуальной ориентации и по этой причине был начисто лишен истинного мужества, свойственного Леонтьеву и другим русским и румынским людям.

Все больше понимаю, почему под конец жизни Леонтьев решил удалиться в монастырь от этого жестокого и погрязшего в пороках мира.

Уайльд, думаю, тоже заслуживает храма в религии будущего. Даже в тюрьме он не выглядел мучеником. Полное отсутствие каких-либо страданий должно стать главным критерием отбора новых святых.

И все-таки, только сериалы вносят в эту жизнь хоть какой-то смысл.

печальные последствия распада СССР

После отделения Украины, не сразу, но как-то постепенно выяснилось, что русские – это нация, начисто лишенная чувства юмора.

Встретила сейчас прекраснейшую собачку. На лапах – ботинки с бантиком, на голове – шляпка и тоже бантик. На туловище – пальтишко, на котором сверху нарисована еще одна собачка. Ботиночки – темно-синие с белой каймой, а все остальное – небесно-голубого цвета. Таких я еще никогда не видела. Девочка гордо вела ее на поводке. А папаша с мамашей шли по бокам в качестве эскорта.

У нацистов была красивая форма. И, похоже, это единственное, в чем они провинились перед человечеством. Как гласит мудрая русская поговорка: «Будьте проще, и люди к вам потянутся».

Хорошо еще, что среди наших современников нет святых. Даже лица наиболее корыстных, погрязших в мирских заботах и циничных верующих вызывают трудно преодолимую тошноту. Святой же, вероятно, действовал бы на окружающих как сверхэффективное рвотное.

Мой брат наконец вернулся из рейса. Первые два месяца поляки, из которых целиком состояла команда, делали вид, что его не замечают. Он, конечно, был среди них

единственным русским, но, с другой стороны, вроде как старпом. А потом, когда дым недоверия слегка рассеялся, он испугал польского боцмана стихотворением про дедушку, который «в поле нашел огнемёт», и «больше в деревне никто не живет». Таких стихов, я помню, мой брат в детстве знал немеренно и постоянно их декламировал. Но польскому боцману, судя по всему, хватило и одного.

Совершенно невозможно сочувствовать тому, кто постоянно на виду, поскольку чувства и мысли ему больше не принадлежат. Можно даже сказать, что такой человек вообще перестает быть собой. Поэтому писатели и вызывают такую скуку. Где бы они ни находились: в тюрьме, психушке, на войне, на необитаемом острове, — они никогда не бывают в одиночестве. Они и сами себе не интересны, поэтому все время и обращаются к своему опыту до того, как сели за сочинение первой книги.

Если на то пошло, президентский полк тоже неплохо бы формировать из казаков. А то эти наряды от Юдашкина уж больно жалкие.

С точки зрения вечности мода отдельных эпох всегда выглядит немного уродливой. Поэтому в тот самый момент, когда нечто абсолютно прекрасное войдет в моду, видимо, и наступит конец света. То есть лично я представляю себе это примерно так. Надеваю на себя какую-нибудь стильную вещь, пальто или шляпку, заявляюсь к своей мамаше, и она приходит от моего вида в полный восторг. А до тех пор, пока молодые люди, к примеру, ходят в припущенных штанах, ни о чем таком можно не беспокоиться.

Наконец-то, я, кажется, разгадала смысл одного из самых туманных изречений Достоевского про то, что «красота спасет мир».

В коммунизм, в отличие от Бога, хотя бы никто не верил.

Говорят, что женщины как-то особенно чувствительны к запахам. Не уверена, но иногда мне, действительно, бывает трудно объяснить, по какой еще причине я не могу заставить себя читать или перечитывать того или иного писателя. От Розанова, например, слишком сильно пахнет нафталином. А есть еще личности вроде Улитина, чьи произведения, даже еще не будучи изданными, уже оказываются заляпанными трясующимися ручонками редко моющихся, заросших густой растительностью и обсыпанных перхотью андеграундных литераторов. На мой взгляд, книги вообще не должны слишком долго лежать в сундуках, так как они утрачивают там свою первозданную свежесть и покрываются плесенью. С этой точки зрения, жена Введенского, выбросившая рукописи своего мужа на помойку, поступила совершенно правильно.

Тем, кто много лет находился в прекрасно оборудованных государственных хранилищах типа спецхрана, повезло гораздо больше. Их произведения до сих пор несут в себе аромат хорошо выдержанного вина.

Николай Второй на досуге отстреливал кошек и, судя по его дневниковым записям, очень гордился своими успехами на этом поприще. А коммунисты, которые после революции имели доступ ко всем царским архивам, даже не сочли нужным использовать данный факт в пропагандистских целях. Зато расстрел рабочих во время так называемого «кровавого воскресенья» всячески обмусоливался и в школьной программе, и в кино, и в живописных полотнах. То есть пролетарии для коммунистов полностью заменяли котом. Но это еще ладно. Нынешние депутаты, похоже, столь же самозабвенно любят детей.

Каких только извращений не встретишь в этом мире!

Еще меня ужасно раздражает, когда умирают художники, музыканты, писатели и поэты. Это событие позволяет их коллегам, друзьям и близким хотя бы на некоторое время почувствовать собственную значимость. Лично я бы предпочла, чтобы люди искусства жили вечно. Тогда бы у большинства из них не было никаких шансов напомнить о себе окружающим.

Социализм или капитализм. Главное – это *деэстетизация* всей страны плюс контроль.

Слесарь или плотник, вступая в соприкосновение с обрабатываемым ими материалом, ощущают его сопротивление и таким образом познают меру вещей, пусть даже и на бессознательном уровне. Поэтому большевики, представлявшие интересы рабочих, были достаточно тупыми, но, в сущности, не грубыми. Священнослужитель же является человеком абсолютной пустоты, отвечающим за свои поступки исключительно перед абстрактным Богом, в которого он якобы верит больше, чем другие. И такой способ существования рождает совершенно уникальный тип человека, который не разбирается абсолютно ни в чем, о чем бы он ни взялся рассуждать: ни в политике, ни в искусстве, ни в экономике. По этой причине из всех возможных решений той или иной проблемы вершитель религиозного культа всегда с легкостью выбирает наиболее тяжелое и неудобное для тех, кто столкнулся с ней в реальности. Женщинам он предлагает воздержаться от аборт, рабочим и крестьянам – побольше трудиться, бизнесменам – отказаться от денег, а людям искусства – вести себя скромнее. Каждый, кто видит перед собой священника, должен помнить, что имеет дело с нигилистом и хамом, порхающим в облаках бестелесной духовности и совершенно не замечающим приближенности и грубости собственных суждений.

здоровье нации

Оказывается, теперь справка для бассейна стала платной. А после знакомства с длинным перечнем врачей, которых надо посетить для того, чтобы ее заполнить, мне совсем стало не по себе. В советские времена и то, по-моему, достаточно было терапевта, гинеколога и КВД. Для сравнения: во Франции, например, считается, что каждый взрослый человек сам способен оценить состояние своего здоровья, поэтому никаких справок никто не требуется. При этом абонемент во вполне приличный бассейн без ограничения времени посещения на три месяца в Париже мне обошелся в 37 евро. Пенсионеры же там и вовсе могут плавать практически бесплатно, то есть за 18 евро. Что создает, правда, определенные неудобства, поскольку бассейны там часто бывают переполнены стариками. У нас же абонемент на аналогичный срок в бассейн средней паршивости, с указанием времени посещения и продолжительностью пребывания в воде в течение 45 минут, стоит где-то около 300 евро, то есть на порядок дороже. Зато фойе самого жуткого бассейна из всех, что мне доводилось когда-либо видеть, с ржавыми трубами, обвалившимся кафелем и хамскими вахтерами на входе, было все обвешано иконами и православными крестами. Никаких скидок для пенсионеров там, разумеется, не было.

Сожительница брата рассказывает моей мамаше про посещение салона красоты: «Пришли с подругой, и мне там попался, ну, такой, знаете, эстет, – произнося это слово, она презрительно кривит губы, – а подруге – на вид вроде нормальный. Но я-то не сказала своему, что я учительница, а подруга сказала, так того всего прямо перекорежило...»

Надо же, даже умственно отсталые личности вроде нее уже поняли, что эстетам про то, что ты работаешь учительницей, лучше не говорить. А мне вот постоянно приходится наткаться на откровения тех, кто по своему уровню развития, казалось бы, на порядок ее превосходит, причем куда более пугающие. Неужели я совсем не похожа на эстета?

Вот уж не думала, что стану когда-нибудь свидетельницей глобального противостояния казаков и хакеров, которое с каждым днем становится все более захватывающим и драматичным.

Ленин в 18-м году

Так получилось, что мне довелось беседовать со многими французскими левыми интеллектуалами, начиная с Бадью и кончая Соллерсом. И все они, как только речь заходила о литературных симпатиях и антипатиях Ленина, стыдливо отводили глаза в сторону и начинали что-то бормотать про то, что они тоже не совсем разделяют любовь своего идейного учителя к Пушкину, однако для них гораздо важнее его философские труды и политическая деятельность. Я же всегда считала, что не только у Ленина, но и у любого другого мыслителя, писателя или даже обычного человека в первую очередь следует обращать внимание на эстетические предпочтения, а в остальное можно даже особо не вникать. И весь ход новейшей русской истории, по-моему, наглядно продемонстрировал справедливость такого подхода. Откровенно обывательские вкусы вождя мирового пролетариата – главная причина массовых репрессий, голодомора, поражения в «холодной войне» и распада СССР.

Забавно также слышать, что, окажись на месте Ленина Троцкий, то все могло сложиться еще хуже. Ввиду более радикальных взглядов последнего. Троцкий, между прочим, написал вполне приличную статью про Селина. А любовь к Пушкину, Толстому и Бетховену в 1918-м году? Что может быть ужаснее?

Православные священники, ко всему прочему, своим обликом напоминают митьков. Такие же бесформенные, неумытые и заросшие густой растительностью. Правда, митьки еще и добрые, а верующие, несмотря на свою аморфную внешность, до такой степени деградации пока, к счастью, не дошли.

Глубочайшее презрение к добру – единственное, что меня привлекает в религии. Атеисты же все какие-то чрезвычайно правильные и высоконравственные. В жизни не встречала еще ни одного атеиста, который не был бы, что называется, «порядочным человеком». От одного этого словосочетания мне всегда становилось немного не по себе.

к счастью, не слишком длинный фильм

Посмотрела «Долгую счастливую жизнь» в Доме кино. С первых же кадров захотелось уйти, но я сделала над собой усилие и решила дожидаться, когда на экране начнет хоть что-то происходить. Все-таки, в аннотации было написано про фильм «с элементами триллера». Удивительно, но в тот самый момент, когда чаша моего терпения переполнилась, и я уже стала приподниматься с кресла, чтобы покинуть зал, кино неожиданно закончилось. Как, интересно, режиссеру удалось так все рассчитать? Вот это меня, пожалуй, больше всего потрясло во время просмотра.

В результате, чтобы разобраться, что я видела, мне пришлось еще раз внимательно перечитать аннотацию. Оказалось, что это не просто фильм «с элементами триллера», как я по наивности думала, но там еще показана «трагедия маленького человека», занимающегося сельским хозяйством. И, действительно, главный герой по ходу действия несколько раз при помощи специальной дрели закручивает шурупы в какие-то причудливые конструкции, тратя на каждый где-то около пяти минут. Я не засекала, но на глаз выходило не меньше, уж больно неторопливыми и неуклюжими выглядели со стороны все его телодвижения. Так же не спеша, почесываясь и потягиваясь, как бы всем своим видом демонстрируя, что они только что встали с постели, пробудившись от долгого и глубокого сна, на засеянное картофелем поле выходят и остальные труженики села – видимо, чтобы собрать урожай. Все, как на подбор, в лохмотьях, немытые, непричесанные и небритые. А бабы еще и жирные и огромные, как шары. Было бы даже любопытно посмотреть, как им удастся с таким пузом нагнаться к земле, но в фильме, к сожалению, сам процесс сбора картофеля не показан. В основном же по ходу действия его персонажи обмениваются между собой репликами, разобрать смысл которых мне в большинстве случаев вообще не удалось. Например, на предложение отдать ему деньги к Рождеству местный сельский бизнесмен вдруг отвечает: «Я Рождество не праздную». Вот эта фраза у меня почему-то сильнее всего засела в голове, так как я совершенно не представляю себе человека, который в реальной жизни мог бы подобным образом отреагировать на столь невинное предложение. Даже самый рафинированный интеллигент-атеист или же синагогальный еврей и те, наверное, такого бы никогда не сказали, поскольку Рождество – это, вроде бы, привычный для всех с детства праздник, практически Новый год. А тут вдруг выясняется, что его принципиальным противником является житель деревни с квадратной головой. Из остальных событий мне запомнилось, как главный герой еще минимум три раза пересекает по длинному мосту реку, причем в реальном времени. Не

меньше внимания в фильме уделяется и просто текущей в этой реке воде, которая периодически появляется в кадре и подолгу оттуда не исчезает. То есть режиссер, как и его герои, тоже, судя по всему, во время съемок никуда особо не спешил. Естественно, что при таких разворотах жить персонажам фильма приходится в жалких полуразвалившихся лачугах, среди куч мусора, который абсолютно некому убрать. А главный герой мучительно и подолгу закручивает свои шурупы в темном сарае с прохудившейся крышей, расположившись на полу из некрашенных сгнивших досок, на фоне покосившегося деревянного сортира, который виднеется в просвете открытых дверей. Тем не менее, этих вялых неторопливых движений и бесцельных хождений туда-сюда оказывается вполне достаточно, чтобы он к финалу фильма посчитал себя настолько перетрудившимся и обиженным на весь мир, что замочил сразу трех представителей сельской администрации. Только потому, что те захотели выкупить у него землю с развалинами сарая и прочей рухлядью. На этом, собственно, действие драмы «из жизни маленького человека» и заканчивается.

Но самое интересное заключается в том, что из аннотации, где приводятся выдержки интервью с режиссером, я узнала еще и о том, что он совершенно искренно считает, будто набора таких вот невразумительных, наспех состряпанных диалогов и откровенно затянутых и небрежно снятых сцен вполне достаточно, чтобы рассчитывать на главный приз Берлинского фестиваля, где его фильм был заявлен в конкурсной программе. То есть, показывая, как в его представлении должен выглядеть тяжелый физический труд людей, занимающихся выращиванием картофеля, режиссер, возможно, сам того не желая, очень точно запечатлел себя и свою съемочную группу в процессе работы. По крайней мере, амбиции главного героя, за всю свою жизнь так и не научившегося толком закручивать шурупы, вполне сопоставимы с его собственными. И в этом смысле, можно, наверное, даже сказать, что режиссеру все же удалось снять вполне символическую картину из современной жизни.

Религия – это даже не учение, а фокус, причем с достаточно небрежно расставленными декорациями. Поэтому меня удивляет количество философских работ, посвященных разоблачению христианства, которые до сих пор появляются на свет. Лично я Деда Мороза однозначно предпочитаю Иисусу Христу. Странно, что этот нетрезвый персонаж в красном кафтане и с ватной бородой столь мало интересует современных мыслителей. Между тем, живи Ницше в наши дни, он, наверняка, взялся бы за сочинение трактата под названием «Антидедмороз».

Даже если поймать за руку того, кто вытащил у тебя кошелек – у него при ближайшем рассмотрении окажется ровно столько же аргументов в свою пользу, как и у тебя. В этом мире нет правых и виноватых. Поэтому всегда лучше проявить инициативу и залезть в карман самому, чем ждать, когда кто-нибудь решит обокрасть тебя.

Чтобы осознать природу непомерно раздутого самомнения так называемых верующих, стоит не полениться и перечитать Евангелие. Авторы этой пафосной книги, кажется,

совершенно искренне не понимают, что любая смерть, пусть даже на кресте – это всего лишь смерть. И не более того. И каким образом тогда, пройдя через столь банальный акт, Христос сумел вобрать в себя страдания всего человечества?

Забавно, что раньше мне казались крайне надуманными любые параллели между коммунистической идеологией и христианством. Но теперь, когда я иду, к примеру, поздно вечером по городу и буквально на каждом шагу натываюсь на магазины, которые не закрываются не только ночью, но и в праздники, я понимаю, как много между ними общего. Нигде в мире больше такого не встретишь. А все потому, что в России до сих пор так и не появилось нормальных профсоюзов, которые могли бы защитить элементарные интересы трудящихся, избавив их хотя бы от круглосуточной эксплуатации. Зато здесь есть мощнейшая компартия, которая ставит перед собой глобальную задачу смены власти и мировой революции.

Главная особенность верующих тоже заключается в том, что они точно так же абсолютно ни во что не врубаются, ни в какие мелочи и детали. И поэтому говорить с ними о чем-либо конкретном бесполезно. Пытаться это сделать – все равно, что дать в руки какому-нибудь пафосному придурку книгу Селина, например. В силу специфики своих занятий, я много раз наблюдала подобную картину. Такой тип сразу же начинает вопить: «Ах, Селин, он же сидел в тюрьме и так много страдал. Простые смертные этого понять не в состоянии!» Или же по сути то же самое, но с несколько другим акцентом: «О, это же сам Селин, его следует читать исключительно по-французски!» То есть перед Селином, по причине безмерности его страданий и бесконечности содержащихся в его книгах смыслов, всем следует упасть на колени, совсем как перед Иисусом Христом.

Между тем, Селин, как бы я сама к нему ни относилась – это всего лишь Селин. И не более того. И именно этим, кстати, он выгодно отличается от Иисуса Христа, вобравшего в себя страдания всего человечества, а больше, в сущности, абсолютно ничем не примечательного.

Вождь Октябрьской революции наравне со всеми таскал бревна на субботнике, художники уже давно рисуют на асфальте и стенах домов, так почему бы и писателю не вести свой блог? Не вижу в этом ничего особенного. Аккаунт в фейсбуке, например, я решила завести сразу же после того, как балерина Волочкова спустилась в метро.

Море – это, конечно, вечное. Но впервые за всю свою жизнь, наверное, пожалела сегодня, что родилась в Ленинграде, а не где-нибудь в Ростове. Вместо «Морских рассказов» была бы сейчас автором «Рассказов про казаков», а это куда актуальней.

Забавно, что, только отредактировав огромный том антологии «Тель Кель», я наконец-то более-менее осознала значение слова «дискурс». В принципе, оно оказалось не таким уж и бессмысленным. В ряде случаев его вполне можно было бы употреблять, но я все равно этого делать не буду. По-моему, это слово из языка бедных. Будь у меня, например, побольше бабок, я бы прожила свою жизнь, так и не узнав, что оно значит.

Теперь, если я слышу, как кто-то произносит подряд хотя бы три фразы, содержащие в себе слова: «дискурс», «деконструкция» и «трансгрессия», – то невольно смахиваю набежавшую слезу.

Не знаю, правда ли, но слышала, что цитата из романа «Домик в Буа-Коломб» лет десять назад была использована фанатами Спартака на матче с ЦСКА в качестве баннера: *«ОН ЛЮБИЛ ТОЛЬКО ЛОШАДЕЙ И ГУСЕЙ, ПОТОМУ ЧТО ИХ МОЖНО ЕСТЬ»*. Смысл этого баннера мне потом разъяснили: ЦСКА среди болельщиков называют «конями», и там тогда играл некий Гусев.

По-моему, это был единственный раз в моей жизни, когда слова Тютчева «нам не дано предугадать» оказались справедливыми. Обычно все бывает достаточно предсказуемо.

Представила себе сегодня на мгновение: а что осталось бы от Селина, если бы он не был автором расистских и антисемитских памфлетов? Что сейчас считалось бы наиболее характерным в его облике? Любовь к животным и работа в качестве врача для бедных? По-моему, это ужасно.

Несмотря на бассейн, от сидения за компьютером спина периодически все равно начинает болеть. Можно было бы, конечно, еще и йогой заняться, например. Только желательно безо всех этих карм, пран, нирван и прочей херни. Просто полезные физические упражнения, если такие, действительно, существуют - и все. Неужели в этом мире нет ничего ценного, к чему в качестве бесплатного приложения не прикладывалось бы еще и нечто многозначительно-духовное? Спина спиной, но не хочется чувствовать себя идиоткой, улавливающей локаторами ушей космическую энергию. Помню, мне как-то попалась книжка уж совсем, казалось бы, скромного советского академика, который разработал специальную методику дыхания для борьбы с повышенным давлением. Начала читать, все вроде бы более-менее доходчиво объяснено: как следует втягивать воздух носом, как выдыхать, – сразу чувствуется, что писал практикующий врач, в молодости успешно сдавший зачет по научному атеизму. И даже сама книга была напечатана на такой грубой желтоватой бумаге типа газетной. Но нет, в заключение и он не удержался и обобщил: добрые и отзывчивые люди дышат правильно, тогда как зацикленные на себе эгоисты обычно вдыхают воздух ртом, а выдыхают носом.

Оказывается, судьбами сирот озабочены практически все граждане России. Даже представить себе такого не могла. Мне казалось, детей любят исключительно депутаты. Окончательно разочаровалась в людях.

Больше всего меня раздражает в религии то, что она отвлекает человека от множества забавных мелочей: вкусной еды, разного рода удовольствий, путешествий, приключений, стремления к успеху, интриг, добывания бабок, - предлагая вместо этого сосредоточиться на какой-то абстрактной вечности. По сути, религия просто сбивает людей с толку или же, образно выражаясь, смешивает карты в партии, которую каждый живущий в этом мире так или иначе ведет. Однако какими бы суетными и незначительными не казались результаты, достигнутые тобой в изнурительной борьбе с конкурентами, следует раз и навсегда для себя усвоить, что они только и составляют смысл человеческого бытия. В этом мире есть победители и проигравшие. И все. Ничто не должно отвлекать человека от четкого осознания этой простой истины. Никакая вечность.

Кстати, машинистка, печатавшая рукопись «Путешествия на край ночи», сразу по завершении работы покончила с собой. Кажется, она еще и оставила предсмертную записку, где описала причины, побудившие ее к столь роковому шагу.

Забавно, что когда-то меня всерьез волновали переживания наборщиков, корректоров и типографских рабочих, вынужденных по долгу службы сталкиваться с совершенно не понятной им литературой, полной всяческих извращений и вообще непривычных для них мыслей и чувств. Я даже считала, что во многих случаях им следовало бы доплачивать специальные надбавки за вредность, наподобие тех, что в свое время получали врачи советских психиатрических больниц.

Однако сейчас я думаю, что так называемые «простые люди» отличаются от того же Селина разве что глубиной самосознания и способностью действовать более спонтанно, а вовсе не чистотой своих помыслов и безобидностью поведения. Более того, за долгие годы общения с корректорами, дизайнерами, редакторами и, особенно, издателями я сама, например, уже вполне заслужила надбавку к пенсии за тот ущерб, который нанесли моей хрупкой психике все эти совершенно не контролирующее собственное поведение маньяки и придурки.

Такое впечатление, что «Анну Каренину» в последнее время стали экранизировать чуть ли не каждые два года. А сколько было уже снято фильмов ранее! Похоже, кинематографистов на этом романе Толстого слегка заклинило. И, опять-таки, невольно вспоминается полностью обделенный их вниманием Селин.

Видимо, тут все дело в том, что образ Анны – это почти Гамлет, только для представителей актерской профессии женского пола. И каждая новая кинозвезда мечтает запечатлеться в вечности именно в данном амплуа. При этом я, например, не помню ни одной актрисы, которая бы, сыграв эту роль, удостоилась признания широкой публики и критики. Тогда как практически все гамлеты, наоборот, считаются актерскими удачами. Забавно, что главная претензия к исполнительницам роли Анны обычно сводится к их недостаточной аристократичности. Так, насколько я помню, было во времена моего

детства с той же Самойловой, которую все окружавшие меня взрослые называли не иначе как «истеричкой» и «служанкой». Настоящая же аристократка, по мнению, советских обывателей, должна была держаться куда более солидно и прыгать под поезд, совершив в воздухе изящный пируэт.

Что же такое подлинный аристократизм? Как лидер Движения Аристократический выбор России я, естественно, не могла пройти мимо такого вопроса, не найдя для себя на него какой-нибудь более-менее вразумительный ответ. В частности, в Париже мне достаточно часто приходилось встречаться с потомками белых русских. В результате, я пришла к выводу, что аристократы – это, по сути, те же обыватели, правда, умеющие прямо сидеть за столом и правильно пользоваться ножом и вилкой. Что, в принципе, для нашего скудного мира не так уж и мало.

Простояла сегодня полтора часа в поликлинике, чтобы сдать заявление на новый медицинский полис. Теперь, чтобы его получить, через пару месяцев придется, как я поняла, снова провести примерно столько же времени в такой же очереди. И это еще не гарантия, что полис к тому моменту будет готов. Тогда через какое-то время придется повторить все снова. А потом, может быть, и еще... Впрочем, не стоит так далеко загадывать. Лучше отвлечься и думать о чем-нибудь приятном.

Мужичок передо мной, кстати, и вовсе протянул в окошечко уже готовый полис, а ему сразу ответили, что с этим надо не сюда, а куда-то на Васильевский. Он взял свою бумажку, повернулся ко мне и произнес: «Отстоял два часа, только чтобы узнать адрес, куда мне нужно было обратиться». При этих словах на его лице отразилось что-то вроде настоящего блаженства. По-моему, в этот момент он приблизился к пониманию главного смысла своего бытия и пережил катарсис. Возможно, даже впервые в жизни. Что касается меня, то, сразу же осознав серьезность происходящего, я на всякий случай отступила на шаг назад, чтобы он, чего доброго, впад в транс, случайно не наткнулся на меня и не упал на бетонный пол, разбив себе об него башку. Но ничего такого, к счастью, не произошло. Он благополучно покинул зал регистратуры районной поликлиники, где разворачивались все эти драматические события, и, сосредоточенно уставившись в записку с только что полученным адресом нового пункта назначения, видимо, напрямик туда и отправился.

В этом мире религия является главным конкурентом и даже врагом искусства. Поэтому меня так и раздражают писатели, под конец жизни отправившиеся в монастырь. Невозможно покорить мир, если тебя окружают слабые людишки, не способные справиться даже с такими дешевыми и рассчитанными на откровенных кретинів понятиями, как «бог», «вечность» и «любовь». Тем более, что с годами человек должен становиться мудрее и более ясно видеть, как все вокруг него устроено. И тут вдруг очередной даун совершает такой вот финт ушами, оповещая человечество, что теперь, подойдя к краю жизни, он удаляется от мирской суеты, решив посвятить остаток своих дней «размышлениям о вечном». Всю жизнь он рифмовал слова, исключительно потому что этим до него занимались многочисленные кумиры толпы, признанные классиками мировой литературы, а на старости лет, следуя все той же логике общепринятого, решил подстраховаться насчет своего загробного существования.

Жаль, что у искусства до сих пор нет единой доктрины и официальных жрецов. Мне было бы приятно видеть, как таких перебежчиков предадут анафеме. Чтобы у них не оставалось никаких иллюзий, будто хоть один уважающий себя человек и дальше будет пачкать себе мозги чтением их сочинений. Пусть отправляются в свой обывательский рай к испутившему их грешки боженке!

Самые страшные сомнения, одолевавшие много лет назад простых людей, когда они впервые видели абстрактную картину, заключались в том, что создавший ее художник не умеет рисовать. Сегодня же об этом вряд ли кто всерьез задумывается. Абстрактные полотна прекрасно вписались в интерьер обывательских квартир. Правда, задачи, которые ставил перед собой Кандинский, тоже теперь мало кого волнуют. По этой причине его вполне можно считать основателем «меблировочной живописи», по образцу «меблировочной музыки», изобретенной его современником Сати. Такая негромкая ненавязчивая музыка сейчас часто звучит во многих кафе и залах ожиданий вокзалов и аэропортов и, в отличие от шансона или же рэпа в маршрутках, совершенно никого не раздражает. Историческая несправедливость заключается в том, что Сати, по сравнению с Кандинским, является фигурой полузабытой, несмотря на то, что именно он, а не Кандинский, был основателем реально существующего в наши дни направления в искусстве. Кандинского же просто переполняли амбиции, которые он так и не сумел воплотить в жизнь. Поэтому его, увы, даже нельзя поставить в один ряд с Колумбом, хотя, в определенном смысле он, точно так же, как и Колумб, отправившись в Индию, приплыл в Америку, однако в его случае этот континент к тому моменту уже оказался открыт другим человеком.

Что касается меня, то, наткнувшись на путаные философские трактаты, научные статьи, так называемую «авангардную прозу» и глубокомысленные поэтические тексты, я до сих пор так и не смогла избавиться от сомнений, что их авторы способны в жизни высказывать более-менее здравые суждения по поводу каких-либо самых элементарных явлений окружающей действительности. При этом отрывками из их произведений совершенно спокойно можно заполнять страницы многочисленных литературных журналов, поскольку они тоже практически никого особо не раздражают и не волнуют. И надо сказать, что примерно в девяноста девяти случаях из ста мои подозрения оказываются справедливыми.

Возведение новых храмов и появление кафедр теологии на фоне сворачивания художественных выставок и закрытия научных институтов, занимающихся изучением искусства, является еще одним подтверждением того, что в данном случае речь идет о столкновении интересов двух конкурирующих религий.

Чтобы понять, какая из них для человечества сегодня важнее, вероятно, было бы достаточно самого элементарного социологического исследования. Не опрашивать население, а просто выяснить, кого сейчас больше: верующих писателей или страдающих графоманией служителей культа. Спрашивать же кого-либо об этом в лоб нет никакого смысла. Результат будет слишком предсказуем, поскольку одна из этих религий присвоила себе формальные права на такие абсолютно непостижимые для сознания рядового обывателя слова, как «бог» и «вечность». Однако священник, чья рука тайком тянется к карандашу и бумаге, лучше всяких слов свидетельствует о том, что перспектива обретения отодвинутой в неопределенное будущее вечной жизни прельщает далеко не всех, и значительная часть людей, в том числе и тех, кто считается максимально осведомленным в данном вопросе, предпочитают более реальные и осязаемые формы приобщения к

вечности в виде тиражей своих книг, а так же посвященных им посмертных памятников и мемориальных досок.

Впрочем, и результаты подобного исследования кажутся мне достаточно предсказуемыми. Боюсь, что все будет примерно, как в случае с кичающимися своей духовностью мусульманами, упорно переселяющимися в безбожную, но благополучную Европу или Америку.

Несколько двусмысленно на этом фоне выглядят обратившиеся на старости лет к Богу литераторы. Хотя и с ними все более-менее понятно. Относительная многочисленность подобного рода личностей (особенно в сравнении с количеством европейцев, желающих сейчас переселиться, к примеру, в высокодуховный Иран) объясняется тем, что в подавляющем большинстве они представляют из себя своеобразных халявщиков, которые, потешив свое самолюбие и получив гарантии увековечивания себя в памяти потомков в качестве мастеров пера, решили на всякий случай подстраховаться, заручившись гарантией обретения вечной жизни еще и у священнослужителей. Однако, я думаю, что деятели искусства должны в самое ближайшее время серьезно ужесточить правила поведения для своих наиболее ушлых и пронырливых коллег, чтобы у тех не оставалось никаких иллюзий по поводу возможности поклонения сразу двум богам и, соответственно, обретения бессмертия в двух параллельных вечностях. Тем более, что крайне агрессивное поведение служителей традиционного культа практически не оставляет им сегодня выбора. У писателя в наши дни не должно быть никаких сомнений в том, что существовавшая много веков халява окончательно и бесповоротно закончилась: либо он полностью посвящает себя литературе, либо отправляется в свой иллюзорный рай, к своим, если так можно выразиться, братьям по разуму. Столь же решительные меры, мне кажется, в самое ближайшее время вынуждены будут принять и власти Европы к многочисленным мигрантам с Востока

По идее, и на судах теперь вместо замполитов тоже должны появиться священники. Правда, пароходств в России практически не осталось. Так что придется, видимо, выпускникам семинарий подписываться «под флаг» и нести слово Божие каким-нибудь африканцам и азиатам в качестве миссионеров. Было бы прикольно.

Поменяла стиральную машину, так и не дождавшись, когда наконец сломается старая, которая мне ужасно надоела. В магазине на вопрос, какая модель предпочтительней, продавец доверительно поделился: «Вы же понимаете, что таких, как раньше, вы теперь не найдете. Никто ведь не заинтересован, чтобы машина работала долго». Ну да, чего уж тут непонятного! Аптекари делают все от них зависящее, чтобы люди побольше болели, врачи, само собой, тоже, сапожники мечтают об одноразовых сапогах, это их идеал, крестьянам нужно, чтобы все голодали, военные всячески способствуют разжиганию межгосударственных конфликтов, создателям антивирусов необходимы хакеры, полицейские радуются росту преступности, и только кладбищенские работники находятся в полной гармонии со своим предназначением и с нетерпением ждут новых клиентов. Так устроен этот мир.

А для писателей, кстати, очень важно, чтобы читатели отставали от них в развитии. Поэтому Россия до сих пор и имеет репутацию самой читающей страны в мире.

Коммунистические старушки, и те на порядок приятнее православных. Помню, в сети был ролик, где они карабкались по льду к памятнику Ленину, чтобы возложить у его подножья букетики цветов. Ветер дул им в лицо, они скользили, падали, а потом поднимались и снова протягивали свои дрожащие ручонки с цветами вперед, к заветной цели. Их кумир был атеистом, но даже на краю жизни они готовы пожертвовать вечностью ради него. Это ли не величие духа?

Наблюдала сегодня у Спасо-Преображенского собора душераздирающую сцену. Точнее сначала я услышала истошный вопль: «Как вы смеете такие слова мне говорить, да еще возле церкви! Как вам не стыдно! Проклинать моих будущих детей...» Я обернулась и увидела девицу, которая, трагически обхватив голову руками, положила ее на плечо своего парня, а тот всячески пытался ее утешить и успокоить, чтобы она так громко не орала и не привлекала к себе внимание прохожих. Крики же ее были обращены к низкорослой бабе лет шестидесяти, алкоголического вида и в бомжовском плаще, как раз проходившей мимо меня и, судя по всему, не ожидавшей, что произнесенные ею слова, которых я не слышала, возымеют столь сногшибательный эффект. Поэтому, поравнявшись со мной, она буквально вся светилась от удовольствия, затем подняла глаза к небу, с наслаждением втянула в себя воздух и, обернувшись к собору и еще раз с поклоном перекрестившись, чуть ли не пританцовывая, удалилась по направлению к Литейному. Было видно, что она получила прекрасный заряд бодрости и, по меньшей мере, в ближайшую неделю хорошее настроение ей гарантировано. Девица же продолжала всхлипывать на плече у своего приятеля, периодически дергаясь всем телом и пытаясь освободиться из его крепких объятий. Не знаю, может быть, она просто обкурилась или же перепила, но, глядя на нее, у меня возникло такое чувство, что она теперь будет вспоминать обрушившиеся на нее проклятия чуть ли не до самой смерти, а все несчастья, какие когда-либо постигнут в жизни ее будущих детей, если таковые все же появятся на свет, тоже будут приписаны случайной незнакомке в потертом плаще. В какой-то момент, у меня даже возникло желание подойти к ней и, представившись экстрасенсом, предложить снять наложенную на нее порчу – за определенное вознаграждение, естественно. И ей стало бы легче, и я бы немного подзаработала. Лишние бабки никогда не помешают. Но, к сожалению, у меня совсем нет опыта подобного общения с незнакомыми людьми на улице, поэтому на сей раз я свой шанс упустила.

Тем не менее, я думаю, что при желании вполне можно было бы договориться с какой-нибудь бомжихой, чтобы она проклонила возле церкви случайных прохожих, а я бы потом в качестве случайно оказавшейся поблизости доброй феи облегчала участь наиболее слабонервных и доверчивых из них при помощи своих сверхъестественных способностей, магических заклинаний и нескольких капель святой воды из заранее припрятанной в сумке бутылочки. По-моему, это неплохая идея. Десять процентов от полученной выручки я бы потом отдавала своей напарнице, оказывая таким образом материальную поддержку бедным людям.

Вчера опять видела афишный щит с физиономией «почетной гражданки Петербурга», Берггольц. Я, кстати, постоянно хожу мимо ее дома на Рубинштейна. Говорят, под конец жизни поэтесса часто валялась там обоссанной у стены. А теперь на этой стене висит посвященная ей мемориальная доска. Надо бы посмотреть, что там написано. Наверняка что-нибудь типа: «Никто не забыт, и ничто не забыто». Или еще какие-нибудь проникновенные слова, посвященные героическим защитникам города. Такие стихи, думаю, никогда не устареют, потому что их всегда, даже через сто лет, будет совершенно невозможно читать.

Не представляю, существует ли в мире что-либо скучнее блокады, только от одного упоминания этого слова у меня сразу начинает сводить скулы. По-моему, это настоящая черная дыра в истории Петербурга, ибо город-герой – явление, не поддающееся художественному осмыслению. И создали его не немцы, и даже не коммунисты, а личности, вроде Берггольц.

Интересно, будут ли когда-нибудь судить за подобные эстетические преступления? Я, пожалуй, могла бы выступить на таком процессе в качестве общественного обвинителя. Поскольку считаю, что все лица, причастные к данному деянию, пусть даже случайно и помимо своей воли, не заслуживают снисхождения и должны быть лишены каких-либо льгот и привилегий. Будь то Ахматова или же Шостакович – у них тоже нет никакого морального права называться гениями. А что касается Берггольц, то самое печальное, что она на это и не претендует. То есть с нее, в сущности, нечего взять. Поэтому она меня так и бесит.

Судя по сериалам, американцы гораздо более утонченная нация, чем англичане.

Отождествление людей с животными – одно из самых распространенных заблуждений наших дней. На мой взгляд, в человеке гораздо больше сходства с растениями. По крайней мере, если говорить о его духовном устройении. Внимательно взглядевшись в биографию любого случайного индивида, всегда можно проследить, как и в каком направлении произрастал его ствол, являющийся главным стержнем его жизни. Важно при этом сразу отбросить все сознательное и циничное, ибо это не более, чем сухая и безжизненная кора, предохраняющая от нежелательных внешних воздействий спрятанную под ней способность абсолютно искренней и непосредственной любви к субъектам и явлениям окружающего мира. Увлекаемые этим душевным порывом люди устремляются всем своим существом в том или ином направлении, подобно тому, как деревья, кусты, трава и цветы тянутся к свету.

Особый интерес, конечно же, представляют личности, добившиеся в жизни успеха. Исследовав их биографию, неизбежно приходишь к выводу, что их отличает от других, прежде всего, способность спонтанно и беззаветно любить нужных им для продвижения по карьерной лестнице людей, например. Теперь остается разобраться с тем, что представляют из себя объекты их привязанности. Только взглядевшись в них, можно по-настоящему осознать, как мало в этом мире не увядших в зачаточном состоянии и пробившихся к свету по-настоящему красивых цветов, так как их практически невозможно разглядеть за трудно проницаемыми для глаза зарослями сорняков. При этом помыслы каждого отдельно взятого индивида во всех случаях остаются абсолютно чистыми и незамутненными. Отличаются только объекты их поклонения, которые при внимательном рассмотрении могут оказаться прекрасными либо уродливыми. Однако их в этом суровом мире никто специально для себя не выбирает – как не выбирают произрастающие на земле

растения Солнце, к которому они вынуждены тянуться всем своим существом, подчиняясь исключительно инстинкту выживания.

Таким образом, красота духовного облика человека полностью предопределена случайным стечением обстоятельств и столь же мало связана с моралью, как и его физическая привлекательность, являющаяся результатом хаотичного сочетания генов. Эту красоту невозможно поставить кому-либо в заслугу, но от этого она еще больше радует мой глаз в тех редких случаях, когда я вдруг натываюсь на нее. Но больше всего меня утешает сознание того, что, даже утратив последнюю надежду найти что-либо прекрасное во внешнем мире, я все равно смогу любоваться на собственное отражение. И никто не в силах помешать мне это сделать, поскольку только всепоглощающая и всепобеждающая любовь к самой себе позволила мне возвыситься над уродством окружающей действительности.

Процесс Бродского и большинство нынешних наиболее громких судебных разбирательств, по сути, зеркально противоположны. Шестидесят лет назад судья строго следовал существовавшим тогда законам, а представители общественности требовали от него взглянуть на ситуацию с точки зрения вечных нравственных ценностей. А в наши дни уже сами вершители правосудия выступают в качестве бунтарей, бросающих вызов общепринятым обывательским нормам, и апеллируют к отсутствующим в законодательстве представлениям о добре и зле.

За этой удивительной метаморфозой, я думаю, скрывается недвусмысленный намек на то, что человечество в своем духовном развитии проходит через определенные циклы, наподобие тех, что совершает за год, обходя Солнце, вращающаяся вокруг собственной оси Земля. За это время представители различных социальных групп внутри того или иного государства успевают полностью поменяться исходными позициями в оценке различных явлений окружающей действительности. Точно так же, как постоянно проходящие через состояния ночного затемнения и дневного просветления континенты в течение года на несколько месяцев оказываются под снегом и льдами, а затем вновь покрываются бурной растительностью и изнывают от палящего солнца.

К юбилею Пушкина я делала журнал «Дантес». В следующем году, по-моему, исполняется двести лет Лермонтову. Но вот Мартынов что-то меня совсем не вдохновляет.

Видимо, Пушкин такой персонаж, которого хочется убивать снова и снова. Жаль, что до сих пор никто не придумал соответствующую компьютерную игру. С удовольствием бы в него стреляла в промежутках между утомительными занятиями литературой.

La conviction des bourgeois que tout le sublime de l'art n'existait que dans le passé révolu me force à prendre mes distances d'eux à présent. { Убежденность обывателей в том, что все великое в искусстве существовало исключительно в далеком прошлом, заставляет меня держаться от них на расстоянии в настоящем.(франц.) }

Пушкин непереволим, а Толстого невозможно экранизировать. Пора бы уже это всем признать и окончательно смириться с данным фактом. Меня вообще удивляет отвага режиссеров, которые с завидным упорством пытаются воплотить на экране образ Анны Карениной. Контингент читателей Толстого таков, что их взыскательные вкусы вряд ли в обозримом будущем кому-нибудь удастся удовлетворить. Возможно, по своим интеллектуальным запросам они и отличаются от поклонников таланта Булгакова, например, но, как только речь заходит об экранизации этого, не то чтобы самого ими любимого, но, безусловно, достойного всеобщего уважения романа, они ощущают себя практически столь же несчастными и обманутыми, как и фанаты загадочного Мастера, так долго ожидавшие встречи с чем-то абсолютно волшебным и невероятным по уровню духовности и в который раз не обнаружившие в экранном персонаже ни капли сходства со своим кумиром. Как бы ни тарасил глаза, какую бы глубокомысленную мину на лице не пытался изобразить актер, взваливший на себя эту непосильную задачу, зрители с негодованием отворачиваются от него и, не скрывая ехидства - видимо, желая окончательно добить несчастного - ставят ему в пример исполнителя роли Сатаны. Вот так и с Анной. Ей вечно не хватает аристократизма, и в этом смысле она даже чем-то напоминает мне Россию, «которую мы все потеряли»...

Много лет наблюдая за этими драматическими поисками постоянно ускользающего идеала, я не могу не думать, как мне все-таки повезло, что в свое время я взялась за перевод именно Селина, а не какого-нибудь западного аналога Толстого или же, даже страшно подумать, Пушкина. Ведь в молодости я ориентировалась в культурном пространстве гораздо хуже, чем сейчас, и вполне могла польститься на носителя не переводимой на другие языки духовности. Представляю, сколько нервов и сил мне пришлось бы тогда потратить на бесконечные столкновения с личностями, чьи возвышенные ожидания были бы мной невольно разрушены и грубо втопты в грязь. Не исключено, что к настоящему моменту меня бы уже не было в живых... Конечно, и среди поклонников Селина попадаются иногда столь же одухотворенные и утонченные существа, но их, к счастью, совсем немного, можно даже сказать, единицы.

Тем более странно, что Селин, чьи почитатели в массе своей являются скромными и неприязнительными людьми вроде меня, до сих пор остается единственным классиком мировой литературы, творчество которого ни разу не привлекло к себе внимание кинематографистов. Объяснения этого факта я для себя пока так и не нашла.

Религия и искусство – две конкурирующие фирмы, однако у них есть еще и один общий враг в лице науки. Кто бы что ни говорил, а самый большой урон писателям наносят литературоведы.

Сколько себя помню, я всегда больше всего на свете опасалась соприкосновений со всем умным. Стоило мне заподозрить в ком-либо малейшие признаки ума, как я мгновенно утрачивала к нему всякий интерес. Мне всегда казалось, что ум для писателя – как родовое проклятие, и человек, родившийся умным, навсегда потерян для искусства. Или даже хуже. Он подобен прокаженному, прикоснувшись к которому, я и сама могу стать такой же.

Но с некоторых пор я все чаще стала замечать, что, какого бы откровенного дегенерата я не встретила на своем пути, какую бы грубо состряпанную чушь про меня очередной даун не написал, я не могу избавиться от навязчивого ощущения, что имею дело с тем, кто все равно умнее меня. И рано или поздно мне придется в этом убедиться.

Похоже, все мои страхи были напрасными, и я уже давно приблизилась к идеалу, к которому стремилась всю жизнь.

Когда возвращалась вчера от мамы, в вагон метро ввалилась баба в обоссанном рваном пальто, с огромными пакетами и сумками в руках, уселась прямо на пол у дверей и так ехала. У нас теперь, я смотрю, все стало совсем как в Париже.

Обожаю фильмы, где маньяк мочит баб, а потом вырезает у них печень или сердце, жарит их с картошечкой, грибами, лучком и с аппетитом ест. Таких у меня довольно много. Всегда приятно, когда человек получает удовольствие, чем бы он ни занимался.

А вот в «Исчезновении» некий преподаватель химии долго тренировался, испытывал на себе хлороформ, репетировал похищение, а потом запихнул свою жертву в гроб и заживо закопал. Зачем? Просто, чтобы переступить какое-то табу, то есть как Раскольников или типа того. Вот это, действительно, страшно.

Практически у каждой социальной группы имеется своя мифология, которая должна гипнотизировать непосвященных и, таким образом, защищать от нежелательной агрессии и вторжений с их стороны. На уровне простых слов, так сказать, без применения крайних мер.

Преступники рассказывают всем байки о том, как они живут по понятиям и чтут воровские законы. Примерно так же действовали и аристократы в далеком прошлом, которые, обращаясь к своей родословной, старались накапать на мозги крестьянам и другим представителям низших слоев общества. Барин олицетворял сразу множество заслуженных личностей и становился более весомым в глазах подчиненных ему людей. Ну а писатели, соответственно, вешают лапшу на уши читателям про свое преклонение перед традицией и гениями. И опять-таки, продолжатель дела Толстого, Пушкина и Достоевского в глазах обывателей выглядит гораздо солиднее, чем простой индивид по фамилии Петров или Сидоров.

Реальность, увы, часто оказывается далека от идеала. Наиболее духовные и романтически настроенные воры, мошенники и грабители сетуют на падение нравов и повсеместное торжество так называемых «беспредельщиков», которые не соблюдают уголовных традиций. Аристократы негодуют по поводу богатых самозванцев, которые скупают их родовые имена и вырубают принадлежащие им вишневые сады. И только в литературе максимального успеха при жизни неизменно достигают писатели, являющиеся общепризнанными наследниками великих классиков прошлого.

О чем это говорит? В отличие от представителей всех остальных социальных групп, общностей и прослоек, которые постоянно вынуждены отвлекаться на разного рода занятия типа грабежей банков или возделывания сельскохозяйственных угодий, только писатели могут позволить себе полностью сосредоточиться на том, чтобы пудрить мозги своим читателям. Ибо именно в этом и заключается главный смысл их деятельности. И это, естественно, приносит свои плоды.

Хорошо, что я купила себе наушники подороже – звук из них сидящим рядом со мной в транспорте не слышен, я проверяла. Сегодня по дороге на дачу включила музыку французских коллаборационистов, а когда автобус поравнялся с Константиновским дворцом, где ныне резиденция президента, вдруг зазвучала песня «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин». Не понимаю, как она туда затесалась. Но, в любом случае, Сталин является неплохим источником духовной энергии, от которого всегда можно подзарядиться, когда устанешь или же у тебя испортится настроение. Гораздо лучше, чем Иисус Христос, например. Можно и без музыки: просто представить мысленно его образ. К тому же, он угробил такое количество людей. Кто-то должен извлечь из его деяний хоть какую-то пользу, не пропадать же всем этим несчастным жертвам даром. А я, взбодрившись, могу даже пойти и сделать какое-нибудь доброе дело.

Не помню уже, откуда у меня в мозгу засела информация, будто католический кюре отказался отпевать Селина. Открыла сейчас последний том написанной Жибо биографии, но ничего такого там не обнаружила. Может быть, я слышала об этом лично от Франсуа или Люсетт... В любом случае, это очень похоже на правду, так как вполне соответствует непомерно раздутому сомнению дипломированных специалистов по Богу, каковыми являются священники. В этом отношении они даже чем-то напоминают искусствоведов.

После изобретения твиттера все, наконец, поняли, каким фуфлом, на самом деле, являются эти хваленые хокку. Потому что теперь выяснилось, что так писать может каждый.

Через несколько лет, когда все обыватели станут сами снимать и монтировать фильмы, до них, наконец, дойдет и то, каких дебилов в лице кинорежиссеров они столько лет содержали за счет своих налогов.

И все-таки, страдания в любом виде глубоко антиэстетичны и практически несовместимы с искусством. Мученическая смерть Мандельштама, например, сразу делает его второстепенным поэтом, хотя изначально, надо признать, он и не был лишен определенных задатков. И, наоборот, Кузмин, которому удалось более-менее благополучно дожить до конца своих дней, даже оказавшись в крайне неблагоприятных для себя условиях, остается для меня единственным поэтом Серебряного века, которого я до сих пор еще могу иногда перечитывать.

И я не уверена, кстати, что даже Селин, если бы ему не удалось выкарабкаться из тех сложнейших жизненных обстоятельств, в которых он оказался, был бы мне сейчас особенно интересен.

mon voyage au bout de la désolation {Мое путешествие на край отчаяния. (франц)}

Глубоко заблуждается тот, кто считает обывателей глупее писателей. Только в прошлом году, к примеру, я два раза купила себе не ту томатную пасту. В первом случае этикетка с

восточной вязью при ближайшем рассмотрении оказалась тонкой стилизацией под иранскую, а потом – на даче, когда стилизованным оказалось уже название известной фирмы, в котором были переставлены местами две буквы. В результате я была вынуждена выбросить обе банки на помойку. Никаких претензий производителям и продавцам я, естественно, предъявить не могла, так как виной всему была исключительно моя собственная невнимательность.

А буквально на днях я решила поменять себе замок и случайно заглянула в интернет, чтобы навести справки и подобрать что-нибудь понадежнее. Лучше бы я этого не делала! Потому что теперь я знаю, что все отечественные образцы абсолютно никуда не годятся, и опытный грабитель без труда открывает их за пять минут. Импортные стоят на порядок дороже, но и они не дают никакой гарантии безопасности. Ну, а за более-менее приличными нужно уже тащиться в Германию, так как здесь они, хотя и попадаются иногда в продаже, но, как правило, изготавливаются в Китае из радиоактивных промышленных отходов. Естественно, я стала чувствовать себя абсолютно незащищенной. Мысль о замке и грабителях не покидает меня ни днем, ни ночью и грозит превратиться в манию. Более того, выходя на балкон покурить, я, на всякий случай, стараюсь держаться подальше от перил, так как с ужасом представляю, из чего они на самом деле могут быть сделаны, если я вдруг углублюсь в историю вопроса и докопаюсь до процесса их создания. Мне неприятно вспоминать, сколько лет я на них спокойно облакачивалась, совершенно не задумываясь о последствиях. Не говоря уже о самом балконе у меня под ногами, который в любой момент тоже может рухнуть, как и тот, что у меня над головой. А ведь всего неделю назад для меня таких проблем не существовало вообще. И я бы могла спокойно дожить до конца своих дней, никогда не узнав, какой опасности постоянно подвергаюсь. Для этого мне достаточно было не совать нос в незнакомую мне сферу производства замочно-скобяных изделий, а довольствоваться старым замком или же, на худой конец, купить ему на смену первый попавшийся, поверив на слово продавцу.

Так что в этой жизни лучше ни во что особо не вникать. Всего один шаг в неверном направлении – и ты рискуешь оказаться на грани отчаяния, приблизившись к самому краю бытия, за которым тебя ждет покрытая зловещим мраком бездонная пропасть.

А Жижек, если я правильно поняла, закончил философский факультет и всю жизнь работал по специальности. Забавно.

Все же из трех основных учений прошлого столетия с основоположником больше всего не повезло марксистам. Ницше и Фрейд более-менее полноценны, и только Маркс – откровенный инфантил и даун. В результате, какие бы умные книги и теории ни сочиняли его последователи, получается, что они не способны заметить самого главного: глупости того, на кого постоянно ссылаются. А это значит, что они и сами не особенно умны.

Притом, что в школе и ВУЗе они могли учиться даже лучше тех, кто выбрал себе в качестве главного авторитета Ницше или Фрейда. Представляю, как им должно быть обидно, когда до них вдруг доходит, как они вляпались. Но с работы так просто не уволишься, плюс книги и диссертации тоже уже написаны. Приходится и дальше тянуть свою лямку.

Чуть не пошла сегодня на фильм «Мусор» с Джереми Айронсом в Доме Кино. В самый последний момент только заметила, что это вовсе не детектив, а документальное кино про загрязнение окружающей среды. Нечто подобное, кстати, со мной уже однажды случилось в молодости. Когда я приехала в Одессу и первым делом направилась в музей МВД в надежде увидеть фотографию Бени Крика, но не обнаружила там ничего, кроме противогазов, общевойскового защитного комплекта и нескольких призывающих к ударному труду плакатов.

Наличие чувств унижительно для уважающего себя человека. Чувства бывают только у влюбленных в поп-звезд подростков, потребляющих женские романы баб и верующих.

Фотомодели чаще других рассуждают о тяжести своего труда. Более того, они чуть ли не единственные, кто в наши дни готов умереть на работе, причем в буквальном смысле этого слова. Многие из них, следуя существующим стандартам красоты, доводят свой организм до истощения, что, в свою очередь, достаточно часто приводит к тяжелым болезням или даже к летальному исходу. И все потому, что эти девушки обычно происходят из простых семей и им необходимо доказывать самим себе и окружающим, что они не просто легкомысленно порхают по подиуму, получая за это бешеные бабки, а выкладываются не меньше своих мамаш, которые провели большую часть жизни у станков и на колхозных полях. В результате, представительницы этой профессии практически полностью повторяют поведение христианских святых, которые точно так же занимались самоистязанием с целью продемонстрировать всем значимость своей веры. Поскольку в глубине души они не могли не чувствовать, что их вера, как и хождение по подиуму, представляет собой что-то абсолютно несерьезное, нечто такое, без чего люди совершенно спокойно могут обойтись.

Почему бы тогда представителям шоу-бизнеса не подумать сейчас о создании собственного иконостаса? Туда могли бы войти изображения тех, кто пал жертвой пластической хирургии и умер от анорексии. Более того, их прах можно было бы поместить в специальный пантеон, к которому, наверняка, выстраивались бы километровые очереди паломников со всего света. Ведь эти личности погибли ради того, чтобы другие могли позволить себе жить, особо не напрягаясь и не оглядываясь на мнение окружающих. Их подвиг искупил легковесность и бессмысленность существования множества людей.

Странную манеру сейчас избрали на ТВ. Какую бы дребедень в своей жизни человек ни сочинил, чем бы он ни занимался, стоит ему дожить до восьмидесяти лет, как про него делают сюжет в новостях. Вот недавно, например, показали поэта Дементьева, которому исполнилось восемьдесят пять. И самое главное, так прямо и говорят: «автор текста песни «Яблоки на снегу»». И при этом что-то я не заметила на экране пометки «18+». То есть детям и подросткам такое смотреть можно. И кто, интересно, из них потом вырастет?

Вечером вышла прогуляться до Невского. Повсюду бродят группы *страшнеласников* в пугающих нарядах. Удивительно, но в СССР, совсем как сейчас, существовал культ уродства, и каждый выпускник, если он собирался сделать карьеру, тоже должен был соответствовать образу тех, кто уже добился успеха в жизни. Где-то на животном уровне это должно было срабатывать. И, тем не менее, даже тогда среди выпускников такого количества жутиков не было.

На обратном пути проходила мимо афишного щита с портретом Ваенги и с трудом преодолела в себе желание выколоть ей глаза.

А кто такие психологи, интересно? Если не ошибаюсь, они должны сопровождать сотрудников МЧС в горячих точках, чтобы оказывать моральную поддержку жертвам катастроф и их родственникам. Тогда что они в таком количестве делают теперь на всевозможных ток-шоу? Утешают телезрителей? Разве это нормально? На мой взгляд, нет ничего страшнее обывателей, которые, в силу особенностей своей профессии, вынуждены заниматься разрешением глобальных проблем. Сейчас и так повсюду бродят толпы философов, которым после крушения марксизма стало явно нечем заняться, и поэтому они суют свой нос буквально во все. А тут еще и психологи.

У священников, по крайней мере, имеется специальная униформа. Поэтому, когда их видишь, всегда можно заранее отойти подальше или же выключить телевизор. Но эти на вид -- обычные люди, и вдруг выясняется, что они психологи. Так нельзя.

Иногда я представляю себе, какие книги сочиняли бы разного рода животные, если бы умели писать. Наверняка, каждый вид создал бы собственную эстетику и идеологию. Волки подначивали бы всех быть храбрее, а овцы воспевали бы уютные приусадебные лужайки. Но самые интересные и познавательные для человека произведения, наверняка, принадлежали бы амебам и прочим микроорганизмам. По ним люди смогли бы на много лет вперед предугадывать землетрясения и другие природные катаклизмы.

Аналогом такого пророческого творчества инфузорий в русской литературе можно считать, например, произведения писателя Шевцова, которого я буквально месяц назад для себя открыла. Оказывается, еще в 1946 году он написал книгу под названием «Тля», где не только предвосхитил грядущее крушение СССР, но и указал на причины его распада.

Все японцы на одно лицо. Поэтому в фильме «Беспредел», про японскую мафию, практически невозможно понять, кто кого мочит. И только Такеши Китано как-то выпадает из общего ряда.

Профессия режиссера с годами наложила на его физиономию печать глубокомысленной духовности. С таким лицом хорошо ходить к спонсорам за деньгами, а перевоплотиться в одного из бандитов, видимо, уже не получится – разве что во внедренного в их ряды полицейского.

В новостях сообщили, что новый римский папа отказался от золотых украшений, заменив их на серебряные, а также убрал отовсюду в своем дворце мягкие кресла, поставив вместо них стулья... Зря старается, по-моему. Ленина с бревном на субботнике ему все равно не переплюнуть. К тому же, Ленин действовал бескорыстно, а этот с целью попасть в рай.

Миллионы людей во всем мире мечтают о пенсии. А римский папа и в преклонном возрасте продолжает трудиться на благо человечества. И все потому, что у него вместо пенсии – рай.

По-моему, такие понятия, как «бог» и «вечность», мало подходят современному человеку. Очевидно, что мозг патриарха, римского папы и других священников, подобно морально устаревшим компьютерам, больше не способен обрабатывать столь сложную информацию. А пенсионерам и другим простым людям для утешения вполне достаточно сериалов. Так что бог сегодня может быть интересен разве что наиболее продвинутой молодежи.

Забавно, что самым сильным разочарованием прошедшего десятилетия стал для меня просмотр сериала «Идиот», когда я вдруг обнаружила, что князь Мышкин был вовсе не молчаливым загадочным безумцем, который сидит себе в уголке с отрешенным видом и смотрит пронзительным печальным взглядом на окружающих его людей, а чуть ли не более говорливым, чем Хлестаков, персонажем, который на протяжении всех десяти серий без умолку что-то всем растолковывает и разъясняет. При этом Хлестаков, в общем-то, несет ни к чему не обязывающую забавную чепуху, а Мышкин выступает именно в качестве лектора и наставника, озабоченного судьбами России и Европы. Даже не знаю, почему в моей голове Мышкин запечатлелся совсем не таким, как у Достоевского, так как сериал, на самом деле, снят в полном соответствии с текстом романа, который я сама, естественно, в детстве тоже читала.

И, тем более, мне сейчас не понятно, что, собственно, меня тогда так разочаровало. Идиот оказался идиотом. Что тут такого?

Очередь к чудодейственному кресту производит гнетущее впечатление. Редкий случай, когда можно своими глазами убедиться, какое количество людей в этом мире гораздо умнее тебя. Всю жизнь что-то делаешь, работаешь, постоянно отказываешь себе в чем-то, а, оказывается, можно вот так просто потолкаться пару часов, и ты уже приблизился к Богу. Лица счастливых светятся от удовольствия, а у некоторых из них даже берут интервью для центральных каналов.

Чувствую, теперь, когда Секретную службу США впервые в истории возглавила женщина, истинный уровень умственных способностей сотрудников российских спецслужб станет столь же очевиден всему миру, как и тупость авторов «Преступления наказания» и «Воскресения».

Хлебников – это Иисус Христос русской поэзии. После него любые бессмысленные нагромождения слов стали признаваться стихами. Что позволило огромному числу немощных и слабых умом личностей считать себя поэтами. Ради них он, собственно, и явился в этот мир.

Каждому румынскому писателю, художнику и философу следует по утрам возносить молитвы графу Дракуле, поскольку без него в мире их бы никто всерьез не воспринимал. Так как только он всем им и создал необходимый для творчества контекст и придал дополнительный вес в глазах окружающих, став, образно выражаясь, приправой к той пресной пище, которую большинство из них готовит. Особенно это касается кинематографистов, получающих сегодня многочисленные призы на всевозможных фестивалях. При этом самые гуманные и добрые из них, я думаю, обязаны ему вдвойне, поскольку ничего, в сущности, не делая, они только потребляют созданное до них.

А русские должны совершать жертвоприношения Распутину. Иначе бы они все уже давно уподобились добродушному простачку Гагарину со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не исключено, что уже сейчас китайцы запускали бы их в космос в качестве подопытных кроликов.

В «Побочном эффекте» Содерберга дотошный психиатр разоблачает свою пациентку, которая, вступив в сговор со своей подругой-любовницей и прикинувшись невменяемой, замочила своего мужа. В итоге, одна из них отправляется в тюрьму, а другая – в психушку. В финале фильма довольный доктор вместе с женой и ребеночком садится в машину.

Так вот, по-моему, это не политкорректно. Даже лет десять назад подобные фильмы обычно завершались сценой, где бабы, сидя где-нибудь на террасе с видом на море, торжествуяще чокались бокалами с шампанским. Во-вторых, неправдоподобно. Я не представляю, чтобы мужик, да еще отягощенный семейством, мог оказаться хитрее женщин. И наконец, это неромантично. Как бы скептически я не относилась к любви, но это чувство в любом случае представляет собой большую ценность, чем человеческая жизнь.

Короче, Содерберг – бездуховный дурак. Я и раньше это подозревала, а теперь окончательно убедилась.

Когда-нибудь, благодаря научным исследованиям, люди, вероятно, смогут установить контакт с иными измерениями, что позволит им общаться со своими умершими близкими и друзьями при помощи смс, электронной почты и скайпа. Такая перспектива развития человечества представляется мне вполне реальной, хотя и вызывает определенные опасения. Присутствие в этом мире множества надоедливых личностей, считающих себя твоими родственниками и знакомыми, и без того представляется мне крайне утомительным, а если к ним добавятся еще и те, кто, казалось бы, навсегда избавил окружающих от своего присутствия, то человеческое существование грозит стать и вовсе

невыносимым. При этом тот, кто хотел бы от подобного общения хоть немного отдохнуть, не сможет от него укрыться даже в загробном мире, так как заскучавшие по нему коллеги по работе и одноклассники продолжают доставать его телефонными звонками и там.

С другой стороны, в новых условиях с поверхности земли окончательно исчезнут священники и верующие. Установив прямой контакт с иным миром, человечество перестанет нуждаться в чьих-либо посреднических услугах. И это обстоятельство, на мой взгляд, с лихвой окупает все возможные неудобства подобного мироустройства. В конце концов, наиболее назойливых покойников, как и представителей посюсторонней реальности, всегда можно будет заблокировать. А вот проблему религии так просто не решишь.

Именно по этой причине, думаю, поборники различных верований в потусторонние силы всегда крайне болезненно реагировали на любые научные открытия. Достаточно вспомнить печальную участь последователей Коперника, например. А в наши дни эта многовековая вражда принимает еще более напряженный характер. Поскольку служители культа не могут не видеть, как после изобретения потеснившего печатный станок Интернета некогда могущественные властители человеческих умов в лице писателей и издателей лишились всех своих былых привилегий и фактически оказались на грани полного исчезновения. При этом писатели, в отличие от священнослужителей, никогда даже не подозревали, какую свинью им способны подложить ученые. Правда, они могут еще попытаться убедить наиболее доверчивых своих читателей в том, как приятно держать в руках бумажную книгу, слушать шелест страниц и вдыхать аромат типографской краски. То есть хоть какая-то надежда у них и сейчас остается. А что станут говорить настоятели храмов прихожанам, каждый из которых в любой момент будет в состоянии позвонить своим умершим мамашам и бабушкам, а, возможно, и самому Господу Богу, если таковой вдруг где-то также будет обнаружен при помощи специальных телескопов и приборов потустороннего видения?

И почему Уорхола все называют художником?! Он, скорее, писатель. Лермонтов, например, тоже рисовал акварели.

Кроме того, Уорхол еще и пал жертвой графоманки. Неожиданная трагическая развязка его достаточно успешной жизни еще раз заставляет меня задуматься о всеильной и всеохватывающей страсти к литературе, которая правит миром. Странно, что про секс, волю к власти и классовую борьбу написано так много книг, а про тягу к графомании до сих пор не создано аналогичного по масштабам универсального учения. А поскольку никто до такого до сих пор не додумался, то я бы, пожалуй, застолбила эту идею за собой. И тогда террористы, которые сегодня взрывают самолеты, чтобы отправиться в рай, лет через двести будут жертвовать собой с моим именем на устах, предварительно поручив своим доверенным лицам опубликовать припрятанную у них дома под подушкой рукопись.

В связи со всемирным Днем крысы прочитала где-то, как крыса вывела шахтеров из завала. Обожаю истории про то, как животные спасают людей! Крысе потом сделали специальный домик, где она доживала свои дни, окруженная заботой и уважением.

Странно, но единственный герой в человеческом облики, на которого мне всегда хотелось равняться – это Сусанин. Все остальные в сравнении с ним на редкость тупы. Приятно, что он обрек достаточно большую группу людей на долгую и мучительную смерть, а не просто подорвал себя вместе с ними на гранате, например, оказав им таким образом, в сущности, услугу и избавив от страданий, которые ожидали бы их в старости. А, может быть, это еще и потому, что его подвиг не вступает в противоречие с моим пониманием смысла литературного творчества. В идеале главная задача гения тоже заключается в том, чтобы завести человечество куда-нибудь поглубже в дебри слов и идей, и там навсегда оставить.

В новостях пишут про избитого в Казахстане «самого перспективного российского боксера». А я вдруг отчетливо поняла, кого мне больше всего напоминают сегодня писатели в соцсетях: претендентов на звание чемпиона мира по боксу, которым лучше вообще не выходить на улицу, чтобы не подвергать опасности свое здоровье. К данному конкретному случаю, впрочем, это не относится, так как там все решило серьезное численное преимущество, судя по всему.

У Владимирского собора идущий передо мной мужик в кожаном пальто неожиданно остановился, снял шляпу и, повернувшись лицом к церковному входу, секунд тридцать, наверное, кланялся и крестился, а потом снова пошел дальше. Наверняка, кого-нибудь ограбил или даже замочил. На месте полиции я бы обратила на таких типов внимание, а, может быть, даже расставила возле храмов специальные посты с видеокамерами. Эти меры помогли бы повысить раскрываемость преступлений. Вот у меня, например, чистая совесть, поэтому я не испытываю абсолютно никакой необходимости совершать подобные телодвижения.

Все люди что-то пишут, особенно в эпоху интернета это бросается в глаза. И вдруг один из них – можно сказать, ни с того ни с сего – объявляет себя писателем. Естественно, это вызывает раздражение окружающих. Или же кто-то начинает называть себя русским и требовать за это какие-то дивиденды. То же самое можно сказать и про верующих, поскольку Бог, если таковой вдруг где-то есть, в равной мере существует и для того, кто в него не верит. Просто атеисты, опять-таки, по отношению к нему ведут себя немного скромнее тех, кто заявляет о своих особых правах на него.

Теперь представим себе человека, который объявляет себя русским, верующим и писателем одновременно. Какой наглостью надо обладать, чтобы так себя позиционировать? Наблюдая за тем, как подобный тип стрижет бабки, собирает премии и аплодисменты за каждое из присвоенных себе званий, даже самые отъявленные атеисты, вынужденные за ничтожную плату работать учителями, врачами, библиотекарями, шахтерами или же крестьянами, поневоле начинают воображать себе, как этот нахальный и зажавшийся придурок будет корчиться в адском пламени. То есть в их душе пробуждается слабая вера в Бога, о существовании которого они по-прежнему ничего не знают, но просто получается, что в этом мире им больше надеяться не на кого. В какой-то

момент терпению наименее стойких из них приходит конец, и они тоже решают назвать себя верующими. А затем – русскими и, соответственно, писателями. Что, естественно, становится дополнительным раздражающим фактором для остальных, которые также будут вынуждены последовать примеру наиболее ушлых из своих сограждан, поскольку иначе они сами просто лопнули бы от злобы.

Таким образом, число верующих, русских и писателей резко начинает расти. И через некоторое время ими становится все население страны. Русская нация возрождается и духовность торжествует.

Когда-то мне казалось, что внешний вид разного рода преступных элементов является для них серьезной проблемой. Хочет, к примеру, подобный тип залезть кому-нибудь в сумку, а выглядит он так, что прохожие на улице шарахаются от него за версту. Вот и приходится ему подкрадываться к своим жертвам тайком и сзади, что существенно затрудняет его задачу. А если бы воры носили очки и профессорскую бородку, их жизнь стала бы значительно легче.

Однако теперь я поняла, что, на самом деле, все обстоит не совсем так: в смысле, с внешностью тех, кто замыслил кого-нибудь кинуть, все далеко не столь однозначно. И не только карманники, черные риэлторы или же наперсточники, но и астрологи, экстрасенсы, психологи и прочие дизайнеры и стилисты специально так вульгарно выраживаются, густо подмалевывают себе тушью глаза, напяливают на себя огромные клетчатые кепки, шляпки с вуальками и вообще имеют устрашающе идиотский вид, дабы отбить у таких, как я, всякое желание к ним приближаться. А все потому, что, если я, к примеру, заявлюсь на прием к психологу или же экстрасенсу – о чем мы будем с ними говорить? Ясно, что мой визит ничего, кроме неприятностей и раздражения, никому не принесет. Они это прекрасно чувствуют, поэтому и подстраховываются при помощи нарочито грубых деталей в своем туалете и макияже. Годами проживая в городе, эти личности умудряются сохранить колхозный акцент, по телефону обещают вам «перезвонить», а в приемной своего офиса на самом видном месте аккуратно расставляют томики Пушкина и Толстого. Ясно, что им нужны только те, кто потенциально являются их клиентами. Для этого, если так можно выразиться, они и устанавливают своеобразный фильтр в общении с внешним миром. Вора и жулика тоже не интересно наткаться на того, кто способен оказать им сопротивление, потому что тогда им придется прибегнуть к насилию, за которое полагается уже более серьезная статья. Преступники с этой целью, прежде чем отправиться на дело, вполне могут даже специально удариться головой об косяк для того, чтобы у них под глазом появился выразительный синяк, который станет для окружающих чем-то типа сигнального фонаря. В детективах и триллерах я пока такого не встречала, но их авторы, видимо, просто не в курсе всех тонкостей преступного ремесла. Я и сама могу об этом только догадываться, но достаточно вспомнить хотя бы вечно цепляющихся к прохожим цыган, которых по разноцветному тряпью всегда легко заметить издали, после чего спокойно перейти на другую сторону улицы. И в животном мире волки не могут себе позволить выглядеть трогательными ягнятами – им также необходимо отпугивать наиболее здоровых и быстроногих особей из числа своих предполагаемых жертв – иначе им элементарно не хватит на всех сил и здоровья.

В полной мере сказанное мной относится к литературе. Большинство писателей – не буду называть их имена – абсолютно не заинтересованы в том, чтобы я их читала.

Еще лучше мои слова можно проиллюстрировать на примере религии. Ясно, что, находясь в здравом уме, взрослые люди не стали бы с таким упорством настаивать на том, что Земля плоская и не вращается вокруг Солнца. Служителям культа тоже важно, чтобы в

храм приходили преимущественно личности, не придающие подобным фактам особого значения.

Интересно, что я сама немного водила экскурсии, а над тем, когда возник туризм, до сих пор ни разу не задумалась. Скорее всего, люди стали объединяться в группы и ходить по городу в сопровождении экскурсовода сравнительно недавно. В девятнадцатом веке, по моему, нигде в литературе описания подобного времяпрепровождения еще не встречаются. Однако именно такая форма коллективных путешествий по миру представляется мне сейчас наиболее удачной метафорой жизни.

В последнее время я все чаще кажусь себе не то, чтобы заблудившейся в каком-то незнакомом мне городе, а, скорее, отставшей от общей группы, в составе которой я первоначально туда прибыла. И в результате, большинству людей различные явления современного мира открываются, подобно зданиям такого города, в наиболее выгодном ракурсе, то есть с фасада, а я то и дело забредаю в узкие улочки и подворотни, где натываюсь, главным образом, на обшарпанные стены и помойки. Многое же и вовсе остается вне поля моего зрения.

Например, когда-то я сочиняла анонсы в одной питерской газете для домохозяек. Саму газету я, естественно, не читала, но отчетливо запомнила, как в там в течение целого месяца в нижней части газетной страницы появлялись достаточно большие публикации, которые на профессиональном журналистском жаргоне обычно еще называют «подвалами». Все публикации представляли собой главы из некоей художественной книги и были набраны мелким убористым шрифтом. Имя их автора стояло сверху и сразу же бросалось в глаза: «Айн Рэнд». Снизу же каждая такая публикация неизменно сопровождалась едва заметным предупреждением: «На правах рекламы». Внутрь этих текстов я тоже никогда не заглядывала, но из-за примечания внизу и несколько неестественного звучания иностранного имени сразу же решила, что это очередной фэйк, который отечественные издатели решили подкинуть обывателям под видом якобы популярной на Западе писательницы, а именно об этом и сообщалось в небольших анонсах, предварявших каждую публикацию. Подобное в те годы достаточно часто практиковалось. И в таком убеждении я пребывала довольно долго, пока несколько лет назад впервые не столкнулась с поклонниками этой, как выяснилось, вполне реально существовавшей некогда писательницы. Причем кое-кто из них, к моему глубокому удивлению, даже считал ее чуть ли не классиком мировой литературы. Я же, естественно, так и не смогла избавиться от первоначального впечатления от встречи с данным явлением культуры. Мне до сих пор кажется, что Айн Рэнд – это какой-то совершенно бесплотный выдуманный персонаж, ловко подкинутый доверчивым домохозяйкам, не слишком внимательно читавшим свою любимую газету и пропустившим предупреждение о рекламном характере заинтересовавших их публикаций. Ни одной книги Айн Рэнд я до сих пор так и не открыла.

А недавно я с еще большим изумлением вдруг поймала себя на мысли, что за всю жизнь ни разу не слышала ни одной песни Егора Летова, на чье имя мне достаточно часто приходилось натываться, причем в самых разнообразных контекстах. Пару раз меня саму, по моему, даже с ним где-то сравнивали. Почему так произошло я, честно говоря, совершенно не могу объяснить. Конечно, его голос порой доносился до меня из соседней комнаты, например, или же окна дома напротив. Но я не знаю ни одного слова из его песен, да и голос-то не уверена, что сумею идентифицировать, если меня вдруг кто-нибудь об этом вдруг попросит. И восполнять этот пробел мне тоже почему-то совершенно не хочется. Против Летова я не испытываю никакого особого предубеждения, но, видимо, я

уже слишком привыкла блуждать в одиночестве по задворкам этого мира, и возвращаться, хотя бы на время, в общую группу у меня теперь нет ни желания, ни причин.

Бывают дни, когда навстречу попадаются одни уроды. Вот вчера был именно такой день. А сегодня, воспользовавшись хорошей погодой, я уехала на дачу, поэтому людей, к счастью, почти не видела. Зато в воскресенье я зашла в Летний сад, так там по аллеям бродят настоящие толпы жутиков... Нет, похоже, это была целая неделя уродов.

Очень трудно привыкнуть к зеленым изгородям, которые после реставрации протянулись вдоль всех аллей Летнего сада. Обычно я равнодушна к судьбе так называемых памятников архитектуры – у меня и без того проблем хватает, чтобы еще забивать себе голову подобной чепухой – но тут как-то вдруг стало немного грустно от сознания, что уже никогда не сможешь войти в привычное пространство. Раньше можно было сидеть на скамейке и наблюдать, как сотрудники милиции подкрадывались сзади к зазевавшимся туристам с бутылочкой пива. И если те отказывались платить штраф, тащили их с собой в местное отделение. Не могу сказать, что это занятие было самым любимым в моей жизни, но, во всяком случае, одним из немногих. К тому же, это зрелище уж точно ничуть не хуже, чем королевская охота на оленя в Фонтенбло, которую мне однажды довелось наблюдать. Сейчас же из-за этих оград обзор значительно сузился, и вообще все вокруг так изменилось, возможно, даже и к лучшему. Но какая разница? Мне, например, жалко потрескавшегося асфальта в проходных дворах возле Капеллы. После того, как там все вымостили булыжником и плиткой, это место стало неестественно стерильным и безжизненным. Как ни пойдешь – там почти всегда подозрительно пусто. Хотя, возможно, это и не из-за плиток, а потому, что везде понатыкали галерей. Я слышала, что, согласно первоначальному замыслу, эти подворотни должны были стать местным Монмартром. И вот от этих галерей теперь даже на расстоянии веет тупостью и уродством. Лично я, если знаю, что где-то у меня на пути располагается художественная галерея, всегда стараюсь заранее перейти на другую сторону. По-моему, это какие-то черные дыры в пространстве города, которые высасывают из его обитателей жизненную энергию.

Странно, что большинство церквей снаружи вовсе не производят такого же отталкивающего впечатления. А Никольский собор, например, мне даже нравится. Но это, наверное, потому, что он посвящен морякам. Когда я на него смотрю, всегда вспоминаю Кэреля.

мое виденье будущего

Возможно, когда-нибудь люди превратятся в таких щуплых крошечек размером с цыпленка с несоразмерно большими головами и локаторами вместо ушей, а потом переселятся на Марс...

Или нет, все будет не так. Со временем человечество создаст роботов, которые абсолютно никак не будут внешне отличаться от обычных людей. То есть сначала это будут достаточно неуклюжие куклы вроде тех, что можно видеть уже сегодня, но постепенно, по мере совершенствования техники, ученые соберут практически всю информацию о человеке и просто перенесут ее на более прочные и долговечные носители, чем мясо и кости. Ведь, если вдуматься, в идеале вся информация о человеке – это и есть сам человек. Так что подобная эволюция роботов представляется мне вполне реальной. Они просто повторят путь человека, который тоже когда-то был обезьяной. К тому же, уже

сейчас на роботов перекладывается все больше и больше различных функций и обязанностей, являвшихся ранее исключительной прерогативой людей. И эта тенденция будет только нарастать. Таким образом, можно сказать, что когда-нибудь именно труд создаст из роботов существ, полностью идентичных человеку.

И тогда эти создания постепенно разбредутся по миру и растворятся среди людей. В каждого из них будет заложена программа с определенной стратегией поведения. Что тоже совсем несложно осуществить, поскольку образ жизни подавляющего большинства представителей человеческого рода не отличается особым разнообразием: одни по много часов в день совершают монотонные повторяющиеся телодвижения на конвейере, другие месяцами квасят и не встают из-за стола, а кто-то и вовсе постоянно валяется на диване перед телевизором.

На каком-то этапе люди будут относиться к своим двойникам, несмотря на их полное сходство с собой так, как когда-то они относились к неграм: бить их палкой и всячески эксплуатировать. Однако затем появятся первые защитники прав этих киберов, начнут создаваться партии, Север будет воевать с Югом, и, наконец, они полностью во всех отношениях сравняются с людьми: станут голосовать на выборах, избираться в парламент и вступать в браки с обычными гражданами, органического происхождения. Единственная проблема, которая в данном вопросе так и останется неразрешимой, будет заключаться в том, а чувствуют ли хоть что-нибудь на самом деле эти существа или нет. Если к кому-нибудь из них подкрасться сзади и громко заорать, то он испуганно вздрогнет или даже схватится за сердце и упадет в обморок, а если ткнуть ему в руку острым предметом, то на ней появится жидкость, ничем не отличающаяся от крови... Но что за этим стоит, кроме специально созданных на все случаи жизни совершенных программ?

Над этим вопросом будут биться лучшие умы человечества, главным образом философы и прочие представители гуманитарной мысли, не занимавшиеся его технической стороной. А поскольку окончательный ответ на него будет дать практически невозможно, то человечество в конечном итоге разделится на тех, кто верит в то, что внешне полностью идентичные им существа чувствуют то же, что и они, и на тех, кто это отрицает. На этой почве произойдет зарождение и развитие новой схоластики, а о Боге и потустороннем мире в конце концов все просто забудут. Глобальное разделение на верующих в киберов и акиберистов, возможно, даже в какой-то момент приведет к развязыванию кровопролитных религиозных войн. Причем часть киберсуществ выступит на стороне тех, кто будет отстаивать их сверхчеловеческую бесчувственную природу.

И наконец, на самом вершине эволюции и человеческой истории, когда гуманно-кибернетическая точка зрения о полной идентичности новых и старых людей окончательно и повсеместно восторжествует, тема взаимоотношения людей и их подобий станет главным сюжетом большинства сериалов и женских романов, которые отныне будут заканчиваться примерно так:

«Подойдя к окну, он незаметно покосился на нее, и ему вдруг показалось, что в ее глазах, устремленных куда-то вдаль, на темную улицу, прмелькнул холодный металлический блеск. Видение длилось всего мгновение, но и этого было достаточно, чтобы мысль, которая часто посещала его по ночам в мучительные часы бессонницы, снова к нему вернулась. А что, если его избранница, ради которой он оставил свою прежнюю жену и детей, не только не способна любить, но не ощущает вообще ничего, даже его прикосновений? Эта мысль заставила его инстинктивно протянуть руку и дотронуться до ее обнаженного плеча. «Чего тебе, милый?» - повернулась она к нему, кокетливо пожевываясь и улыбаясь своей по-детски трогательной улыбкой, которая всегда так его волновала. В этот момент его охватил ужас».

А вот представишь иногда, что это, действительно, Бог сошел на землю в образе Христа и так бездарно провел отведенное ему время, и как-то совсем грустно становится на душе.

Черт! Если бы я умела ходить по воде и прикидываться мертвой, то сумела бы распорядиться своими сверхъестественными способностями. Ограбила бы банк, купила себе домик с видом на море, накачала торрентов и целыми днями смотрела сериалы. А по вечерам выходила бы на балкон полюбоваться на закат.

декабрь 2009 – июль 2013, Санкт-Петербург-Париж

Портрет художницы в юности

повесть

Ольгу Ошанину часто принимали за дочь известного поэта, написавшего слова песни «Эх, дороги, пыль да туман», но это было не так. Просто она сочиняла стихи, однако поэтический дар вовсе не достался ей по наследству, а снизошел на нее свыше и совершенно неожиданно для окружающих, включая и ее близких родственников. Как-то она сидела на кухне и вдруг почувствовала странный зуд в руках, отчего ей нестерпимо захотелось взять листок, на котором стояла пол-литровая банка с букетиком мимоз, чтобы записать на нем только что родившуюся в ее мозгу строчку: «Муха, муха, муха, ха, в кухне к уху, мухахаха». Так родился ее первый сборник «Мухаха!», который потом вышел в издательстве «Красный гвоздь и К». Случилось это восьмого марта две тысячи первого года. Благодаря букетику мимоз Ольга очень хорошо запомнила эту дату. А подарил ей его Лёва Пельтцер, который в то время, где-то с января по май, был ее гражданским мужем. Так что Ольга считала теперь Лёву еще и своим поэтическим крестным отцом. К этому моменту у Ольги были уже две дочери-ученицы шестого и седьмого класса, Глаша и Лана, которых она опасалась оставлять дома одних с Лево́й, из-за чего вынуждена была постоянно отпрашиваться с работы. Ольга продавала шаверму в киоске на Сенной. И в конце концов ее оттуда уволили. В результате в какой-то момент у них совсем кончились деньги, и они с Лево́й расстались. Ольга ужасно переживала, так как Лёва безумно ее любил. Сам он, кажется, вообще никогда нигде не работал.

Ольга родилась на углу Тамбовской и Расстанной. Из окна их коммуналки на пятом этаже было хорошо видно Волковское кладбище. Летом, правда, кладбище сверху мало отличалось от обычного парка и представляло собой сплошное сплетение зеленых крон, зато поздней осенью и зимой, когда листва опадала, вполне можно было разглядеть очертания наиболее крупных могильных плит, крестов, звезд и склепов. Поэтому Ольга

уже в детстве поняла, как устроен этот мир. Сверху все гладко и хорошо, а когда пелена спадет, то вполне может оказаться, что тебя поджидают весьма неприятные сюрпризы.

Мама Ольги, Ошанина Галина Игоревна, всю жизнь проработала на фабрике «Красный треугольник». Начинала она простой намотчицей, но потом дослужилась до начальника цехового ОТК. А вот отец, Ошанин Глеб Поликарпович, наоборот, работал главным инженером на той же фабрике, а закончил грузчиком на Варшавском вокзале. После сорока он стал сильно пить. Отец Ольги был чрезвычайно тонким и интеллигентным человеком, интересовался историей, читал Пикуля и Ключевского, а директор фабрики часто не понимал, о чем он говорит на производственных летучках, просто, вообще, ни слова. Это и послужило причиной. Прабабка, Крутикова Элеонора Юрьевна, преподавала в церковно-приходской школе, носила роскошные рыжие парики, увлекалась пением и даже пробовала себя в оперетте города Тулы. У Ольги сохранилось ее фото, датированное 1912-м годом, где она в длинном платье с рюшками стоит, облокотившись на огромную античную вазу. Однако самую глубокую мистическую связь Ольга ощущала со своей прабабкой, Александрой Леонидовной Ошаниной. Она была незаконнорожденной дочерью дьякона Спасо-Преображенского собора, вопреки воле отца стала последовательницей Блаватской, устраивала спиритические сеансы и обзавелась в Петербурге обширной клиентурой, которую сумела сохранить после революции. Многие члены партии тайком приходили к ней за предсказаниями и советами. Она запросто могла вызвать из небытия дух Ленина, Свердлова или Распутина, чтобы те поделились с живущими своим мнением о сложившейся в стране и мире ситуации. Ольга чувствовала, что в какой-то мере эти сверхъестественные способности передались и ей. В частности, она прекрасно разбиралась в человеческой психологии, ей достаточно было всего несколько минут с кем-нибудь поговорить, чтобы понять, что тот или иной человек собой представляет, узнать буквально все, что у него на душе. Другим, не менее выдающимся представителем рода Ошаниных, был дядя Яша, который, будучи физиком по образованию, провел в Антарктиде около шести месяцев в качестве полярника. У него дома все прищепки для белья были сделаны из настоящих пингвиньих клювов. Во время зимовки они с товарищами подкрадывались к пингвинам сзади и набрасывали им на голову мешок, мясо съедали, а клювы дядя забирал себе, так как ему было жалко их выкидывать.

В детстве Оля посещала кружок кройки и шитья при ДК Железнодорожников, который находился всего в нескольких кварталах от ее дома. Приобретенные там навыки оченьгодились ей в будущем, когда она решила окончательно посвятить себя искусству. Столь же значительное влияние на становление ее творческой личности оказала учительница рисования, Алина Зурабовна. Ольга всегда жалела, что рисование в школе преподают только до восьмого класса. Из других предметов ей больше всего нравились химия и география. Однако в шестнадцать лет ей очень захотелось стать дипломатом. По телевизору тогда показали художественный фильм «Посол Советского Союза» про Александру Коллонтай, который ей страшно понравился. Она даже тайком от родителей села на поезд и поехала в Москву, чтобы подать документы в МГИМО. Там в деканате крайне удивились, когда узнали, что абитуриентка закончила всего девять классов, поскольку вместо аттестата она протянула им дневник с годовыми оценками. Однако неординарность поведения юной девушки из простой семьи, отважившейся на поступление в ВУЗ, где в основном учились дети партийных бонз, произвела на членов приемной комиссии неизгладимое впечатление. Возглавлявший ее Герман Боровик не смог сдержать своих чувств и воскликнул: «Непременно приезжайте, но только через год, когда получите аттестат! Нам очень нужны личности, способные на нестандартные мысли и поступки».

Тем не менее, через год Ольга в Москву не поехала, а поступила в институт Культуры, на отделение массовиков-затейников. Название института отвечало ее внутренней потребности неуклонно повышать свой культурный уровень. Правда,

институт она не закончила, так как на четвертом курсе ее вдруг понесло совсем в другую сторону. Просто в ней тогда будто что-то надломилось, какой-то тонкий механизм внутри нее дал сбой, скорее всего, она так и не смогла до конца простить себе, что изменила своему призванию и не стала дипломатом. Сначала она устроилась буфетчицей на круизный теплоход в надежде со временем перебраться на судно, плавающее за границу, но там нужна виза, а ей ее вряд ли бы дали, затем была кассиром в продовольственном магазине, бухгалтером, няней в яслях, уборщицей в бане, вахтершей в закрытом НИИ, ночным сторожем в булочной, приемщицей заказов в часовой мастерской, почтальоном, кладовщицей, курьером, домоуправом, завхозом, намотчицей пружин для матрасов, маляром, мойщицей окон, полотером, расклейщицей объявлений о найме квартир, диспетчером в таксопарке, лифтером, дворником, продавщицей детских колясок, тамадой, проводницей в поезде «Ленинград-Мурманск», ответственной за телевизор в красном уголке, страховым агентом, садовником, контролером в электричке, санитаркой в зубной поликлинике, гардеробщицей в столовой, разрыхлительницей земли на грядках в садоводческом товариществе «Звездочка», приемщицей стеклотары, вожатой в пионерлагере, администратором на кладбище, кондуктором. Короче, оказалась в кругу людей, далеких от культуры. По этой причине она обычно не задерживалась ни на одной из работ больше месяца.

Тут началась Перестройка. Ольга сразу же прониклась идеями свободы и демократии, с головой окунулась в политику, старалась не пропускать ни одного более-менее примечательного митинга и собрания, вступила в «Свободный союз свободных граждан», но была неприятно поражена царившей там жесткой иерархией и диктаторскими замашками его лидера Чупика, примкнула к левому крылу «Диктатуры разума» и состояла там вплоть до ее распада, когда возглавлявшая движение Фаина Блох сошла с ума и повесилась, помогала помощнику депутата Сенькина, пока не узнала, что он помогает еще и Лебедевой с Шер, раздавала листовки возле метро, протестовала против разрушения «Англетера», хранившего память великого поэта, в августе 91-го две ночи провела возле Мариинского дворца, неделю потом голова трещала, подписалась на множество журналов и газет, за которыми ей приходилось спускаться к почтовому ящику по два, а то и три раза в день, но в какой-то момент вдруг почувствовала резкий упадок сил. Политика совершенно перестала ее интересовать. И она вместе со своей подругой Региной Дубочан решила заняться пошивом мужских **носок**.

В принципе, они просто покупали носки в магазине, чтобы потом пришить к ним сверху по кругу тонкую красную тесьму. Такие носки пользовались бешеной популярностью у наиболее продвинутых мужчин Петербурга -- считалось высшим шиком, сидя где-нибудь у барной стойки, слегка приподнять одну из штанин, и тогда по этой красной полосочке все понимали, что на них носки от Ошаниной- Дубочан. Продавать такие носки, естественно, можно было в пять-шесть раз дороже их первоначальной цены. Однако денег на жизнь Ольге все равно катастрофически не хватало, и надо было срочно еще что-то предпринимать. Она уже несколько лет жила одна с двумя маленькими девочками на руках.

Однажды бабушка поэта Ефима Легата подарила ей плетеную корзинку с клубками ниток разных цветов. Из этих клубков Ольга и составила свою первую монументально-ниточную композицию «В ожидании Рождества». На огромном трехметровом листе ватмана располагалось множество незаметно пришитых к нему снеговиков, составленных из белых клубков разных форматов. Кроме того, Ольга синей акварелью обозначила на ватмане разводы, имитирующие сугробы и лед. По краям же она пририсовала множество крошечных елочек, образовавших своеобразный орнамент и придавших всей композиции законченный вид. Работу тут же приобрел состоятельный копт из Египта. С тех пор Ольга создала еще более ста композиций из ватмана и клубков ниток, которые разошлись по коллекциям Европы, Юго-Восточной Азии, Израиля и Новой Зеландии. Позднее, помимо клубков, она стала использовать еще и катушки. Ее проект катушечно-клубкового Петра

Первого, воссоздающий монумент Медного Всадника в полную величину, попал в число финалистов, претендующих на грант фонда Сороса, однако так и остался не реализован из-за проблем с родителями, не пожелавших уступить под него площадку, где обычно прогуливались дети младшей группы детского садика. Огромное количество клубков и катушек были безжалостно втоптаны в грязь и оказались непригодны для дальнейшего использования. Концепцию этого проекта практически полностью Ольге написал ее муж по паспорту Гевара Рубинов, с которым она уже давно рассталась, хотя и продолжала поддерживать дружеские отношения.

Гевара был на четыре года младше Ольги, тем не менее, предпочитал, чтобы к нему обращались исключительно по имени-отчеству: Гевара Либкнехтович. Отец Гевары, Либкнехт Петрович Рубинов, в молодости был без ума от романтически настроенных революционеров романских стран, поэтому назвал своих детей: Фидель, Гевара и Пассионария. В то время как дед, Петр Петрович, отдавал предпочтение прагматизму и железной дисциплине немецких социал-демократов, а под конец жизни и вовсе скатился в ревизионизм. Вторжение советских войск в Чехословакию в мае 68-го года заставило отца Гевары серьезно усомниться в перспективах построения общества всеобщего равенства и братства. Больше всего его поразило услышанное по «Голосу Америки» интервью очевидца, который рассказывал о том, как советский танк подмял под себя детскую коляску с тройняшками, чьи «крошечные головки трещали под гусеницами, совсем как грецкие орехи». Пережив глубочайшее разочарование в идеалах революции, Либкнехт Петрович мстительно готовился назвать своего следующего ребенка Деместром, Монтерланом, Лярошелем, Петеном, Мессалиной, Эвитой, Франко, Людовиком или даже Дуче, но, к несчастью, выяснилось, что детей у его горячо любимой супруги больше не будет. В результате, все негативные последствия отцовского разочарования обрушились на головы детей, что сделало их существование в отцовском доме абсолютно невыносимым. Правда, Фидель и Пассионария были уже достаточно самостоятельными и проводили большую часть времени с друзьями. А вот Геваре приходилось постоянно находиться с отцом. Летом, когда вся семья выехала за город, отец несколько раз заводил четырехлетнего малыша далеко в лес, предлагая ему самостоятельно выбираться из «болливийских джунглей». К счастью, мальчика подбирали соседи по даче. Наконец, Либкнехт Петрович где-то раздобыл охотничье ружье и за ужином торжественно объявил, что завтра они с сыном будут играть в американских рейнджеров. После чего бабушка все-таки вызвала «скорую». Пройдя курс лечения в больнице Скворцова-Степанова, Либкнехт Петрович утратил интерес к окружающим, включая детей, и проводил дни напролет, неподвижно сидя на стуле лицом к стене. Он много лет преподавал зарубежную литературу в институте им. Герцена, но оттуда его тоже вскоре уволили. Таким Гевара и запомнил своего отца: сосредоточенным и тихим.

Через несколько лет после его смерти к ним в дом стали периодически заходить западные журналисты, которых интересовали подробности жизни знаменитого диссидента, некогда отважившегося в одиночку выйти на Дворцовую площадь с требованием вывести советские войска из Чехословакии и в результате ставшего жертвой карательной психиатрии. По просьбе пожилой дамы, на ломаном русском назвавшейся корреспонденткой Би-Би-Си, Гевара занялся разбором отцовских архивов и почти сразу же натолкнулся на увесистую папку, вобравшую в себя не менее двухсот машинописных страниц, перемежавшихся многочисленными схемами и рисунками. К папке была

приклеена аккуратная бумажка с надписью «Таинственные корни бытия». Чуть позже Гевара обнаружил еще три папки с таким названием, на каждой из которых сверху стоял нарисованный черным фломастером порядковый номер. Папка под номером четыре, правда, оказалась примерно в два раза тоньше предыдущих, из чего следовало, что отцовский труд, вероятно, так и остался незаконченным. Гевара это сразу почувствовал, поскольку остальные бумаги отца были методично рассортированы по темам и разложены в строго одинакового размера папки и стопки. Углубившись в первую часть «Таинственных корней», Гевара вскоре понял, что имеет дело с совершенно невероятным по охвату исследованием, которому отец посвятил не год и не два, а несколько десятилетий своей жизни. Как жаль, что его фундаментальная работа так и осталась неопубликованной! Но такова, увы, была судьба практически всех гениальных сочинений в эпоху, когда отсутствовали гласность и свобода слова. Отец был вынужден держать плоды своих многолетних размышлений в тайне даже от самых близких родственников и друзей. Гевара никогда от него ничего не слышал ни про какие корни.

Яблоко, свалившееся на голову Ньютону, помогло тому открыть закон всемирного тяготения, а у отца Гевары все началось с банальной моркови, которую он как-то летом откопал у себя на даче. Глядя на нее, он тогда почему-то с грустью подумал, что и он тоже точно так же одинок, как и она: нет у него ни братика, ни сестренки, с которыми он мог бы в трудную минуту поделиться своими горестями и проблемами. И в тот же момент его буквально осенило! Сгорая от нетерпения, он бросился к грядке рядом с забором и прямо руками вырыл первую попавшуюся морковь. Точно! На стебле оказалось два корнеплода, но ведь и детей у владельцев соседнего участка было тоже двое. Либкнехт Петрович подбежал к ограде напротив, залез в теплицу и схватился за стебель с огурцами: корень имел три ответвления, что полностью соответствовало количеству отпрысков в семействе напротив. Уже более спокойным и уверенным шагом он направился к другому забору. У корней всех растущих там растений было по два ответвления. Так он и думал! У соседа справа было двое детей, мальчик и девочка. Все окончательно совпало. Правда, чуть ближе к углам участка то и дело попадались корни, которые не соответствовали количеству детей ни в одном из живущих вокруг семейств. Но в этом тоже не было ничего удивительного. Просто разные биополя там накладывались друг на друга, что и приводило к непредвиденным результатам. Исключения в данном случае только подтверждали правило. И вот так, шаг за шагом, продвигаясь ко все более и более масштабным фактам и явлениям, от частного к общему, так сказать, отец Гевары сумел обнаружить абсолютное сходство между генеалогическим древом династии Романовых и корневой системой берез, которые, как теперь стало понятно, вовсе не случайно символизируют собой Россию. Родословная князей Юсуповых полностью соответствует корням ели, тайна рождения и гибели Ленина отражена в корнях тополя, Брежнев оказался продублирован ольхой, а Гагарин – одуванчиком. Цицерон, Гегель, академик Павлов, Чингисхан, Гитлер, Хемингуэй, Наполеон, Чарли Чаплин и Черчилль – все имели в исследовании Либкнехта Петровича свой растительно-корневой аналог. Каждый факт был проиллюстрирован графическими изображениями. Заключительную часть исследования, которое действительно оказалось незаконченным, отец Гевары посвятил предполагаемым практическим применениям своего открытия. В частности, исходя из продолжительности жизни того или иного растения, теперь можно было запросто рассчитать срок жизни людей, в том числе и тех, что еще не родились и должны были появиться на свет через несколько поколений. Не говоря уже о таких мелочах, как преждевременное облысение, которое целиком и полностью совпадало с ранним опаданием листвы на соответствующих деревьях или же кустах. Именно на этом месте, кстати, труд Либкнехта Петровича обрывался. Ознакомившись с ним, Гевара Либкнехтович был потрясен. Ему стало ужасно обидно, что отец так и не сумел завершить свое масштабное исследование и почти наверняка не успел сказать самого главного. Однако и сделанного им оказалось достаточно, чтобы Гевара смог взглянуть на многие

вещи совершенно по-новому. Например, он часто ездил в университет на 45-м автобусе, но как-то даже и не подозревал, что его маршрут, со всеми этими поворотами направо, налево, практически полностью совпадает с перипетиями жизни Иова, описание которой как раз и начинается с 45-ой страницы имеющегося у него экземпляра Библии, адаптированного для детей младшего возраста. Разве это не удивительно? Раньше бы он до такого ни за что не додумался.

Перед Геварой как будто открылся совершенно новый мир, полный чудесных совпадений, о которых большинство людей совершенно не догадываются. Отпечаток подошвы его левого ботинка повторял звездное небо в районе Большой Медведицы, срез яблока под лупой дублировал карту Европы, тень торшера на полу недвусмысленно напоминала Альпы, а кофейная гуща на дне чашки вполне могла бы в случае необходимости заменить микросхему его старого телевизора «Горизонт». Такие открытия теперь попадались Геваре буквально на каждом шагу. А сколько было еще феноменов, смысл которых оставался для него неясным. Вот этот узор на обоях, к примеру. Что-то он ему определенно напоминал. Но что? Этого он пока так и не понял. И фактически каждое из подобных явлений давало колоссальную пищу для размышлений и дальнейших исследований. Кроме того, его отец, безусловно, проделал огромную работу, и его по праву можно назвать первооткрывателем в данной сфере, но все-таки он был гуманитарием, преподавал литературу, а Гевара, как-никак, учился на третьем курсе физфака. Поэтому ему было вполне по силам придать всем этим разрозненным фактам строгую научную форму, а, может быть, даже и вывести конечную формулу бытия. Не исключено, что он к ней сейчас вплотную приблизился. Всем известно, что единица, поделенная на бесконечность, будет равняться нулю, точно так же, как и двойка или же любое другое число. Однако никто почему-то до сих пор не догадался, что единица при делении на бесконечность далеко не то же самое, что двойка. Просто при делении на бесконечность разница между этими двумя числами бесконечно ускользает от восприятия. Тем не менее, между ними все же присутствует некоторое различие, которое можно определить через введение специального дифференциала. Вот в рамках этого дифференциала и следует проводить все расчеты в сфере ускользающих от большинства людей совпадений, поскольку для них они невидимы, то есть, по сути, также равны нулю. Это было просто, как все гениальное.

Гевара с головой погрузился в исследования отца. И через некоторое время количество доставшихся ему по наследству папок удвоилось. Правда, теперь их общий труд стал называться: «Таинственные корни бытия. Дифференциал бесконечности», а новые папки заполнились страницами, сплошь покрытыми математическими расчетами, формулами и сложнейшими графиками. Университет он окончательно забросил и все время проводил за письменным столом, причем не только днем, но и ночью.

Ольга с трепетом наблюдала за новым увлечением своего мужа, так как нисколько не сомневалась в его гениальности, однако кое-что в его поведении внушало ей некоторые опасения. Он ведь уже несколько месяцев совсем не спал, во всяком случае, она этого никогда не видела. Между тем, денег, которые им давали родители, едва хватало на самое необходимое, а ее маленькие дочурки постоянно просили есть. Но когда Ольга попыталась заговорить с Геварой о том, где брать деньги, поскольку раньше у него была хотя бы стипендия, а теперь не стало и ее, он вдруг резко вскочил и заорал, что она сбивает его с мысли, едва не опрокинув при этом заваленный бумагами стол. После чего сел, погрузился в вычисления и как будто опять полностью забыл об окружающих. Ольга не стала его больше беспокоить, а просто забрала девочек и уехала к маме. Когда она собирала вещи, Гевара даже не шелохнулся.

Развод Ольга решила не оформлять, так как опасалась лишней раз отрывать своего мужа от поглотившей его научной работы. Да и кому, в сущности, мешает этот штамп в паспорте? А Геваре все-таки пришлось отвлечься от своих изысканий. Вскоре после того,

как его отчислили из университета, его пригласили в военкомат и забрали в армию. Он этого совершенно не ожидал.

Ольга всегда помнила, что она мать двух девочек и должна ими заниматься, чтобы они выросли достойными представительницами их рода. Отец Ланы с отличием закончил фармацевтический институт и несколько лет работал заведующим аптеки. А потом его вдруг арестовали. Ольга не могла понять, за что. Он ведь просто хотел помогать людям, не мог видеть их страданий и продавал им таблетки от боли. Однако имени своего первого гражданского мужа Ольга все равно предпочитала не называть. Он, кстати, увлекался йогой и почти все время, когда возвращался домой с работы, стоял на голове.

Зато у младшенькой, Глаши, было сразу два папы. По крайней мере, до тех пор, пока ей не исполнилось два годика. Так получилось, что какое-то время Ольга встречалась сразу с двумя молодыми людьми, которые еще учились в институте, а когда поняла, что беременна, то никак не могла выбрать, кого из них назвать отцом своего будущего ребенка. Сразу она никому ничего не сказала, а после рождения Глашеньки решила еще чуть-чуть подождать, прежде чем сделать окончательный выбор. И только, когда Андрей Литвиненко закончил ВУЗ, открыл собственный кооператив, приобрел БМВ, она пришла к нему и призналась, что у них есть дочка. Он, само собой, ужасно обрадовался. Но, к несчастью, примерно через год его дела пошли под откос, он задолжал крупную сумму, и однажды утром его бездыханное тело со следами утюга на спине обнаружили прямо в офисе его фирмы по продаже сантехники. Уж лучше бы она назвала отцом Глашеньки Андрея Блинова, который, хоть и работал программистом, но имел вполне стабильный доход и сейчас подкидывал бы ей на дочку хоть какие-то бабки. Но не идти же, в самом деле, после всего случившегося к нему: «Извини, Андрей, ты отец Глаши, я перепутала». Это было глупо, да и вряд ли бы он поверил, переиграть ничего было уже нельзя. Поезд ушел.

А самым первым увлечением Ольги был Гоша Куренной, который дружил с Кузей Лопатиным, который, в свою очередь, жил на одной лестничной площадке с учителем физкультуры будущего президента Дмитрия Медведева. Были еще Петя, Вася, Гена, опять Петя, Леха и Петр Викторович, завхоз института, где Ольга какое-то время работала вахтером. На Петя ей вообще везло.

Поэтический сборник Ольги «Мухаха!» остался практически незамеченным, зато второй - «Еще раз мухаха!» - привлек к себе всеобщее внимание. Ольгу это слегка смутило, так как между двумя книгами, за исключением нескольких исправленных орфографических ошибок, не было никакой разницы. Сначала она так и хотела написать на титуле, что данное издание является вторым и исправленным, но потом решила обозначить это прямо в названии. Тем не менее, Ольга была довольна, поскольку наконец-то по-настоящему погрузилась в культурную среду. Все ее поздравляли. Вокруг только про нее и говорили. Критик Гектор Оглоблин при личной встрече не мог скрыть своего удивления, почему автор двух замечательных книг до сих пор не является членом Союза Писателей, хотя дать ей рекомендацию категорически отказался, заявив, что тогда ее вообще больше никуда не примут. Настолько много у него было врагов, и так его все ненавидели за прямоту и принципиальность.

Поэт Геннадий Гогуа подарил ей свой носовой платок.

Однако настоящую известность Ольге принес роман «Вечеринка на хуторе вблизи», выдержанный в сатирическом ключе. Действие там происходило неподалеку от дома писателей в Комарово. Хлебников ходил с буханкой хлеба, Цветаева - с цветами, Блок торговал блоками сигарет, а Маяковский размахивал красным флагом на маяке. Иллюстрации к роману сделали ее подруги по художественному объединению

«Перерафаэленные прерафаэлиты» Регина Дубочан и Изабелла Анфини. Московские поэты Авдей Раскольников и Сева Нижегородов из лирико-эпической перфоманс-арт-группы «Квазимодные квазимоды» были счастливы принять ее в свои ряды. Сева так и написал ей «по мылу»: «Теперь ты стала прерафаэленной прерафаэлиткой квазимодной квазимодой, гы-гы».

С «квазимодами» Ольгу познакомила Изабелла Анфини. Папа Беллы, Соломон Моисеевич Кац, был профессором химии и еще в семидесятые поехал на конференцию в Брюссель, откуда так и не вернулся. Как только началась Перестройка, Белла сразу же отправилась к нему. Но к тому времени ее отец уже успел обзавестись там семьей и многочисленным потомством. Папаша, конечно, был рад видеть свою «белочку», но его новая жена оказалась настоящей мегерой и не желала, чтобы какие-то дармоеды из России обедали ее драгоценных чад. В результате, Белла ушла от отца и поселилась в сквоте с художниками. Средств к существованию у нее не было, так что приходилось есть то, что приносили другие. А это было крайне унижительным, она к такому не привыкла. Ее приятель Бернар однажды вошел в положение и предложил ей немного подзаработать «в качестве жрицы любви», как он выразился. Он, конечно, не настаивал, а просто хотел, чтобы она с ним поехала и посмотрела, совершила для начала что-то вроде небольшой экскурсии в таинственный и загадочный мир порока, ну, она же видела «Дневную красавицу», это ведь так романтично. Белла согласилась, но только на экскурсию. Конечно, она сильно рисковала. Но как только они приехали в какую-то грязную гостиницу недалеко от вокзала, к ним навстречу вышел жирный тип с усиками, очень похожий на турка. Едва взглянув на Беллу, он отвел Бернара в глубину коридора и стал ему что-то на повышенных тонах объяснять, энергично размахивая руками, совсем как обитатели восточного города, куда приплыл теплоход с Мироновым и Никулиным в фильме «Бриллиантовая рука». Короче, экскурсия не состоялась, так как Белла этому турку не понравилась, и он предьявлял Бернару претензии, что тот ему с этим чучелом распугает всех клиентов. Причем говорил он это достаточно громко, нисколько не смущаясь, что она стояла недалеко и все прекрасно слышала. А внешность у нее действительно была не ахти: ростом меньше Ольги, врожденная сутулость, огромный крючковатый нос, низкий лоб, скошенный подбородок, близко посаженные выпученные глаза, плюс к тридцати пяти у нее стали отчетливо пробиваться предательские усы, неприятные последствия полостной операции по удалению придатков. Так что, вернувшись на родину, по этим параметрам она сразу подошла «квазимодам». К тому же, Белла сочиняла стихи и исполняла их под гитару в жанре городского романса, то есть вполне могла называться поэтом. Все очень удачно совпало. «Квазимоды» ведь вовсе не случайно придумали такое название для своей поэтической арт-группы. Все знают, что лучший способ скрыть какой-нибудь недостаток – это выставить его напоказ. Тогда зачем им всю жизнь комплексовать по поводу своей внешности? Сева предложил, а Авдей посмотрел в зеркало и сразу с ним согласился. Лицом и фигурой они не вышли, однако не ленились ездить в Лужники и одевались всегда квазимодно.

Со своими усами и носом Белла уже давно смирилась, но у нее были проблемы со слухом, и голос не то чтобы вовсе отсутствовал, а был каким-то чересчур скрипучим, не особенно приятным, некоторые жаловались, и вот этого она в душе немного стеснялась. Но теперь все это стало частью их общей эстетики, поэтому она считала, что ее творческий союз с «квазимодами» оказался весьма плодотворным, придал ей уверенности в себе и позволил окончательно сформироваться как художнику и поэту. Важно также, что

«квазимоды» были православными, так как Беллу совершенно не устраивали нравы, царящие в современном искусстве.

Вообще-то по паспорту у Беллы была фамилия, как у матери, Беленькая, а Анфини она решила себя назвать после пребывания в Бельгии. Сначала она даже хотела взять себе сценическое имя «Дневная красавица», раз уж ей довелось побывать в настоящем публичном доме, но потом подумала, что в ее случае такой псевдоним слишком у многих будет вызывать ироничные улыбки, и стала Изабеллой Анфини. Звучит неплохо и отражает безграничность ее натуры. Для афиш так и вовсе отлично: «Изабелла Анфини. Поющая в темноте. Песни и романсы для заблудших душ» -- гораздо лучше, чем какая-то Беленькая. Однажды, когда она еще только начинала и пела в квартире у знакомых, в доме погас свет, но она продолжила свое выступление. Получилось очень романтично: голос одинокой, потерявшейся в потемках бытия женщины взволнованно взывал к присутствующим. После этого она решила всегда выступать на затемненных сценах: ее никто не видит, да и организаторы концертов довольны, так как экономят на электричестве. Эта находка также позволила Белле реализовать свою давнюю мечту – стать художницей. Она начала заполнять полотна темными пятнами, чтобы на них больше ничего невозможно было разглядеть, и таким образом окончательно сделала темноту своим стилем. Теперь можно было всем говорить, что сначала на картине было нарисовано нечто невероятное, просто гениальное по выразительности и мастерству исполнения, а затем все погрузилось во мрак. Какая уж тут Дневная красавица? Или даже Беленькая? Хорошо, что она вовремя сориентировалась и взяла себе правильное имя. Но тот опыт с экскурсией в мир порока все равно оказался ей полезен. Отныне она все свои биографии для портфолио начинала с того, что «во время пребывания в Западной Европе некоторое время работала девушкой по вызову, обслуживая состоятельных клиентов». Для человека искусства чрезвычайно важно, чтобы его жизнь была отмечена каким-нибудь необычным фактом, иначе его произведения будут никому не интересны.

Роман Ольги «Ловля бабочек», ставший продолжением «Вечеринки на хуторе», поначалу успеха не имел и, возможно, остался бы не понятым широкой публикой, если бы не Гектор Оглоблин, которому так понравилось название, что он похвалил его в газете. Про Ольгу стали писать в СМИ.

Выпускник режиссерского отделения Театрального института Глеб Сидлин осуществил постановку «Ловли бабочек» на сцене в качестве своей дипломной работы. Главную и единственную роль в его спектакле исполнила сама Ольга. Глеб сразу же отметил ее незаурядные актерские способности и предложил поехать вместе с его только что созданным театром на гастроли в Сибирь. В его ближайших планах был «Гамлет», где в роли Офелии он видел только Ольгу и никого другого, поскольку больше никто не способен был столь же достоверно передать все оттенки душевных переживаний личности, впавшей в невменяемое состояние. Еще бы ей скинуть несколько кило, хотя Глеб всегда был открыт для экспериментов. И Офелия весом девяносто восемь килограмм при росте сто шестьдесят семь – это как раз то, что нужно, чтобы разрушить привычные обывательские стереотипы. Правда, билеты на поезд до Новосибирска Ольга должна была купить за собственные деньги, а их у нее как назло не оказалось. Гамлет намеревался присоединиться к ним уже в Новосибирске, где постоянно проживал, и Глеб уже предварительно списался с ним в чате. А больше им никто был не нужен: Глеб хотел сделать историю двух одиноких сердец, Гамлета и Офелии. Какой-то тип в очках, который после премьеры «Бабочек» пробрался к Ольге за кулисы и представился

доктором, предложил ей поехать с ним в баню и сделать массаж за двести долларов. Ольга сначала обрадовалась, но потом выяснилось, что эту сумму он сам хотел получить с нее за работу. С мечтой о театре ей пришлось распрощаться.

Зато Вася по прозвищу Гиппопотам рекомендовал ее на радио «Вертикаль FM», где работал ди-джеем. Он был на спектакле, и ему очень приглянулась ее манера слегка проглатывать слова, как у обычных людей с улицы. Слушатели устали от однообразных интонаций профессиональных дикторов, и их новый генеральный директор как раз подбирал себе команду. Он планировал приблизить радио к народу, сделав его предельно доступным и понятным простым людям. Для начала Ольге поручили вести шестиминутный дайджест из жизни отечественных и западных звезд кино и шоу-бизнеса «Вертикальные параллели». Но Ольга сразу сосредоточилась на тех, кто жил за границей. С нашими соотечественниками лучше не связываться, скажешь что-нибудь не то, а они или же их знакомые услышат, и могут быть неприятности. Директор в отборе информации для эфира полностью полагался на своих сотрудников, которые должны были говорить о том, что волновало их самих. Поэтому она покупала по дороге в студию газету подешевле и зачитывала оттуда что-нибудь необычное, будоражащее воображение простых людей: «Ванона Райдер похитила в супермаркете колготки и трусы на сумму шестьдесят долларов», «Нью-Йоркская полиция задержала Абея Феррару на выходе из ночного клуба с двумя граммами кокаина в кармане», «Майкл Джексон подумывает о том, чтобы купить замок в Польше и открыть там парк аттракционов», «Луcreция Борджиа изменила своему мужу», «Джонни Депп купил себе револьвер, чтобы защищаться от сумасшедших, которые его окружают. Уж несколько лет его преследует маньяк, который считает, что он и есть настоящий Эдвард с серебряными руками», «Алисия Флоррик обнаружила в тумбочке своего тринадцатилетнего сына два презерватива», «Филипп Старк предрекает конец материального. Люди будут сидеть на ультрафиолетовых лучах и ходить по люминисцентным полам», «Бред Питт мечтает стать космонавтом»... Кто такие все эти личности, чем конкретно занимаются, она особенно не заморачивалась. Порой у нее на это просто не хватало времени. В заключение она должна была говорить: «Дорогие друзья, может быть, вам все и параллельно, зато нам – вертикально!» Это был их фирменный стиль, который придумал Гиппопотам.

В Москве, куда Ольга несколько раз ездила по заданию редакции, она подарила свои книги Валерии, Резнику, Сюткину, Анфисе Чеховой, Зурабу Церетели, Бородиной и телеведущему Гордону. Продюсер Димы Маликова подвез ее до вокзала на собственной машине и признался, что, когда прочитал «Ловлю бабочек», то отдохнул душой ото всей этой попсы вокруг так, будто на неделю съездил в Таиланд. Ее книга заменила ему в этом году отпуск и теперь стоит у него дома на самом видном месте. А у него бывают такие известные люди, как Алла Борисовна, Барри Алибасов, Игорь Крутой, Киркоров, Юджин, Дуб, Трубац, Валентин Юдашкин и Надежда Бабкина.

Зураб Церетели обещал возвести в ее честь двадцатиметровый монумент сразу же после того, как она получит Нобелевскую премию по литературе.

Певец Евгений Сикорский позвонил ей ночью по телефону и говорил целых два часа.

В феврале 2004 года Ольга создала поэтический цикл «Я фе Я», который собирались опубликовать в альманахе «Квазимир Малевича», издававшемся под эгидой «Квазимодных квазимод». Но альманах так и не вышел. В последний момент типография, куда его отдали печатать, разорилась, а у Севы, когда он туда приехал, разрядился

мобильник. Из-за чего он не смог связаться с Авдеем, чтобы договориться о другой типографии. Он плюнул и уехал. В результате уже готовый макет потерялся.

Белла устроила Ольге презентацию цикла в библиотеке при Французском институте. В зале присутствовала большая группа фермеров, приехавших в Петербург из Экс-ан-Прованса на открытие винного магазина. Почти никто из них не понимал по-русски, но чтение неоднократно прерывалось бурными овациями, и практически все французы подошли после к Ольге, чтобы засвидетельствовать ей свое восхищение. Такого они еще никогда не слышали. Писатель Достоевский-Гончаренко познакомил ее с английским хореографом Давидом Либерманом и итальянским кинопродюсером Гиви Квирикадзе, которые не знали ни русского, ни французского, но были потрясены реакцией публики на чтение ее стихов. Их знакомый немецкий издатель Степан Бородюк выразил готовность опубликовать сборник Ольгиных стихов, но у него не было хороших переводчиков с русского на немецкий. Договорились, что Гиви попросит своего друга-филолога перевести тексты на итальянский, потом жена Давида, Лора, переведет их на английский, ну а переводы с английского в издательстве Степана были уже давно поставлены на поток. Ольга передала стихи Достоевскому-Гончаренко, тот поехал в Италию и куда-то бесследно исчез. Никто не знал, куда он делся. Правда, такое с ним и раньше иногда случалось. Его настоящая фамилия была Гончаренко, а Достоевского он прибавил себе, когда жил во Франции, потому что это как-то само напрашивалось. Некоторое время он даже служил в иностранном легионе, но потом ему там так надоело, что однажды в карауле он опустился на четвереньки и начал громко лаять, а потом еще и укусил за ногу подошедшего дежурного лейтенанта. Естественно, его сразу демобилизовали. В принципе, он мог бы и просто уволиться, но ему хотелось сделать это как можно быстрее.

Делом всей жизни Гончаренко стал роман «Клад», где на семистах страницах были представлены описанные во всех шокирующих деталях многочисленные попытки обнаружения бриллианта стоимостью в полтора миллиона долларов, которые жена русского банкира, бывшая фотомодель Люся, спасаясь от ФСБ, зашила себе во влагилице и вывезла в Италию. В конце концов, драгоценный камень достается агенту Интерпола по имени Джек Севенти, у которого оказался самый длинный член. К тому же, он был единственным, кто рискнул вступить в интимную связь с Люсей, не прибегая к помощи презерватива. Роман «Клад» в России не издавался и появился прямо на немецком, став первым за долгие годы переводом русского автора, вышедшим в издательстве Бородюка «Дюк Барбаросса». До него был только роман Толстого «Воскресение», опубликованный в 1927 году. Следующей должна была стать книга стихов Ольги. Степану всегда были симпатичны смелые и решительные люди вроде нее и Джека Севенти.

После выступления во Французском институте Ольгу стали приглашать с чтением стихов в самые разные места. Однако тот успех ей повторить так и не удалось. Она вообще заметила: чем больше в зале находилось наших соотечественников, тем более холодный и отчужденный ее ждал прием. Поневоле начнешь думать, что в России людей интересуют только жратва и тряпки, а поэзия никому не нужна. Достоевский-Гончаренко тоже так считал, поэтому и издал свой роман сразу по-немецки.

За несколько месяцев до своего исчезновения на вернисаже в галерее Т-34 он сцепился с художницей Журавушкой (Журавлевой), которая напилась и стала прибаваться к нему, что он содрал своего Севенти с Джеймса Бонда. Герой романа «Клад», как и Агент 007, тоже выкуривал ежедневно по семьдесят сигарет и постоянно делал себе коктейли «Водкатини», смешивая водку с двойным мартини, что, по ее мнению, должно было неизбежно сделать его точно таким же импотентом, как и сам Гончаренко. При этих словах она со всего размаху заехала ему правой рукой в левый глаз. И тут между ними вклинился какой-то коренастый тип, стараясь отделить их друг от друга собственным телом. Тогда они схватили его с двух сторон за уши и стали тянуть за них каждый в свою сторону. Ольга, конечно, видела один раз по телевизору, как жирная баба тащила за собой грузовик, привязав его к себе сзади за косичку, но вот так вблизи,

чтобы две туши повисли у человека на ушах – ей казалось, что они ему их сейчас точно оторвут. К счастью, этого не произошло. Так Ольга познакомилась с Гомером Рогожкой. Она была в равной мере потрясена как его мужеством и стойкостью, так и крепостью его ушей. Еще больше она была удивлена тем, насколько он оказался знаменит, так как до этого момента никогда о нем ничего не слышала.

В 80-е, едва закончив школу, Гомер сразу же стал завсегдатаем «квартирников» на Литейном, на которых собирались самые выдающиеся творцы современной культуры. Он прекрасно помнил тот дом, номер которого он сейчас уже затруднялся назвать, где Курехин обычно что-то непринужденно подбирал на рояле, Тимур Новиков, сидя на стуле в сторонке, делал у себя в блокноте наброски картин, БГ играл на гитаре, Майк лежал на топчане и задумчиво глядел в потолок, Цой пританцовывал, Пивоварова пела, некрореалисты монтировали фильмы, склеивая пленку клеем БФ, а совсем юный Африка качался на лошадке и стучал молоточком по утюгу. Именно так и родился знаменитый авангардный «утюгон». И Гомер Рогожка стал свидетелем этого события. Неужели Ольга ни разу там не была? Гомер не мог в такое поверить. Значит, она пропустила самое главное в этой жизни.

Гомер держался и говорил очень уверенно. Когда Ольга его слушала, ей невольно становилось стыдно за свое чересчур размеренное обывательское существование. Плюс ко всему она с ужасом вспомнила, что ни разу так и не побывала в Сайгоне. Конечно, она много раз проходила мимо, встречала рядом уйму знакомых, которые приглашали ее выпить там чашку кофе, но она всегда отказывалась, поскольку из-за постоянной нехватки денег предпочитала готовить себе кофе дома сама. Она и представить себе тогда не могла, насколько это место является важным. И что теперь она сможет рассказать про себя своим девочкам, когда они окончательно повзрослеют? Их мама – художница, которая ни разу не была в «Сайгоне». Ольга старалась об этом даже не думать, отгоняла от себя такие жуткие мысли. В конце концов, может быть, все как-нибудь само образуется, и ей удастся перескочить через этот скользкий момент своей биографии. Вот Гомер Рогожка, например, так и не спросил ее об этом. Вероятно, ему и в голову столь фантастическое предположение не пришло, поскольку он считал ее человеком своего круга, иначе бы просто не стал с ней разговаривать.

Жизнь Гомера была полна самых невероятных событий. Он родился в селе Каяушка, располагавшемся на территории современного Приднестровья. И уже на следующий после его рождения день отец, отмечавший появление сына и не желавший ни на секунду с ним расставаться, отправился справлять нужду прямо с младенцем на руках, а вернулся назад уже без него и, как ни в чем не бывало, завалился спать. Обеспокоенные родственники и гости кинулись на улицу и почти час искали новорожденного во дворе, сарае, туалете, заглядывали в колодец, на сеновал, пока не обнаружили малыша в хлеву, мирно посапывающим на навозе под боком у свиноматки среди сосущих молоко поросят. Существует масса примеров, когда свиньи сжирали маленьких детей, однако в данном случае они его не тронули. Скорее всего, это произошло потому, что, оказавшись рядом с огромной, в человеческий рост, свиньей Гомер сразу присосался ротиком к одному из ее сосков, и остальные свиньи приняли его за своего. Тетка Гомера, Софья Дартаньяновна Упряну, даже сочинила по этому поводу стишок: «Кто в младенчестве испил свиного

молочка, тот вознесется в этой жизни за облачка». Ее слова оказались пророческими. Когда-то она вместе с отцом кочевала по молдавским степям, но потом резко сменила образ жизни, увлеклась поэзией и стала библиотекарем в сельской школе, сохранив при этом гипнотические способности и умение предсказывать будущее. Заходившие к ней за книгами и учебниками дети часто жаловались родителям, что тетя-библиотекарь навеивает на них своими глазами сон. При этом гипноз действовал на окружающих даже через очки. Любовь к литературе и сверхъестественный дар, судя по всему, Гомер унаследовал именно от нее. В этом отношении Ольга находила в нем определенное сходство с собой, поскольку ей тоже частично передались от прабабки экстрасенсорные способности. В десять лет Гомер переехал с родителями в Ленинград, где жила его бабушка.

Своими способностями гипнотизера Гомер пользовался редко, только в самых крайних случаях. В частности, на выпускном экзамене, когда химичка хотела поставить ему «неуд», а он это почувствовал и пристально посмотрел ей в глаза, заставив ее руку вывести в ведомости тройку. Ну, и еще пару раз, когда милиционер собирался его оштрафовать за неправильный переход улицы и когда пробирався без билета в «Октябрьский» на концерт Элтона Джона. А так, чтобы поддерживать себя в форме, он в основном ходил в зоопарк и тренировался на животных. Посмотрит на тигра, и тот сразу начинает зевать и покорно ложится на бок. Обезьяны и белки сыпались на землю с веток, как яблоки в конце августа у них в Молдавии. Птицы так и вообще падали прямо на лету. Продемонстрировать свои способности на Ольге, несмотря на ее настойчивые просьбы, Гомер категорически отказался, так как не хотел, чтобы у нее после болела голова.

Приобретенные им в зоопарке навыки оченьгодились ему в 90-м, когда он открыл кооператив по гипнотическому избавлению домашних животных от вредных привычек. Типа когда собачка или котик гадили не там или же кусались, то хозяйева приносили их к нему, он на них пристально смотрел, и те становились как шелковые. Установленная им такса целиком зависела от продолжительности его гипнотического взгляда. Количество минут, которые он будет смотреть на объект, каждый выбирал для себя сам, Гомер в это не вмешивался. Если с первого раза ситуацию исправить не удавалось, то можно было обратиться второй и даже третий раз. В этом случае клиентам предоставлялась небольшая скидка. Если же и с пятой попытки все оставалось по-старому, то приходилось вынести неутешительный для данного пациента вердикт. Гомер был всегда со всеми предельно откровенен и не хотел никого вводить в заблуждение. Дела кооператива продвигались чрезвычайно успешно, все были довольны, но тут на него наехали бандиты из казанских, стали требовать бабки, а он как раз пожертвовал всю прибыль на реставрацию Сампсониевского собора на проспекте Карла Маркса, отдал буквально все до копейки. Когда он им об этом сказал, то они долго смеялись, а потом разжаловали его до уборщика туалета и на его место посадили какого-то чувака, который в этом деле вообще не рубил и только пугал посетителей своими татуировками на волосатых руках. На левой у него был лев с открытой пастью, а на правой -- Пушкин с огромным пистолетом. И когда он эту руку поднимал, то Пушкин целился из него тебе прямо в лоб. Однажды ему принесли попугая, который прокусил своему хозяину руку до кости, чтобы отучить его от этой мерзкой привычки, так тот, увидев льва, упал в обморок и повис в своей клетке вниз головой, зацепившись ногами за жердочку. Пришлось везти его к ветеринару. Естественно, с такими кадрами предприятие долго не просуществовало. И хорошо, потому что мыть по утрам туалет ему уже надоело.

Но с казанскими они все равно расстались друзьями. На прощание они даже подвезли его до дома на шикарной иномарке. А он сбежал к себе на этаж и подарил им картину Крамского «Незнакомка», которая висела у него над диваном.

Своим поэтическим даром Гомеру тоже удалось воспользоваться всего один раз, когда они с Жекой Лепиком и Пинчуком выпустили сборник «Деревянные камни». Ему там целиком принадлежало одно стихотворение, а в остальные он добавлял отдельные строчки и слова. Что касается живописи, то рисовал он не очень, в школе у него с этим

предметом были проблемы, зато его постоянно переполняли живописные идеи. И когда они с Жекой Лепиком, Саркисовым и Пинчуком создавали свое знаменитое полотно «Война миров», то он, главным образом, давал им всякие ценные указания: какие головы должны быть у инопланетян, какие руки - как у обезьян или как у роботов, на каких тарелках они прилетели. Есть же в театре художники-исполнители, которые воплощают волю главного художника. Единственная проблема – это найти хороших исполнителей, а у Лепика и Пинчука в школе с рисованием тоже были проблемы, но они ему почему-то об этом сразу не сказали. Тем не менее, «Война миров» так понравилась известному коллекционеру Кире Цеткину, что он повесил ее у себя в будуаре над кроватью с шелковым розовым балдахинном. Такой чести в то время удостаивались исключительно избранные. В 90-е Кира уехал в Штаты, прихватив с собой неплохую коллекцию живописи и фарфора. Непонятно, как ему все это удалось провезти через границу. Известно только, что сначала он вывез все в Латвию, и уже оттуда переправил в Америку. Там он, кстати, сделал операцию и взял себе имя Клэр, то есть стал Кларой Цеткин. Как говорится, нарочно не придумаешь.

Группа «Двери's», которую они создали с Саркисовым, Лепиком, Фимой Ревзиным и Ковальским просуществовала всего три месяца. Ему хотелось играть рок, а Ревзин настаивал на панке, так они и не договорились. Ну и ладно. Все равно они даже инструменты не успели приобрести. Все-таки главным своим достоинством Гомер всегда считал обилие роящихся в его мозгу идей. Мало кто знает, но именно он в свое время посоветовал Боярскому никогда не снимать шляпу в общественных местах, когда заметил, что у того начинают редеть волосы. Просто, как все гениальное. То же самое он потом подсказал и Шемякину.

Из-за того, что его голова была забита всевозможными творческими проектами, Гомер постоянно попадал в совершенно дикие и абсурдные ситуации, какие Ольге и другим обычным людям, вероятно, даже не снились. Когда он еще учился в десятом классе, его бабушка, которая работала билетершей в кинотеатре «Прибой» на Васильевском, попросила его покормить рыбок в большом аквариуме в фойе, а он вместо корма по ошибке взял в ее шкафчике пакет с марганцовкой. Все рыбки подохли. Страшная картина. Он до сих пор не мог вспоминать ее без содрогания. Золотые, с красными, синими и зелеными чешуйками рыбки плавают кверху белым брюхом на поверхности фиолетовой воды. Покруче, чем гибель «Титаника». Бабушку уволили. А буквально неделю назад он стоял на Невском, ждал троллейбус, представляя себе предстоящую встречу с апостолом Петром, как тот открывает перед ним ворота Рая, а он слегка отступает назад, пропуская его перед собой, и случайно толкнул спиной какую-то бабу, из-за чего она заскользила по льду и едва не угодила под машину. Жуть! Или когда они с Геной Кирпичом продавали на улице по двойной цене огурцы, купленные в соседнем гастрономе. Гена привез на тележке товар, а сам пошел обедать. К Гомеру сразу же выстроилась стометровая очередь, и все двести килограмм разлетелись за полчаса. А потом выяснилось, что он невнимательно слушал Гену и распродал огурцы в два раза дешевле, чем они стоили в магазине. В следующий раз им пришлось превысить цену втрое, чтобы выбраться из долговой ямы.

К протестантам Гомер относился скептически, однако не видел большой разницы между православием и католичеством. В конечном счете, и та и другая церковь были апостольскими. Все жители Каяушки, к примеру, были униатами. Поэтому он всегда носил с собой четки и, периодически доставая их из внутреннего кармана пиджака, начинал задумчиво перебирать. Эта картина действовала на Ольгу завораживающе. Неужели она наконец-то встретила человека, который постоянно задумывается о своих прегрешениях и бренности бытия? Как ей повезло! Лучик православной веры, который передался Ольге от прапрадеда, служившего дьяконом в Спасо-Преображенском соборе, никогда не угасал в ее душе.

Сразу после школы Гомер столкнулся с одной проблемой, о которой предпочитал особенно не распространяться. Дело в том, что дома родители и бабушка всегда называли его ласково «Гомиком». Но его отец и мать были простыми строителями, и им и в голову не приходило задумываться над оттенками звучания данного слова. Скорее всего, они вообще не подозревали, что тут возможны какие-либо разночтения, как, впрочем, до какого-то момента не задумывался над этим и он сам. Но теперь, когда он стал общаться с интеллигентными людьми, с тем же Кирой, например, такая форма обращения его больше не устраивала. И как тогда его должны называть близкие знакомые? Ясно, что «Гомер» звучит чересчур высокопарно и для дружеского общения не подходит. Как тогда быть? Как выйти из этой тупиковой ситуации? Но не случайно же он имел репутацию генератора идей. Всего через неделю размышлений, он пришел к выводу, что наиболее предпочтительной интимно-доверительной формой обращения к нему будет: «Гомерик». И теперь, если он встречал кого-нибудь более-менее интеллигентного, утонченного, с приличными манерами, то представляясь, обязательно добавлял: «Можно просто: Гомерик». А со всяким быдлом или приезжая летом в Каяушку, он себе такой ерундой голову не забивал.

Когда Гомера забрали в армию, ему там совершенно не понравилось. Он думал, что армия предназначена для того, чтобы защищать Родину, учиться военному делу, стрелять, наконец, а там все было построено на выслуживании перед начальством. Необходимо было вытягиваться по струнке перед командирами и беспрекословно исполнять все их приказы. Скажут «равняйся» - поворачиваешь голову направо, скажут «вольно» - расслабляешься. Такое абсолютно не укладывалось в его голове, он никогда не думал, что в наше время подобное вообще возможно. Кроме того, раболепство перед вышестоящими находится в непримиримом противоречии с его жизненной философией, в основе которой лежат чувство собственного достоинства и свобода воли. С какой стати он должен поворачивать по чьей-то указке налево, если ему хочется идти направо? Ему хватило двух недель службы, чтобы окончательно это осознать. Поэтому однажды, во время общего построения их роты, он неожиданно опустился на четвереньки и начал громко лаять. Эту историю «про лай» Ольга уже один раз слышала от Гевары, который на следующий же день после своего прибытия в часть поступил точно так же: встал на четвереньки и залаял. Правда, Гевара еще укусил за палец наклонившегося к нему старшину, после чего его отправили в «психушку». А в случае с Гомером события стали развиваться по несколько иному сценарию. Возможно, командир его роты был в курсе, что вставшие на четвереньки солдаты часто кусаются, а может, просто догадался, услышав лай, но он не стал никуда наклоняться, а подошел к Гомеру сзади и пнул его сапогом в зад. Однако он не учел, что кроме собак в этом мире существуют еще тигры, львы и медведи. Гомер вскочил на ноги и с рычанием кинулся на него, впившись мертвой хваткой зубами ему в шею. Несчастный капитан, лучше бы он просто наклонился. Наверное, он и сам потом об этом пожалел. Короче, Гомера все равно комиссовали. А психиатру он сказал, что в тот момент перевоплотился в тигра, которым был в прошлой жизни. Видимо, ему просто не удалось до конца родиться заново, такое иногда случается с недоношенными детьми. Рассказывая про армию, Гомер всякий раз невольно поглаживал себя по заду рукой.

Пребывание в психиатрической больнице ему первое время казалось довольно интересным. Много одухотворенных лиц, достаточно яркие индивидуальности с необычным взглядом на мир. Но потом как-то все тоже примелькалось и наскучило. Поэтому он решил дальше не изображать из себя сумасшедшего, перестал рычать -- а кусаться он уже и так давно прекратил, всех не перекусаешь -- и теперь, наоборот, стал всячески подражать тем, кто готовился к выписке: улыбался доктору, говорил медсестрам «спасибо» после еды, вызывался помыть полы в туалете, то есть старался быть похожим на нормального человека. И в конечном счете это сработало: его отпустили домой. Этот опыт очень пригодился Гомеру в дальнейшем. Отныне, когда ему приедалась обычная жизнь, он начинал имитировать сумасшествие и отправлялся в дурдом, а когда надоедало

там, изображал нормального и возвращался назад. Тут важно было не перепутать, так как и в обычной жизни многие ведут себя совершенно, как сумасшедшие. Иначе можно очутиться в таком лабиринте, из которого уже никогда не выберешься. По этой причине, попадая в какую-нибудь новую для себя среду, он сразу начинал присматриваться к тому, как ведут себя там большинство людей, старался перенять наиболее характерные их жесты, манеру говорить, начинал улыбаться, как они, заимствовал их слова и мысли. И такая методика обычно ему здорово помогала.

Ольге эта мысль показалась в высшей степени необычной, сама бы она до такого ни за что не додумалась. И когда Гомер спросил у нее, почему она в своей программе на радио говорит исключительно про зарубежных звезд, неужели ей совсем не интересны наши соотечественники, она впервые поймала себя на мысли: действительно, почему? Вот тот же Гомер, например. И пригласила его принять участие в ближайшей же передаче, рассказать немного о себе и своих выдающихся знакомых. Тем более, что, с одной стороны, он как звезда современного искусства представляет несомненный интерес для слушателей, а с другой, его ведь, наверняка, никто из их руководства не знает, и в этом смысле он является человеком с улицы, то есть идеально вписывается в концепцию их радиостанции. Гомер сразу же согласился. И в течение шести минут рассказывал про бабушку и рыбок. Все прошло отлично. Человек толпы поделился занимательным случаем из своей жизни, не подкопаешься. Сам Гомер тоже остался доволен, теперь почитателей его таланта стало еще больше. Единственное, после этого он как-то резко изменился, перестал с Ольгой подолгу общаться, делиться воспоминаниями, при встрече едва здоровался. Более того, ей передали, а потом она и сама несколько раз его видела с помощницей продюсера 5-го канала Ребровой. И это ее ужасно травмировало. Ей бы хотелось, чтобы их отношения развивались по нарастающей.

Шерон Стоун выходит замуж уже третий раз, а они с Беллой вынуждены всю жизнь тащить детишек на собственном горбу. Белла хотя бы одного, а Ольга - сразу двоих. У Регины их четверо, но зато у нее есть муж.

Регина Дубочан составляла мозаичные полотна из клочков использованной туалетной бумаги, побывавших в употреблении тампонов и презервативов. Никаких красок – только следы соприкосновения с человеческим телом. Важно, чтобы в создании произведений искусства помимо нее участвовала вся современная цивилизация, оставляя свои неповторимые и выразительные мазки. Поэтому большинство ее работ было выдержано в коричневато-серых тонах с ярко-красными вкраплениями. Самая известная из них, кстати, так и называлась: «Серо-буро-малиновое». Регина защитила диссертацию по деконструкции в западной философии и была помешана на идее аутентичности. Она не могла, к примеру, позволить себе пойти в аптеку и купить там новый презерватив, ей обязательно был нужен материал со следами жизни до зачатия. И только подлинный, то есть аутентичный. Поэтому она постоянно носила с собой специальный пакет и, зайдя в кабинку общественного туалета, первым делом вытряхивала в него содержимое мусорной корзины, которое потом дома тщательно разбирала, разложив на письменном столе. С презервативами, между прочим, в туалетах было сложнее всего, порой ей не удавалось обнаружить их месяцами, но зато, когда она хотя бы один находила, то весь день пребывала в прекрасном настроении. По лестнице домой не взбегает, а взлетает, детишек с мужем расцелует и – к письменному столу, за работу. Из-за недостатка материала

презервативы ей обычно приходилось максимально растягивать, дабы полностью заполнить пространство на полотне, но осторожно, чтобы не лопнули, и чтобы фактура следов употребления не утратила своих первоначальных аутентичных очертаний, это тоже было важно. А вот с использованными памперсами у нее долгое время проблем вообще не было, а потом, когда такие проблемы возникли, она от них просто отказалась. По яслям и детским поликлиникам ей таскаться не хотелось, в свое время она туда достаточно походила, с нее хватит. И своей диссертации, кстати, она тоже немного стеснялась, поскольку этот факт ее биографии ставил под сомнение аутентичность ее творчества. Лучше было бы без нее, подлиннее, но прошлого не воротишь, что есть, то есть.

Правда, студентам, которым она читала основы психоанализа, Регина про свое творчество тоже предпочитала особенно не распространяться. Хотя стесняться тут, в сущности, было нечего, ибо то, что она делала в искусстве, было ничем иным, как применением на практике идеи деконструкции, поскольку ее работы были не просто плодом ее праздного воображения, а позволяли людям обратиться к истокам человеческого бытия в его первоизданной полноте и целостности. Тем не менее, ее очень волновала посещаемость ее курса, так как недостаточно подготовленные молодые люди, представлявшие самые различные слои населения, в том числе и из отдаленных регионов России, могли не совсем адекватно истолковать увлечение своей преподавательницы и сделать ложные выводы по поводу своего дальнейшего трудоустройства. Ее студенты не должны были сомневаться, что в будущем станут обладателями диплома престижного учебного заведения, гарантирующего им высокооплачиваемую интересную работу. Поэтому нельзя было допустить, чтобы хоть у кого-то из них сложилось впечатление, будто из них здесь готовят туалетчиков или уборщиков, в том числе и на бессознательном уровне. Как специалисту по психоанализу ей это было абсолютно ясно. Рисковать она не могла. Тем более, что от количества студентов на ее курсе напрямую зависело благосостояние ее семьи и четверых детей.

Первоначально они с мужем, который когда-то был доцентом кафедры научного атеизма, открыли воскресную школу, где он читал основы православной культуры, а она, исключительно в качестве факультатива, знакомила детей с азами психоанализа. Однако этот проект оказался совершенно нерентабельным. Тогда они решили все переиграть и создали на уже готовой учебной базе Академию психоанализа, где она вела основной курс, а муж факультативно знакомил желающих с религией. При таком раскладе их дела пошли гораздо лучше, хотя мужу, в виду его меньшей занятости, приходилось на выходные еще и ездить в Финляндию за товарами, которые они потом сдавали в магазин на улице Правды. Четверых детей в наше время так просто не прокормишь.

Помимо мозаичных полотен, Регина была автором пяти поэзо-прозаических сборников: «За струнной решеткой лиры», «Золотые петушки», «До звезды», «Побег» и «Свобода»,-- состоящих из небольших новелл из жизни заключенных, размером не превышающих стандартное стихотворение в двадцать строк и написанных в технике «потока сознания» с активным использованием воровского арго и обценной лексики. В данном случае все было в высшей степени аутентично, поскольку, обратившись к образам тюрьмы и ее обитателей, она всего лишь воспользовалась языком символов и метафор, где камера олицетворяла общество в современном его состоянии, нары – один из способов существования человека, коронавание авторитетов – карьерный рост и защиту диссертации, опущение – опущение, побег – прорыв к трансцендентному и обретение экзистенциальной свободы. Большим поклонником и ценителем творчества Регины был критик Гектор Оглоблин, который даже как-то назвал ее «новым Борхесом». Из всех ее книг он особенно отметил сборник «До звезды», в котором ему очень понравилось не только содержание, но и название. Правда, после похвал Оглоблина, про Регину вообще перестали писать в прессе и куда-либо приглашать, настолько много у Оглоблина было врагов в литературной среде, что никто не хотел поддерживать его протекте. Говорили даже, что он сам давно уже это понял и специально публично хвалил тех, кто по тем или

иным причинам его раздражал, чтобы таким образом создать им проблемы. В случае с Ольгой все было несколько иначе. В «Ловле бабочек» он отметил только название, а не содержание, правда, потом многие уже разгадали его тактику и перестали воспринимать его слова всерьез. А Регина на какое-то время погрузилась в настоящий вакуум и сильно из-за этого переживала.

Когда вышел ее последний сборник «Свобода», Регина устроила пышную презентацию в галерее «Безбашенные близнецы», которой владели два ее бывших однокурсника. По стенам были развешаны ее картины «Серо-буро-малиновое», «Коричневый вампир», «Кровавые следы», «Медведь-людоед», «После бала» и «Сдувшиеся шары». Ее муж, облачившись в тубетейку и полосатую пижаму, символизирующую тюремную робу, пританцовывал и речитативом, в ритме рэпа, читал ее тексты «Золотые петушки закукарекали» и «Вам похуй все, а мне -- все до звезды», а она в это время скромно сидела в уголке, била в барабан и приговаривала: «Сту-стук, стукачок». На основе этого номера они с мужем сформировали концертную программу и регулярно потом выступали с ней дуэтом в различных галереях Петербурга и Москвы. Посетив один из таких концертов, «квазимоды» наконец-то согласились принять ее в свое творческое объединение. До этого у них имелись серьезные сомнения по поводу ее аутентичности, хотя по остальным параметрам она полностью им подходила.

Ольга и Белла не отличались высоким ростом, однако Регина даже им была по плечо. Из-за этого кассирша в «Перекрестке» несколько лет назад, когда Регине было уже хорошо за сорок, попросила у нее паспорт при покупке сигарет. Потом она, конечно, сильно извинялась: просто так получилось, что из-за кассового аппарата она не сразу разглядела ее лицо. Это происшествие побудило Регину радикально пересмотреть отношение к самой себе, своему возрасту и времени вообще. Ведь если подумать, то все эти возрастные различия с временной дистанции абсолютно не существенны. Кого лет через двести-триста будет волновать, что ее дети были на двадцать-тридцать лет моложе ее? На таком расстоянии подобные детали полностью теряются во мгле. А через тысячу лет? Или через две? Но именно так, с точки зрения вечности, и должен глядеть на себя художник, если, конечно, он всерьез рассчитывает в ней остаться. Поэтому отныне она бросает вызов обывательским представлениям о времени и отказывается стареть! Более того, она немедленно возвращается назад, в свои школьные годы.

Регина приобрела себе форменное платьице с белым передником, завязала на затылке большой розовый бант и появлялась теперь на всех культурных мероприятиях исключительно в таком наряде, переодеваясь только по вечерам, когда шла читать курс в Академии. При ее росточке со спины ее практически невозможно было отличить от девочки-третьеклассницы, не хватало только портфеля в руке или ранца за спиной. Однажды вечером, когда она возвращалась домой из кино, неся в руке пакет с очередной порцией бумажек и тампонов, собранных в туалете кинотеатра, ее неожиданно схватил сзади за руку какой-то пьяный грузин: «Дэ-эвочка, ты канфэ-этку хочэ-эш?» Но она уже давно была психологически готова к подобной ситуации, поэтому совершенно спокойно к нему повернулась и сказала: «Спасибо!» Увидев перед собой испещренное морщинами пожелтевшее лицо и явственно проступающую из-под редких волосок лысину, грузин разжал руку, попятился назад и, споткнувшись о поребрик, сел в лужу. А она, действительно, была ему благодарна за то, что он еще раз блестяще подтвердил ее концепцию времени.

Ольге тоже ужасно нравилась эта идея про вечность и художника. Ей приятно было осознавать, что через тысячу лет разница между ней и ее дочурками будет совсем несущественной, и она снова станет точно такой же юной, как они. Со спины ее и сейчас тоже вполне можно было бы принять за их ровесницу, во всяком случае, ночью и если еще немного похудеть и нарядиться соответствующим образом. Главное, чтобы в милицию не забрали. Хотя она и не готова была методично менять в различных анкетах данные про свой возраст, как Дубочан, которая везде, где только можно, исправляла свой год

рождения сначала на 1989-й, через два года – на 1991-й, а потом – аж на 1995-й, как будто это были вовсе не года, а стрелки на циферблате, и их можно вот так запросто без конца передвигать. После того случая в кассе и встречи с грузином Регина так высоко вознеслась в вечности над остальными людьми, что даже тысячелетия ей оттуда казались не длиннее часа. Девяностые годы она теперь всегда с подчеркнутым пренебрежением называла не иначе, как «конец второго», а сейчас у нее, соответственно, наступило «начало третьего».

Следующим кандидатом на участие в ее программе на радио стал Александр, которого Ольге рекомендовала Белла Анфини. Для этой цели она даже привела его к Ольге домой. С Александром Беллу свел поэт Алексей Покос, у которого тот снимал комнату.

Александр приехал в Петербург из Иркутска, а до этого он жил в поселке Баргузин, недалеко от озера Байкал. Этот поселок на всю Россию знаменит, о нем даже есть в Большой Советской Энциклопедии, где он перечисляется среди прочих селений вокруг Байкала, но при этом относится к Бурятской АССР. Говорят, именно оттуда пошли слова знаменитой песни: «Эй, баргузин, пошевеливай вал», – но кто такой этот «баргузин» Александр не знал. Возможно, его соседи по деревне были в курсе, но Александр стеснялся их об этом спросить. Родители ему тоже про название их поселка ничего не рассказывали, наверное, просто забыли. Его отец руководил бригадой рыбаков, занимавшихся промыслом на Байкале, а мать работала на местном консервном заводе укладчицей. У Александра было три старших сестры, а он был младшим и единственным сыном, поэтому мать его любила больше всех. Отец был очень властным, а мать, наоборот, мягкая и покладистая. Родом отец Александра был из шляхтичей, которых очень давно русский царь за непокорность ссылал в Сибирь. Поэтому и фамилия у них была для русского уха не особенно привычная, хотя и дворянская, Мочепырские, из-за чего в поселке их недолюбливали, смотрели на них косо. Отец Александра обожал Наполеона и вообще всех сильных правителей: Сталина, Юлия Цезаря, Чингисхана. Ему очень хотелось иметь сына, но поначалу рождались только девочки, и когда у него родилась третья дочка, он понял, что это неспроста: возможно, они с женой прогневали главную силу, дававшую им пропитание и благополучие. А основным источником их благосостояния всегда была рыба или рыбы – можно и так сказать, и сям, все будет верно. Похоже, они с женой решили, что это они сами такие умные и удачливые, а благодарность главной силе забыли вознести. Отец каждое утро на моторной лодке совершал объезд отведенного ему участка, следил, чтобы весь улов сдавался в заготовительную контору, и в руках недобросовестных рыбаков ничего не оседало. Мать же запихивала рыб в консервные банки, стараясь укладывать их ровно и красиво, чтобы людям потом было приятно не только этих рыб есть, но и на них смотреть. Однако в процессе непрерывной работы они, видимо, совсем забыли о самом важном в этой жизни. Теперь необходимо было срочно исправлять допущенные недочеты.

Каждый вечер после работы отец стал приносить с собой пару рыбешек знаменитого байкальского омуля, стараясь выбирать самые красивые, гладкие и крупные экземпляры. Он тщательно мыл их щеткой и заботливо складывал в миску на тумбочке рядом с кроватью. Ночью же, когда они ложились в постель и приступали к исполнению супружеских обязанностей, стараясь зачать долгожданного сына, он незаметно брал одного омуля и запихивал в лоно своей жены, стараясь действовать ненавязчиво, ритмично и гармонично. Та же, очевидно, по ощущениям, догадывалась, что происходит, хотя и не видела действий супруга, и начинала еще сильнее стонать и охать, при этом в ее столах появилась какая-то новая торжественная нотка. Поэтому отец чувствовал, что она и на самом деле испытывает что-то новое. Между тем, время шло, но ничего не происходило. И отец Александра стал сомневаться: может быть, он делает что-то не так, неправильно. Нужно было понять, в чем заключается его ошибка. Может, омуля не стоило уж так старательно мыть, он и так чистый, байкальская вода его омыла, а он – водопроводной? А может, надо было не омуля брать, а голомянку – есть такая рыбка живородящая, правда, ее никто не ловил, поскольку она считается непромысловой? Но мать Александра ему сказала, что голомянку не надо, она на человека уж больно похожа, омуля лучше. Короче, Василий перестал мыть омуля под краном, а стал использовать его в естественном виде, более привычном для окружающей среды. И только после этого наконец-то жена сообщила ему о своей беременности. Радости отца не было предела. Конечно, в душе он побаивался, что опять родится девочка, но был почти уверен, что на сей раз ему повезет. И действительно, через положенное время родился мальчик, причем очень маленький и в профиль чрезвычайно похожий на рыбу: нос у него был в одну линию со лбом, а почти сразу после носа начинался рот, и глаза были посажены строго симметрично, по обе стороны приплюснутого черепа. Однако мальчик был симпатичный, мать его сразу очень полюбила, да и отец - тоже, хотя и боялся испортить парня чрезмерным вниманием и бабьей заботой, у них ведь в семье было аж четыре бабы. Мальчика назвали Александром – в честь Александра Македонского. В семье у них любили повторять, что Санек пришел к ним при помощи байкальского омуля, хотя подробностей при этом обычно избегали. Впервые Александр услышал все детали этой истории от отца, когда тот сильно напился на поминках бабушки. К тому времени он уже незаметно повзрослел, вот только росточком не особенно вышел, но ничего, как любил говорить его отец: маленькая блоха большее кусает. Да и Наполеон был совсем крошечного роста, а вон чего достиг. Вся комната отца была оклеена портретами Наполеона. Из всех сильных правителей он был его самым главным кумиром.

Сам Александр мечтал уехать во Францию, потому что там очень высокая социальная защищенность граждан – так ему объяснил его друг, актер, который играл в детском спектакле про Колобка, правда, не самого Колобка, а деда. Друг Александра часто уезжал на гастроли, и тогда ему не с кем было даже посоветоваться. В Петербурге Александр жил уже три года, но до сих пор чувствовал себя тут совсем чужим. Большинство людей в огромном городе представлялись ему крайне озлобленными и враждебно настроенными. Такое впечатление, что тут вообще никто никому не верит. Люди прямо отскакивают от него, когда он к ним приближается. На днях он зашел в булочную, которая называлась «Французская булочная», и спросил у девушки-продавщицы, действительно ли эта булочная французская и есть ли тут французы. Так та на него вытаращила глаза, будто он ей непристойность какую-то предложил, и еще по сторонам начала оглядываться, как бы ожидая помощи, того и гляди, охранники выскочат, поэтому он сразу предпочел от греха подальше удалиться, так и не дождавшись ответа на свой вопрос. И милиция его все время останавливает, буквально каждый божий день, сначала требуют документы, а потом забирают все деньги. Один раз даже послали его еще за деньгами, езжай, мол, и еще привези, а то у него их мало с собой было, или им просто мало показалось - всего двести пятьдесят рублей. Он поехал, но обратно уже не вернулся, нечего им. При этом они его не то, чтобы на «вы», а все на «ты» да на «ты», а

если он что-то им сказать пытается, то в ответ слышит: «молчи, баран». Недавно его и вовсе задержали, отобрали паспорт и сказали, что прописка в нем фальшивая, так что теперь из-за этого фальшивого штампа весь его паспорт недействительным оказался, то есть ему теперь нужно тащиться обратно к себе в Иркутск и там паспорт менять. Ну, это просто кошмар какой-то! Эту прописку ему друг сделал, удружил, как говорится, сказал, что у него знакомая работает в специальной конторе, где ему прописку в лучшем виде оформят. Он пошел к этой знакомой, заплатил ей семь тысяч, даже букет цветов купил, и вот ему сделали эту прописку. А теперь его каждый день милиционеры задерживают, и все в один голос твердят, что прописка фальшивая. Каждый раз, как только его паспорт открывают и видят эту прописку, его сразу же хватают и тащат для выяснения личности. Последний раз всего обыскали, все из карманов повиытаскивали и на стол сложили, а потом еще за ноги подняли и вниз головой трясти стали, мол, он роста маленького, поэтому так будет надежнее, так у него в карманах точно ничего не останется. А у него после голова ужасно разболелась, и он попросил у них воды, чтобы запить таблетку солпадеина, который он все время принимает, так что он на него уже почти и действовать перестал, приходится по две таблетки за раз съедать. Правда, их начальник его пожалел и сказал: «Знаешь, Саня, езжай-ка ты к себе на Байкал, и выправи себе нормальный паспорт, с человеческой пропиской, а тут ты только мучиться будешь. Заберут у тебя паспорт этот, и останешься ты вообще без документов. Я-то пока тебя отпускаю, мне тебя жаль, я же человек все-таки». И паспорт ему все же вернул. Спасибо и на том.

Александр снимал комнату в квартире своего друга, где тот проживал вместе со своей женой. Жена друга сразу возненавидела Александра, она вообще очень властная и своенравная, и Лёша, друг Александра, был у нее под каблуком. А все потому, что они не по любви женились. У жены есть квартира, вот он и женился, а любви как не было, так и нет. Детей его жена не хочет. Вот так они и живут, мучаются, короче. Лёша стихи сочиняет. Александр еще в армии с ним познакомился и с тех пор переписывался, а потом решил к нему в Питер приехать, хотя толком его не знал, они только здесь уже по-настоящему познакомились. А как эта афера с пропиской вскрылась, то Александр решил к нему в ноги кинуться и попросить, чтобы он его у себя прописал. Но Лёша весь как-то скривился, голову вниз опустил и сказал, что подумает. До сих пор думает, но, видно, не хочет он другу помочь, так как это может создать ему дополнительные проблемы. Александр уже это понял.

Зарабатывал Александр неплохо, вот только уставал ужасно, и времени у него ни на что не оставалось. Он работал в конторе, которая занималась очисткой памятников архитектуры. Недавно они убрали грязь с чердака Исаакиевского собора и отмывали там старые кирпичи, а сейчас их бригаду перевели на Спас-на-крови. Бригадир, который был непосредственным начальником Александра, вообще считал, что если у человека нет детей и жены, то ему дома делать нечего. А Александр и был именно таким человеком, поэтому бригадир заставлял его работать больше других.

Телефон Беллы ему дал Леша. Она преподавала во Французском институте и согласилась обучать его французскому прямо у него дома, за дополнительную плату, конечно, но это мелочи. Французский Александру был жизненно необходим. Как он без него во Франции будет? Никак. А Изабелла Соломоновна Анфини по отцу была наполовину француженкой, провела в Париже почти все детство, то есть фактически являлась носителем языка, и это уже само по себе стоило на порядок дороже. Такую преподавательницу, если бы не Леха, он себе ни в жизнь не нашел.

Перед первой встречей с Беллой Александр помыл голову и надел свой самый красивый джинсовый костюм, прибрался в комнате, открыл пианино и поставил на него раскрытые ноты с песней Джо Дассена. Он раздобыл эти ноты совсем недавно. Просто прочитал в газете объявление об уроках музыки, позвонил и попросил ноты песни Джо Дассена «Э си тю нэкзистэ па». А играть на пианино он и сам умел, и еще на аккордеоне и на гармошке. Они со своей бывшей женой даже выступали в Иркутске на улице и так

зарабатывали. Он был в маске крокодила Гены и играл на гармошке песню «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам», а жена изображала Чебурашку и тихонько ему подпевала. Ну, не совсем жена, а просто подруга, женщина за сорок, с которой он одно время жил, и которая ему помогала, поддерживала в трудную минуту, так сказать. Ему, кстати, тогда удалось довольно неплохо заработать. Он как раз собирал на дорогу в Петербург, потому что был уверен, что во Францию он сможет попасть только оттуда. Правда, однажды к нему подошли милиционеры, забрали все деньги и даже гармошку хотели отобрать, но жене в последний момент удалось их уговорить оставить инструмент, а вот денег они все же лишились. Нигде в этом мире не было справедливости. Александру казалось, что он родился под несчастливой звездой, но все же эту справедливость он надеялся обрести во Франции, ведь не может же так быть, чтобы все и всегда для него складывалось неудачно. Вскоре они с этой женщиной расстались, ведь Александр собирался во Францию, а с ней он никак не мог туда попасть.

Музыкант, которому он позвонил, готов был написать ему ноты песни Дассена, но запросил за это тысячу рублей. Александр согласился, уж такой у него был характер, он никогда и ни с кем не торговался, и даже если покупал плохую вещь, никогда не ходил и не требовал деньги обратно, даже если у него была гарантия, срок которой еще не истек. Он уже давно задумал исполнить эту песню какой-нибудь французенке, у которой будет брать уроки.

Момент, связанный с рыбами, показался Белле наиболее значимым в биографии Александра, поскольку всем известно, что рыба по латыни будет «ИТЕОС», что является буквальной анаграммой Иисуса Христа Сына Божия, из-за чего изображение рыбы в христианской традиции издревле использовалось в качестве одного из символов, обозначающих Бога. Она уже говорила с мужем Регины, и он полностью ей это подтвердил. А Александр, плюс ко всему, был таким чистым, наивным и доверчивым, не тронутым цивилизацией, совсем как князь Мышкин у Достоевского или же Иванушка-дурачок из русской сказки. По этой причине, для нее как для женщины, опускавшейся на самое дно этого мира, побывавшей в настоящем публичном доме, встреча с Александром тоже обретала дополнительный символический смысл. Возможно, он явился к ней, чтобы таким образом ее спасти и искупить ее грехи. По этой причине, со своей стороны, она считала себя просто обязанной тоже ему как-то помочь в той непростой жизненной ситуации, в которой он оказался, без паспорта, по сути, совсем один в большом капиталистическом городе. Для Александра Петербург – это же, фактически, то же самое, чем для нее в свое время был Брюссель. Так что она очень хорошо его понимала. И вот если бы он мог поделиться с радиослушателями своими проблемами, то, может быть, кто-то из них ему бы и помог, например, выступил спонсором в осуществлении его мечты о поездке во Францию. А заодно и они с Ольгой тогда, возможно, съездили бы в Париж в качестве его опекунов. Ольга бы устроила там в какой-нибудь галерее свою выставку и выступила с чтением стихов. Она же помнит, как французам тогда у них в институте понравилась ее поэзия?

Ольга в целом была с Беллой согласна. Ей как праправнучке архидиакона Спасо-Преображенского собора все эти символы тоже были очень близки и понятны. В этом мире нет ничего случайного, все предначертано свыше. Господь указывает заблудшим людям дорогу, посылая им знаки в виде различных предметов и встреч с необычными личностями. Только вот, как им это дело обставить? Гомер Рогожка, конечно, выступал у нее как человек из народа, у них это приветствуется. Но гость программы, который постоянно говорит вместо «ихний» -- «евоинный», пожалуй, это уже слишком. Как бы ей в данном случае с народностью не перебрать. И потом, Гомер добился успеха, стал звездой современной культуры. А как ей представить Александра слушателям? В качестве символа Иисуса Христа? Их директор может такого и не понять. Короче, концепция передачи явно нуждалась в доработке.

В этот момент Александр, молча сидевший во время их с Беллой беседы в углу комнаты перед монитором компьютера ее младшей дочери – Ольга даже подумала, что он увлекся там какой-нибудь игрой – вдруг поднялся со стула и с блаженной улыбкой, которая, кажется, никогда не сходила с его лица произнес: «Посмотрите, Ольга Глебовна, какое объявление, благодаря своим связям во Франции, помогла мне вывесить в Интернете Белла Соломоновна. Этот сайт доступен только для избранных, его читают в самых богатых кварталах Парижа. Но Белле Соломоновне удалось договориться совсем недорого, всего за двести евро. И себе она даже ничего не взяла. Я ей так благодарен». Белла попыталась ему возразить: «Не стоит, Александр. Зачем вы тут поднимаете эту тему?..» Но Ольга уже подошла к компьютеру и к своему глубочайшему изумлению увидела перед собой страницу Живого Журнала, с которой на нее взирал блаженно улыбающийся Александр в русской косоворотке и с гармошкой в руках. Под фото крупным шрифтом было написано: «Молодой человек дворянского происхождения, без вредных привычек, интересуется музыкой и вокалом, желает познакомиться с француженкой, проживающей в Париже. Писать: moscheyr81@yandex.ru». Чуть ниже, то же самое дублировалось по-французски. «Белла Соломоновна говорит, что послезавтра срок этого объявления истекает, а у меня сейчас совсем нет денег, чтобы его продлить. Но может быть, кто-нибудь еще мне и напишет, я бы очень хотел», -- продолжил Александр со все той же блаженной улыбкой на лице.

У Ольги даже челюсть отвисла от такой наглости и цинизма. Как Белла могла взять бабки с этого деревенского простачка, о котором она тут только что с три короба наплела, за страницу в блоге, какую каждый может себе без проблем открыть буквально за пять минут, причем совершенно бесплатно? Ну, она дает! Но как же быть? Все-таки Белла была ее самой близкой подругой, а этого Иванушку-дурачка она видела в первый и, возможно, последний раз в жизни. Не выкладывать же ему вот так сейчас сразу всю правду. А вдруг он впадет в буйство и прирежет Белку ножом прямо у нее в квартире, а заодно избавится и от нее как от свидетеля. Разумней было все же дождаться, пока они уйдут, а там уже с этой благодетельницей переговорить, вправить ей мозги.

Тем же вечером Белла сама позвонила Ольге и стала нести какую-то пургу про то, как ей неловко, что так получилось, но просто ей не хотелось разрушать мечту Александра про Францию, а реальные сайты, действительно, могут стоить денег, которых, как Ольга знает, у нее нет, поскольку приходится одевать и кормить дочку. Без бабок же вся эта катавасия выглядела бы для него совершенно не убедительно, а так он хотя бы недельку порадовался и пожил в своей мечте, каждый день засыпая в ожидании весточки от своей французской избранницы. Разве это не здорово? Неужели Ольга не в состоянии этого понять из-за своей дубовости и испорченности? Ольга все прекрасно понимала. Ей тоже надо было помогать дочерям получить образование, и бабок у нее тоже постоянно не было, в том числе и сейчас. Поэтому, чтобы не вдаваться в детали, она хотела, чтобы Белла отвалила ей половину от полученной с Александра суммы. За молчание. Иначе, она как православный и глубоко верующий человек, внучка архидиакона, просто вынуждена будет его просветить насчет этого «дорогостоящего сайта для состоятельных парижанок» и снимает с себя всякую ответственность за последствия. А судя по улыбке, Александр очень похож на сумасшедшего. Ольга таких в своей жизни уже встречала и не раз.

Теперь уже Белла была в шоке от услышанного. Она соприкасалась с самыми темными сторонами жизни, видела таких извращенцев, что Ольге и не снились, но чтобы шантажировать свою лучшую подругу и вымогать у нее бабки - подобного она еще никогда не встречала. Даже те, что стояли когда-то рядом с ней на панели - и то столь низко никогда не опускались! Женщины, лишившиеся буквально всего, доведенные до последней черты унижения, сохраняли в своей душе благородство и представление о нормах элементарного приличия. Впрочем, ладно, она согласна дать Ольге пятьдесят евро, раз уж та так нуждалась, или же немедленно повесит трубку... В конце концов, Ольге все-таки удалось выбить из Беллы семьдесят евро. Однако она потом еще долго

жалела, что не настояла на своем и сбавила цену за свое молчание. Белла ведь, наверняка, и эту возню с передачей затеяла, чтобы у нее за спиной срубить бабла с того маньяка с ангельской улыбкой на лице.

Однажды Ольга купила на день рождения своей старшей дочке 3-х пиксельный фотоаппарат Canon и по дороге из магазина увлеклась фотографией. Сделанные ею тогда двадцать снимков проспекта Обуховской обороны легли в основу выставки «Путь домой». Выставка стала первой за три года существования галереи «Промзона» на Парнасе, которую посетили больше десяти человек.

Куратор выставки, искусствовед Борис Шредер, подвез ее на своей машине до Эрмитажа.

В том же году она написала стихотворение «Привет!», состоявшее из единственной строчки: «Здравствуй, здравствуй, я пришла», – слова которой были набраны из букв разных размеров и прочитывались по диагонали, начиная с верхнего левого угла страницы. Через год в альманахе «Кабинет доктора Менгеле» было опубликовано ее стихотворение «Прощай!»:

До свидания, до свидания, пока-пока.

Дождь долгожданный стучит по крыше здания:
кап-кап.

Здание мира – это и есть мироздание.

Пр-р, кр-р, тр-р, чр-р, м-р-р, д-р-р Мухи и Паука.

В ее первом документальном фильме из жизни случайных посетителей кафе «Нямбург» приняли участие девять художников из группы «Петербургские чудачки и оригиналы», ежик Мухомор и танцовщица Нора Мовсеян.

Год спустя Ольга снялась в пятнадцатиминутной экранизации трилогии Дюма про мушкетеров режиссера Сидельникова. В фильме она сыграла королеву Марго, раздающую рекламные проспекты прохожим возле метро «Пролетарская». То есть фактически саму себя.

август 2011 года, Санкт-Петербург